ФОНД
содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

НИИ ПРАВОСЛАВНОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2019, № 6

Санкт-Петербург
2019

FOUNDATION
FOR PROMOTION OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
"UNIVERSITY"

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

RESEARCH INSTITUTE OF ORTHODOXY ECONOMY

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2019, № 6

Saint-Petersburg
2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники Украины (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2019
© Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», 2019

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Professor of the Department of Management of Crime Investigation Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moskow, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement of the Russian State Social University, Doctor of Law, Associate Professor (Moskow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of Ukraine (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2019
© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала "Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Калканов С.С., Сальников В.П., Хабибулин А.Г. МВД России в лицах: Вячеслав Иванович Аскоченский и в отставке на страже правопорядка 11

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Гутман М.Ю. Милиция России как боевой резерв Красной Армии (1918 – 1921 гг.) (К 100-летию декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «О Советской Рабоче-Крестьянской милиции» от 3 апреля 1919 г.) 19

Емелин С.М. Судебная реформа 1864 года и ее влияние на деятельность полиции в Российской империи в конце XIX века 32

Георгиева П.А., Лясович Т.Г. Н.Ф. Плевако и его вклад в развитие отечественной юриспруденции 37

Ковалев В.А., Тетерина А.А. К.П. Победоносцев и его отношение к Судебной реформе 1864 года 43

Егоршин В.М. Правовая чехарда 49

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

Боброва Н.А. Итоги дискуссии о будущем Конституции Российской Федерации, состоявшейся в связи с ее 25-летним юбилеем 57

Литвинов Н.Д., Скулаков Р.М. О полномочиях войск национальной гвардии Российской Федерации в сфере охраны Государственной границы Российской Федерации 68

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Бободжонзода И.Х., Пулоди М.К. Понятие морального вреда в гражданском праве и его основные признаки 92

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Старовойтова О.Э. К вопросу плодоизгнания в свете Судебной реформы 1864 года 106

Захарцев С.И., Сальников М.В. Фундаментальная книга о юридической ответственности. Рецензия на монографию Н.А. Бобровой «Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 544 с.» 110

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Захарцев С.И., Сальников В.П. Следственному Комитету Российской Федерации нужны собственные оперативно-розыскные подразделения 114

Победкин А.В. Наука уголовного процесса 119

Третьяков И.Л. Мотив и цель преступления 126

Вашкевич А.В., Никишкин А.В., Степанов И.В. Дискуссионные вопросы квалификации преступления по статье 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» 135

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Вовк Н.Д. Противодействие незаконному вывозу капитала за рубежом (на примере Франции) 139

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Заславский Г.И., Захарцев С.И., Ковалев А.В, Сальников М.В., Чёрный Я.А. Организация службы собственной безопасности в государственных судебно-медицинских экспертных учреждениях 145

Макаренко М.А. Государственный обвинитель в свете Судебной реформы 1864 года: история и современность 159

Пикин И.В. Уголовно-правовая регламентация условно-досрочного освобождения от отбывания наказания 168

Васильев Ф.Ю. Процессуальный статус потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года и его современное состояние в уголовном судопроизводстве Российской Федерации 174

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Гвай А.М., Захарцев С.И. Уголовная ответственность за совершение убийства и причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству зарубежных государств 180

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Прокофьев К.Г., Морозов А.И., Чудин-Курган Ф.О. Проблема соотношения правовых норм и моральных ценностей в западной философии права: Кельзен – Харт – Дворкин 187

Информация для авторов 197

CONTENTS

Kalkanov S.S., Sal'nikov V.P., Khabibulin A.G. The Ministry of Internal Affairs of Russia in persons: Vyacheslav Ivanovich Askochensky and retired on guard of law and order 11

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Gutman M.I. Russian police as a combat reserve of the Red Army (1918 – 1921). (On the 100th anniversary of the decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Soviet Workers and Peasants' Police" of April 3, 1919) 19

Emelin S.M. The judicial reform of 1864 and its impact on the police in the Russian empire at the end of the XIX century 32

Georgieva P.A., Lyasovich T.G. N.F. Plevako and his contribution to the development of domestic jurisprudence 37

Kovalev V.A., Teterina A.A. K.P. Pobedonostsev and his attitude to the Judicial Reform of 1864 43

Egorshin V.M. Legal leapfrog 49

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities.

Bobrova N.A. The outcome of the discussions and future of the Constitution of the Russian Federation, held in conjunction with its 25-year anniversary 57

Litvinov N.D., Skulakov R.M. On the powers of the national guard of the Russian Federation in the protection of the state border of the Russian Federation 68

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Bobojonzoda I.Kh., Pulodi M.K. The concept of moral harm in civil law and its main features 92

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Starovoitova O.E. To the issue of fruit expulsion in the light of the Judicial Reform of 1864 106

Zakhartzev S.I., Sal'nikov M.V. Fundamental book on legal liability. Review of the monograph by N.A. Beaver “General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility: a monograph. – M .: Yurlitinform, 2019. – 544 p." 110

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Zakhartzev S.I., Sal'nikov V.P. The Investigative Committee of the Russian Federation needs its own operational investigative units 114

Pobedkin A.V. Criminal Science 119

Tretyakov I. L. Motive and purpose of the crime. lecture 126

Vashkevich A.V., *Nikishkin A.V.,* *Stepanov I.V.* Discussion questions of qualification of a crime under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation "Murder by a mother of a newborn child" 135

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Vovk N.D. Counteraction to illegal export of capital abroad (on the example of France) 139

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Zaslavsky G.I., Zakhartsev S.I., Kovalev A.V., Sal'nikov M.V., Chornyy Ya.A. Organization of personal security services in state forensic medical institutions 145

Makarenko M.A. The public prosecutor in the light of the judicial reform of 1864: history and the present 159

Pikin I.V. Criminal-legal regulation of parole from serving a sentence 168

Vasilyev F.Yu. Procedural status of the victim under the Statute of criminal proceedings of 1864 and its current state in criminal proceedings of the Russian Federation..... 174

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Gvay A.M., Zakhartzev S.I. Criminal liability for murder and grievous bodily harm according to the legislation of foreign states 180

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Prokofiev K.G., Morozov A.I., Chudin-Kurgan F.O. The problem of correlation of legal norms and moral values in Western philosophy of law: Kelsen – Hart – Dvorkin 187

Information for the authors..... 197

КАЛКАНОВ Сергей Сергеевич,
аспирант кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультетf) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
E-mail: skalkanov@bk.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-лейтенант милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, генерал-лейтенант полиции (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alik@mail.ru

МВД РОССИИ В ЛИЦАХ: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ АСКОЧЕНСКИЙ И В ОТСТАВКЕ НА СТРАЖЕ ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. *Посвящается полковнику милиции Аскоченскому Вячеславу Ивановичу. Раскрывается его биография и описываются интересные моменты жизни, в том числе приведшие к службе в правоохранительных органах. Рассматривается служба от постового милиционера до заместителя начальника УВД ЮВАО г. Москвы, от сержанта до полковника милиции. Отмечаются его заслуги и достижения во время службы, а также огромный вклад В.И. Аскоченского в создание и развитие народной дружины ЮВАО г. Москвы.*

Ключевые слова: *В.И. Аскоченский; правоохранительные органы; общественный порядок; народная дружина.*

KALKANOV S.S.
SAL'NIKOV V.P.
KHABIBULIN A.G.

THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN PERSONS: VYACHESLAV IVANOVICH ASKOCHENSKY AND RETIRED ON GUARD OF LAW AND ORDER

The summary. *The article is dedicated to the colonel of militia Askochensky Vyacheslav Ivanovich. The article reveals the biography of Askochensky V.I. and describes interesting moments of life, including those that led him to serve in law enforcement agencies. His service is being examined from a policeman to a deputy chief of the Internal Affairs Directorate of the South-Eastern Administrative District of Moscow, from a sergeant to a police colonel. His merits and achievements during the service, as well as the huge contribution of Askochensky V.I. to the creation and development of the national squad of the South-Eastern Administrative District of Moscow are noted.*

Key words: *V.I. Askochensky; law enforcement agencies; public order; national team.*

Аскоченский Вячеслав Иванович родился 12 октября 1946 в селе Старая Ведуга Семилукского района Воронежской области, в многодетной семье. Отец Вячеслава Ивановича – Иван Тихонович был сыном настоятеля храма в Воронежской области и учительницы школы. Жизнь распорядилась так, что отец Вячеслава Ивановича появился на свет после трагических событий произошедших в их семье. Дед Вячеслава Ивановича – настоятель Храма отец Тихон, в 1917 году был арестован. Все имущество храма было конфисковано государством. Задержанный отец Тихон до суда не дожил и скончался в изоляторе. Его кончина наступила до рождения Ивана Тихоновича. Иван Тихонович с рождения воспитывался мамой Зинаидой и пошел по ее стопам, посвятив большую часть своей жизни работе в сельской школе, где изначально преподавал немецкий язык, а в дальнейшем возглавил школу, став ее директором. Мама Вячеслава Ивановича – Мария Сергеевна занималась воспитанием шестерых детей. С самых ранних лет Вячеслав Иванович был ответственным и самостоятельным ребенком – помогал родителям в воспитании младших братьев и сестер и всегда трепетно ухаживал за ними.

Учился Вячеслав Иванович в средней школе в родном селе, а завершал школьное образование в средней школе № 1 города Воронежа в 1963 году. В том же году поступает в Профессионально-техническое училище № 2 при заводе им. Калинина г. Воронежа, которое окончил с отличием. Трудовая деятельность Вячеслава Ивановича началась на Заводе тяжелых прессов им. Калинина в литейном цеху по приобретенной им специальности – формовщик. В то время он получал достойную заработную плату в размере 200 рублей.

20 июня 1965 года был призван в ряды Советской Армии, службу проходил в войска Бакинского округа ПВО, в городе Туапсе, в поселках Джубга Туапсинского района и Леселидзе (Абхазия). Завершил воинскую службу 18 мая 1968 года в звании сержанта. После ее окончания, была мысль устроиться работать на какой-либо из московских заводов по своей специальности, но планы изменились после общения со своей знакомой, которая посоветовала устроиться на службу в органы МВД.

И данное решение Вячеслава Ивановича стало началом его трудовой деятельности и карьеры в правоохранительных органах длиною в жизнь. Им был пройден путь от постового милиционера до заместителя начальника УВД ЮВАО г. Москвы, от сержанта до полковника милиции.

Поступил на службу 2 июля 1968 года в органы МВД СССР постовым милиционером в 103 отделение милиции Люблинского РУВД г. Москвы. В этом же году Вячеслав Иванович зарегистрировал брак в родном селе с девушкой, с которой жил по соседству и дружил со школьной скамьи.

В ходе службы в милиции проявил себя как ответственный и добросовестный сотрудник. От работы получал огромное удовольствие, занимался важным делом, которое любил, работа и была ему не в тягость. Спустя небольшой промежуток времени, за задержание опасных преступников, был поощрен. Через полгода службы Вячеслав Иванович избирается депутатом Люблинского районного совета столицы. В апреле 1969 года назначен на должность участкового инспектора. В этот год произошло еще одно важное событие – рождение дочери Жанны. Исполняя свои обязанности на новой должности, себя зарекомендовал положительно, и как один из лучших участковых инспекторов в 1971 году поступает в Высшую школу МВД СССР и совмещает работу с учебой. Во время учебы в возрасте 27 лет назначается заместителем начальника по политико-воспитательной работе 103 отделения милиции. Особое внимание уделяет учебно-воспитательному процессу личного состава, проводя лекции, тематические встречи и читательские конференции.

20 февраля 1981 года, приказом начальника ГУВД г. Москвы, Вячеслав Иванович назначается начальником вновь открывшегося 161 отделения милиции в новом районе Марьино. Через полгода подразделение было укомплектовано полностью. По результатам работы за год, коллективу было вручено переходящее красное знамя Люблинского райсовета города Москвы.

Своим профессиональным мастерством Вячеслав Иванович выводит свое отделение на передовые места в районе. В частности отделение занимает лидирующие позиции по предупреждению и раскрытию квартирных краж. Свидетельством того являются многочисленные случаи казалось бы безнадежных, в плане задержания преступника, дел. Их раскрытие было бы невозможным без таких качеств, как профессионализм, умение быстро и четко организовать весь личный состав, при этом найти индивидуальный подход к каждому, а также навыков управления и опыта оперативной работы, которыми несомненно обладал Вячеслав Иванович. В подтверждение этого, можно привести следующий пример: в 80-е годы в районе Марьино совершается квартирная кража. Вячеслав Иванович, будучи тогда майором, берет дело под личный контроль. После осмотра места происшествия, опроса соседей, сразу выйти на след преступника не удается. На следующий день в его кабинете собрался личный состав отделения, началось обсуждение дальнейших мероприятий по поимке вора. В ходе обсуждения, Вячеслав Иванович, используя грамотный прием, так называемую «мозговую атаку», выслушал мнения каждого сотрудника, проанализировал их и как опытный руководитель твердо и решительно вынес следующий приказ: «Поиск нарушителя вести более организованно, создать опергруппу из семи человек во главе с Захаровым». Именно Сергей Захаров являлся на тот момент заместителем Вячеслава Ивановича по уголовному розыску и зарекомендовал себя как высококлассный специалист, рассчитывающий свои действия на несколько ходов вперед. Шли третьи сутки розыска преступника, в котором были задействованы и оперативные работники, и постовые милиционеры, и даже дружинники. Совместными усилиями был прочесан весь район. Данное дело, было на контроле в РУВД, откуда поступил звонок от подполковника В. Воробьева, с рекомендацией бросить все силы на поимку преступника. И вот по истечению трех суток в 161 отделение поступает звонок от младшего сержанта С. Башмакова, вышедшего на след преступника. В итоге, по истечению 72 часов сотрудникам 161 отделения во главе с Аскоченским Вячеславом Ивановичем удалось задержать опасного преступника.

Большое внимание личный состав отделения уделял профилактике и предупреждению преступности. Недопущение совершения преступлений тогда считалось важным направлением работы [5; 6; 13]. Если же преступление совершалось, оно обязательно должно быть раскрыто и виновные в его совершении привлечены к ответственности. Это была азбук работа милиции.

В 1984 году на территории района Марьино в период с марта по апрель было совершено 29 квартирных краж, аналогичные преступления совершались и на территории соседнего 103 отделения милиции города Москвы – Люблино и все они оставались нераскрытыми. Вячеслав Иванович несколько раз обращался к руководству Люблинского РУВД с просьбой о выделении дополнительных сил для предупреждения квартирных краж. В середине апреля по указанию начальника районного управления Балагуры Василия Ивановича были выделены дополнительные силы, что позволило перекрыть все 69 жилых домов на обслуживаемой территории. Все службы отделения были переведены на усиленный режим несения службы, а также созданы мобильные оперативные группы. Личный состав и дополнительные силы работали в усиленном режиме с 8:00 до 18:00 часов. На все поступающие сообщения о квартирных кражах оперативные группы выезжали в течении трех минут. 21 апреля в 11:30 в дежурную часть поступило очередное сообщение. В доме № 3 по Новочеркасскому бульвару путем взлома входной двери совершена квартирная кража, хозяйка отсутствовала не более 30 минут. На происшествие выехала оперативная группа во главе с заместителем начальника милиции Ващелевым Василием Игнатьевичем, в составе инспектора уголовного розыска Жигарева Станислава, участкового инспектора Булычева Сергея. На месте происшествия было установлено, что на лестничной площадке третьего этажа взломано три квартиры. О данном факте было сообщено дежурному по отделению милиции и начальнику. Вся информация была передана дежурному по РУВД и направлены дополнительные силы к месту происшествия. При отработке жилого подъезда инспектору уголовного розыска удалось установить, что в квартиру позвонила женщина, а когда ей открыла хозяйка с грудным ребенком на руках, звонившая спросила: «Почему у вас электронный счетчик вращается в другую сторону?». Хозяйка описала приметы звонившей женщины. Буквально через 15 минут, в дежурную часть поступило новое сообщение о квартирной краже, совершенной в этом же доме через подъезд на пятом этаже. Вячеслав Иванович по рации связывается с оперативной группой и дает указание срочно проверить указанный адрес. На место были направлены инспектор уголовного розыска Жигирев Станислав и Сергей Булычев. Участковый инспектор к месту происшествия на пятый этаж поднялся на лифте, а Жигирев по лестнице. Между третьим и четвертым этажом он увидел, что с двумя хозяйственными сумками спускается женщина, по приметам похожая на ту, которую описывала женщина с грудным ребенком. Инспектор уголовного розыска и участковый задержали гражданку и доставили в 161 отделение милиции г. Москвы.

При выяснении установлено, что задержанная Светлана Рудь, жительница г. Пушкино Московской области, ранее дважды судимая за совершение квартирных краж. В ходе расследования, было установлено, что в Москве, за последнее время она совершила 158 квартирных краж, в результате чего, Люблинским народным судом была осуждена на 7 лет.

В январе 1987 года на итоговом оперативном совещании по результатам работы ГУВД г. Москвы и его подразделений за предыдущий год принял участие, вновь назначенный первым секретарем городского комитета партии Москвы Б.Н. Ельцин. В своем выступлении Борис Николаевич дал положительную оценку работе сотрудников столичной милиции, однако отметил, что органы власти города и особенно на местах недостаточно уделяют внимание сотрудникам милиции, которые обязаны обеспечивать общественный порядок и охранять покой москвичей и гостей столицы. В заключении выступления пообещал по итогам первого полугодия вникнуть в работу правоохранительных органов и органов власти.

Руководство ГУВД к проведению итогового оперативного совещания по результатам работы ГУВД за первое полугодие 1987 года начали готовиться заранее и предварительно отметили по службам руководителей для выступления. Среди выступающих, кандидатами от начальников отделений милиции были назначены Аскоченский Вячеслав Иванович и ещё два руководителя других отделений. За 10 дней до итогового совещания было принято окончательное решение, в результате которого утвердили кандидатуру начальника 161 отделения милиции г. Москвы В.И. Аскоченского. На итоговом совещании присутствовал Б.Н. Ельцин, выступление Вячеслава Ивановича прошло успешно и через три недели он был назначен заместителем начальника Люблинского РУВД г. Москвы по службе.

Данную должность он занимает 4 года. Все службы, которые курировал Вячеслав Иванович, работали стабильно и имели положительные результаты среди других РУВД города.

17 августа 1991 года приказом начальника ГУВД г. Москвы назначен на должность начальника Люблинского РУВД г. Москвы. В это время в Москве происходят структурные и территориальные изменения. В городе было образовано десять префектур. В состав ЮВАО вошли три района: Волгоградский, Калининский и Люблинский. В округах образованы УВД МВД России по городу Москве. 19 августа 1991 года, на третий день назначения Люблинского РУВД, произошли существенные политические события, связанные с попыткой организовать захват власти в государстве. Весь личный состав окружного УВД и ГУВД г. Москвы были переведены на усиленный режим работы, отменялись выходные и службу несли по 12 часов ежедневно. Начальник УВД ЮВАО г. Москвы В.В. Косарев находился в очередном отпуске и исполняющим обязанности начальника УВД был назначен В.И. Аскоченский, как один из опытных и высокопрофессиональных руководителей. В округе срочно была образована чрезвычайная комиссия, которую возглавил комиссар (военком) ЮВАО, заместителями стали председатель исполкома Люблинского райсовета и начальник РУВД. В столице было введено чрезвычайное положение, на улицах появились танки, бронетранспортеры, созданы военные комендатуры. Сотрудники милиции обеспечивали общественный порядок на территории округа и большие силы направлялись в центр Москвы, где проходили различные массовые мероприятия, в том числе к Белому дому, на Кадашёвскую набережную, в район метро «Баррикадная». В это время ГУВД г. Москвы возглавлял генерал-лейтенант Н.С. Мыриков, который сделал все возможное, чтобы сотрудники милиции и, в первую очередь, руководители всех подразделений столицы правильно понимали свою задачу по обеспечению правопорядка при создавшейся очень непростой ситуации. Принятые правильные решения руководством ГУВД города и окружных руководителей позволили обеспечить общественный порядок и не допустить в столице массовых провокаций. Нельзя не отметить и тот факт, что 130-тысячный коллектив московской милиции предотвратил начало гражданской войны в государстве, несмотря на множественные попытки Запада и США, направленные на ее разжигание. Западу тогда не удалось навязать российскому народу их западные, американские ценности, чуждые нам [3; 9; 11; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19]. Московская милиция стала несломленной опорой города и успешно решила все поставленные перед ней задачи.

3-4 октября 1993 года борьба за власть вспыхнула с новой силой, в столице появились войска, танки стали обстреливать Белый дом, снайперы стреляли с укрытий, в том числе с крыш высотных строений. Появляются первые убитые и раненные, как среди мирного населения, так и среди сотрудников милиции и военнослужащих. В Москве вводятся военное положение в течение всего октября и комендантский час. В это время В.И. Аскоченский занимает пост руководителя УВД и назначается начальником штаба УВД ЮВАО по г. Москве, так как сложившаяся ситуация оставалась сложной и непредсказуемой. За штабом были закреплены представители МВД и ГУВД г. Москвы, которые, в свою очередь, отмечали профессионализм сотрудников штаба во главе с В.И. Аскоченским. Управляя силами и средствами всего окружного УВД, состоящими из более 7500 аттестованных сотрудников милиции, 750 военнослужащих, 10 БТР и милицейского вертолета, Вячеслав Иванович принимал активнейшее участие в обеспечении общественного порядка как в доверенном ему округе, так и в столице в целом.

За время службы в органах МВД, В.И. Аскоченский всегда с огромной ответственностью и знанием дела честно подходил к своей работе. Он проявил себя, как грамотный руководитель и высокий профессионал, всегда пользовался уважением, как со стороны подчиненных и руководящего состава, так и со стороны населения. Был награжден более 20 государственными и правительственными наградами, 3 раза с 1969 по 1975 годы избирался депутатом Люблинского районного совета г. Москвы. В 1996 году увольняется на пенсию.

По окончанию службы в МВД Вячеслав Иванович 9 лет возглавляет народную дружину ЮВАО г. Москвы. Он всегда с особым вниманием относился к охране общественного порядка и к развитию Московской городской народной дружины. В начале 2000-х, занимая пост начальника штаба народной дружины ЮВАО по городу

Москве, отмечал, что вступить в дружину может не каждый, а только физически здоровый москвич, достигший восемнадцатилетнего возраста и прошедший проверку по картотекам МВД. После проведенных проверок гражданин проходит стажировку, в течение трех месяцев, а по окончанию года каждый дружинник должен проходить переаттестацию. По количеству прав, дружинник практически приравнивается к сотруднику милиции, например, имеет право проверить документы у граждан, пресечь нарушение общественного порядка и т.д. Одной из проблем препятствующих развитию народной дружины, по его мнению, является слабая техническая и материальная обеспеченность. Отсутствует нужное количество помещений, для размещения в них штабов. Руководители районов не оказывают содействие даже в элементарном обеспечении формой дружинников и считают, что дружина уже ушла в прошлое и необходимость в ней отпадает.

В 1993 году по инициативе Ю.М. Лужкова было принято Положение о московской народной дружине, что способствовало не только сохранению данной организации на законодательном уровне, но и ее развитию и укреплению. В 2002 принимается Закон № 36 от 26.06. 2002 «О Московской городской народной дружине», а 14 января 2003 Положение «О Московской городской народной дружине». В результате данных нововведений, Московская городская народная дружина преобразуется из общественной организации в государственно-общественное объединение, созданное в целях оказания содействия органам государственной власти города Москвы и правоохранительным органам в обеспечении общественного порядка. Начальник штаба дружины Юго-Восточного округа В.И. Аскоченский отмечает, что впервые из окружного бюджета им выделили 520 тысяч рублей для приобретения фирменной одежды, а раньше практически не получали ничего. Помимо этого было выделено 300 тысяч рублей на поощрение дружинников, включая приобретение ценных подарков и выдачу премий. На торжественном праздновании 850-летия Москвы в центре города на Тверской улице была создана сцена, где происходили все основные мероприятия. Руководством города было принято решение, чтобы общественный порядок обеспечивали народные дружинники ЮВАО г. Москвы в количестве 400 человек. В это время дежурство дружинники несли в новой форме и с поставленной задачей справились успешно.

Нельзя не отметить и тот факт, что в конце 2003 дружина Юго-Восточного округа под руководством Вячеслава Ивановича заняла первое место среди дружин города Москвы, эта тенденция сохраняется и в настоящее время, по результатам работы в 2019 году дружина ЮВАО также признана лучшей в городе.

В 2005 году при создании общественных пунктов охраны порядка (далее - ОПОП) он был назначен председателем ОПОП ЮВАО г. Москвы и принимал участие в организации и создании этой структуры. С 2006 года работает в МГРО партии «Единая Россия», руководителем исполкома Рязанского района г. Москвы.

В.И. Аскоченский являлся единственным представителем от окружных штабов народной дружины в рабочей группе Государственной Думы Российской Федерации и непосредственно участвовал в разработке проекта Федерального закона Российской Федерации от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

В январе 2014 года избран председателем Общественного совета при УВД по ЮВАО г. Москвы.

Помимо успешной карьеры в органах МВД и активнейшего участия в жизни своего округа, Вячеслав Иванович является примерным семьянином, любящим мужем, отцом, дедушкой и прадедушкой. Со своей супругой Зинаидой Ивановной они счастливо живут в браке вот уже более 51 года, а в 2013 году приняли важное для них решение пройти обряд венчания, тем самым укрепив свои прочные и неразрывные узы семьи после 44 лет совместной жизни. В принятии важного решения о венчании, огромную роль сыграл духовный настоятель Вячеслава Ивановича отец Марк, являющийся вот уже 5 лет членом Общественного совета УВД ЮВАО г. Москвы, настоятелем Храма святого равноапостольного князя Владимира при МПКУ имени М.А. Шолохова, клириком Храма святого праведного Иоанна Кронштадтского в Жулебино и войсковым священником Центрального Казачьего Войска в Составе «Коллегии войсковых священников при Синодальном комитете по взаимодействию с казачеством», который указал Вячеславу Ивановичу на его духовные корни, упомянув его

деда Тихона.

Русская православная церковь в семье В.И. Аскоченского, как и в семьях многих других российских граждан в разный исторический период жизни России [1; 2; 4; 7; 8; 10; 20] сыграла и сегодня играет очень важную роль.

Сегодня, находясь в почтенном возрасте и являясь ветераном органов внутренних дел, Вячеслав Иванович не сидит, сложа руки, а ведет активнейший образ жизни. Является заместителем председателя Общественного совета УВД ЮВАО г. Москвы, заместителем председателя Совета ветеранов УВД по ЮВАО, членом жилищной комиссии при УВД, членом контрольно-ревизионной комиссии партии «Единая Россия» ЮВАО г. Москвы, которая насчитывает более 27 тысяч членов партии.

Аскоченский Вячеслав Иванович посвятил всю свою жизнь служению в органах МВД, где приобрел огромнейший профессиональный опыт, который с большой радостью сейчас передает молодому поколению. Тяжелая, ответственная и трудная работа, требующая высокого умственного и физического напряжения, не сломила его человеческие качества, заложенные с детства родителями. Это активный, честный, отзывчивый, душевный, добросовестный и порядочный человек. Именно таким и должен быть сотрудник правоохранительных органов нашей огромной страны.

Список литературы

1. Вычугжанин А.Л. Церковь, деньги, кредит. – Тюмень: Титул, 2014. – 820 с.
2. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
3. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
4. Ильин И.О. Поле духовной брани. – СПб.: Бояныч, 2007. – 416 с.
5. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
6. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
7. Мазурин С.Ф. Роль идеологии в формировании общественного мировоззрения и построении правового, социально справедливого государства // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 179-185.
8. Невозможное человекам возможно Богу. – М.: Абрис. 2019. – 416 с.
9. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
10. Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Издательский центр «Золотая книга»; ДЕАН, 2010. – 368 с.
11. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
12. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
13. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.

14. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 11-15.
15. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
16. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
17. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
18. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
19. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
20. Церковь во время Великой Отечественной войны // Наше дело правое. Мы победили! / Под общ. ред. В.П. Буянова. – М.: КУНА, 2010. – С. 383–384 (в кн.: 608 с.).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ГУТМАН Матвей Юрьевич,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mygutman@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

МИЛИЦИЯ РОССИИ КАК БОЕВОЙ РЕЗЕРВ КРАСНОЙ АРМИИ (1918 – 1921 ГГ.) (К 100-летию декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «О Советской Рабоче-Крестьянской милиции» от 3 апреля 1919 г.)

Аннотация. *Победа Октябрьской революции 1917 г. в России и последовавшие за ней социально-экономические преобразования вызвали ожесточенное, в том числе и вооруженное, сопротивление отстранённых от власти сословий, активную помощь которым в борьбе против Советской власти оказали практически все сильнейшие капиталистические державы мира, организовавшие военную интервенцию. В этих условиях резко возросла преступность. Новой власти для выживания нужны были силы и средства. Для этих целей были созданы Красная Армия и милиция.*

На основе архивных источников, научной и мемуарной литературы, диссертационных исследований рассматривается, как взаимодействовали Армии и милиции, какие были разработаны нормативно правовые акты, регламентировавшие порядок и принципы этого взаимодействия, а также вопросы военной подготовки сотрудников милиции в первые годы Советской власти.

Ключевые слова: *власть; преступность; милиция; армия; гражданская война; интервенция.*

GUTMAN M.Yu.

RUSSIAN POLICE AS A COMBAT RESERVE OF THE RED ARMY (1918 – 1921). (On the 100th anniversary of the decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Soviet Workers and Peasants' Police" of April 3, 1919)

The summary. *The victory of the October Revolution of 1917 in Russia and the subsequent socio-economic transformations caused fierce, including armed, resistance from the estates, which were actively assisted in the struggle against Soviet power by almost all the strongest capitalist*

powers in the world who organized military intervention . Under these conditions, crime has increased dramatically. The new government needed forces and means to survive in these conditions. For these purposes, the Red Army and the police were created.

On the basis of archival sources, scientific and memoir literature, and dissertation research, it is examined how the Army and the police interacted, what normative legal acts were developed that regulated the order and principles of this interaction, as well as issues of military training of police officers in the first years of Soviet power.

Key words: *power; crime; police army; Civil War; intervention.*

В периоды перехода от одной общественно-политической парадигмы к другой, который всегда характеризуется острой борьбой между различными политическими силами за власть, неизбежно возникает проблема защиты новой власти от сопротивления «старых» властных структур, теряющих возможность управлять обществом, активно влиять на происходящие преобразования во всех областях общественной жизни. В процессе этой борьбы формируются структуры, призванные защитить новый строй: новая армия для защиты от внешней угрозы, и система правоохранительных органов для борьбы на «внутреннем фронте», представляющим собой совокупность сил, средств и методов, препятствующих проводимым преобразованиям. При этом, отстранённые от власти, организуя вооруженную борьбу, как правило, вовлекают в неё преступные и деклассированные элементы общества.

По замыслу классиков марксизма-ленинизма, функции защиты нового строя должна была выполнять *народная милиция*, «состоящая из всего *поголовно* населения, из всех взрослых граждан обоего пола, соединяющая в себе функции народной армии с функциями полиции» [10, стр. 22, 42, 43].

Однако, сложившаяся после победы Великой Октябрьской социалистической революции обстановка в стране, и международная ситуация не позволили осуществить этот замысел.

Одной из важнейших задач пришедших к власти большевиков стала необходимость обеспечения в стране революционного порядка, борьба с достигших огромных масштабов уголовной преступностью, поиск сил и средств для решения этих проблем. Значимой стала для новой власти и задача борьбы с контрреволюцией. «Уже 26 октября II съезд Советов обратился с воззванием «К рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором подчеркивалось, что вся полнота власти в центре и на местах перешла к Советам, которые «должны обеспечить подлинный революционный порядок». Первым общероссийским документом, направленным на реализацию этого требования, было постановление НКВД «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 года. Оно содержало четыре пункта.

1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.
2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов.
3. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до снабжения ее казенным оружием.
4. «Настоящий Закон вводится в действие по телеграфу» [11, стр. 128-129].

Таким образом, в постановлении «О рабочей милиции» предписывалось всем Советам учредить рабочую милицию, способствовать её снабжению техническими средствами и вооружением. О том, что созданию рабочей милиции придавалось чрезвычайно большое значение, свидетельствует и то, что документ был назван «законом» [2].

Принятое постановление носило общий характер, не определяло конкретных форм организации милиции и принципов её деятельности, но оно сыграло огромную роль в развитии инициативы народных масс по созданию различных организаций для охраны революционного порядка. По стране прокатилась волна создания различных структур для охраны правопорядка и

борьбы с преступностью, формировавшихся на самых различных принципах. В некоторых населённых пунктах они формировались и на основе всеобщей милиционной повинности (Казань, Кронштадт и другие, меньшие по размерам населённые пункты). Например, в Кронштадте охрана революционного порядка на основе милиционной повинности осуществлялась почти 2 года [4, стр. 76-80].

Уже в начале 1918 г. всё более и более становилось ясным, что в сложившейся обстановке в стране невозможно организовать охрану общественного порядка на основе милиционной повинности. Необходимо приступить к формированию милиции на постоянной основе, создать штатную милицию, отделив охрану революционного порядка от военного дела. В НКВД РСФСР началась подготовка необходимой для этого нормативной базы.

21 марта 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров был рассмотрен вопрос «О сохранении и преобразовании милиции». Было решено обязать НКВД подготовить «Положение о советской классовой милиции».

Одновременно началась и реализация принятого решения. 22 апреля Наркомат внутренних дел рекомендовал губернским Советам «при постановке дела советской народной охраны «решительно отделить это дело от военного дела», так как «смешение и того и другого вредит как организации новой армии, так и правильной постановке дела народной охраны» [17, стр. 12; 3, стр. 19-20].

15 мая НКВД отдал распоряжение губернским исполкомам организовывать милиции на этих принципах [12, стр. 47]. К этому времени уже вступил в действие декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. о введении всеобщей воинской повинности, были созданы местные военные комиссариаты, которыми были взяты на учёт граждане мужского пола в возрасте от 18 до 40 лет, прошедшие обязательный курс военного обучения. Практически начался переход от выборности командиров к их назначению.

Таким образом, одновременно с разработкой нормативного акта о милиции, принимались меры по её формированию на местах как постоянного, штатного органа для охраны революционного порядка, отделённого от военного дела.

5 июня 1918 г. в «Вестнике Комиссариата внутренних дел» был опубликован проект «Положения о народной рабоче-крестьянской охране», в котором было записано, что для охраны революционного порядка учреждается «народная рабоче-крестьянская охрана (советская милиция), как постоянный штат лиц. Организация рабоче-крестьянской охраны (советской милиции) отделяется от военного дела … вся существующая ныне милиция и постановка дела охраны революционного порядка должна быть реорганизована и изменена согласно данному положению» [18, стр. 4].

В последующем проект «Положения» был переработан в Инструкцию «Об организации Советской рабоче-крестьянской милиции», опубликованную 13 октября 1918 г. В ней обосновывалась необходимость перехода к штатной милиции: «В виду чрезвычайных условий, переживаемых в настоящее время Россией, как временная мера, согласно постановлению Совета Народных Комиссаров, Народными Комиссариатами Юстиции и по Внутренним Делам издается настоящая Инструкция по постановке дела охраны революционного порядка (Советской Милиции)». Её пункт 2 констатировал, что «Советская Рабоче-Крестьянская Милиция является исполнительным органом Рабоче-Крестьянской Центральной власти на местах, состоящей в непосредственном ведении местных Советов, и подчиняется общему руководству Народного Комиссариата по Внутренним Делам. Инструкция предусматривала формирование милиции по вольному найму, а при необходимости, и на основе повинности.

Таким образом, в стране на основе принятых нормативно-правовых актов формировалась штатная милиция. Военное дело было отделено от охраны общественного порядка.

К этому времени уже активно шло строительство на постоянной основе и Красной Армии. В соответствии с январскими 1918 г. декретами СНК РСФСР «О рабоче-крестьянской Красной армии» и «О рабоче-крестьянском Красном флоте» 1918 г. их формирование проводилось на добровольной основе. Но в связи с изменением ситуации в апреле 1918 г. было принято решение о всеобщей воинской повинности, начало которой было положено Декретами ВЦИК «О всеобщем обучении военному искусству» и «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную армию», принятыми в апреле-мае 1918 г. Воинской повинности

подлежали мужчины от 18 до 40 лет. Всё мужское население в этом возрасте было взято на учёт, граждане становилось военнообязанными и подлежали призыву в Красную Армию.

Под воинскую повинность попадали и сотрудники милиции, большинство из которых вписывались в данные возрастные рамки. Более того, большинство милиционеров и лиц командного состава ранее проходили службу в армии, участвовали в боевых действиях, т.е. имели определённый уровень не только военной подготовки, но и боевой опыт. Такие люди были нужны на фронтах Гражданской войны и для борьбы с интервентами. И они призывались в армию, многие вступали добровольно в её ряды, что приводило к резкому сокращению численности милиции, ослаблению её деятельности.

Так как в милиции значительную часть сотрудников составляли граждане призывного возраста, нередко создавалась ситуация, при которой почти все милиционеры подлежали призыву. В связи с этим в НКВД РСФСР поступало много вопросов: как должны сотрудники милиции выполнять закон о всеобщей воинской повинности?

17 августа 1918 г. на места был направлен циркуляр, в котором разъяснялось, что работники милиции призываются в Красную Армию на общих основаниях. 11 ноября 1918 г. НКВД уточнил, что мобилизации немедленно подлежат 50 % сотрудников призывного возраста, 25 % должны быть призваны через 2 месяца, а остальные 25 % – через восемь месяцев. Но и это пояснение не решало проблему кадров. Поэтому НКВД своим циркуляром «О мобилизации милиции» предписывал руководителям милиции обращаться в местные военные комиссариаты с ходатайством об оставлении 1/3 личного состава в том случае, если призыву подлежит весь личный состав [19].

Весной 1918 г. обстановка в стране осложнилась. Социально-экономическая политика, осуществлявшаяся большевиками, отказ Советского правительства от выплаты долгов государствам-кредиторам, национализация имущества иностранных граждан, а также стремление стран Антанты не допустить распространения революции на другие страны, оказание ими помощи антибольшевистским силам резко обострили ситуацию в стране. Еще более она осложнилась после подписания «грабительского, похабного, несчастного» Брестского мира, нанесшего не только большой материальный ущерб стране, потерю огромных густонаселённых территорий, но и сильно ударивший по чувствам многих людей и, особенно, российского офицерского корпуса, традиционно воспитанного в духе российского патриотизма.

Началась военная интервенция и гражданская война. Уже весной 1918 г. в Мурманске и Архангельске высадились английские, французские и американские войска, во Владивостоке высадились войска Японии, Англии и США, появились англичане в Средней Азии и Закавказье; немцы оккупировали запад страны. Взбунтовался против большевиков внутри страны чехословацкий корпус. Всё это привело к падению Советской власти на Севере, Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале, в Поволжье. Таким образом, Советская Россия оказалась в кольце фронтов.

Одновременно формировался и внутренний фронт, на котором шла борьба с политическими противниками большевиков, всеми, кто препятствовал утверждению в России новых социально-экономических отношений, хотел возвратить утраченную собственность и сословные привилегии, с деклассированными и преступными элементами. Эта борьба еще более обострилась в связи с началом осуществления политики «военного коммунизма». Внутренний фронт имел ряд особенностей: отсутствовала линия фронта, огромные масштабы, разнообразие форм и методов борьбы – от клеветы на большевиков и Советскую власть до открытых вооружённых выступлений, террористических актов, заговоров, мятежей и политических убийств.

В условиях начавшейся Гражданской войны, военной интервенции и обострением классовой борьбы во весь встала задача защиты революционных завоеваний, подготовки для этого необходимых кадров.

22 апреля 1918 г. ВЦИК принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», в соответствии с которым для подготовки мобилизационного резерва для Красной Армии, каждый трудящийся в возрасте от 18 до 40 лет должен был пройти курс военного обучения без отрыва от производства. Женщины и подростки допризывного возраста (16–17 лет) курс военного обучения проходили на добровольных началах; военнослужащие и лица, прошедшие службу в

армии, привлекались к занятиям для прохождения переподготовки или в качестве инструкторов. Прошедшие обучение считались военнообязанными.

Военное обучение в органах милиции проводили бывшие фронтовики, солдаты и матросы старой армии, составлявшие в рядах милиции более 30%. Военное обучение сыграло важную роль в становлении милиции как военной организации, что в условиях интервенции и гражданской войны имело исключительно большое значение.

Военная обстановка значительно осложнила проблему милицейских кадров во всей стране, в том числе и в Петрограде. С августа по декабрь 1918 г. только по партийным мобилизациям и добровольно в армию убыло более 330 коммунистов милиции города, в основном из числа командного состава. Это приводило к значительным трудностям в организации службы. Гвардейцам охраны (милиционерам) приходилось обслуживать посты двумя сменами вместо трех. Среднесуточная продолжительность службы увеличилась с 8 до 12 и более часов.

В связи мобилизациями в армию возник особенно большой некомплект руководящих кадров милиции. Поэтому местные органы власти принимали меры по закреплению руководителей милиции на службе, освобождению от призыва в армию хотя бы части из них. Так, руководством городской милиции для освобождения от призыва в армию руководителей милиции Петрограда в Исполком Петросовета был направлен Список ответственных работников, «абсолютно необходимых и незаменимых», в который вошло 44 человека [61, л. 20-21].

Важнейшим документом, определившим организацию и задачи милиции в условиях военного времени, был подписанный В. И. Лениным 3 апреля 1919 г. декрет СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции» [5, стр. 6-8]. Подлежавшие призыву в Красную Армию сотрудники милиции считались мобилизованными. Из их числа треть рядового и пятая часть комсостава должны были постоянно находиться в действующей армии. При приближении фронта к месту постоянной дислокации милицейских частей решением реввоенсоветов фронтов и армий милиция в полном составе привлекалась к участию в боевых действиях совместно с частями Красной Армии. Законом предусматривалось улучшение боевого обеспечения милиции, обязательное обучение личного состава военному делу, на нее распространялось действие Уставов Красной Армии. Содержание милиции принималось на государственный счёт [3; 14].

Основные положения декрета от 3 апреля 1919 года и порядок его проведения в жизнь были разъяснены в циркуляре ГУМ НКВД РСФСР от 15 апреля 1919 года. Циркуляр обязывал немедленно приступить к обучению милиционеров военному делу и «обучать милицию преимущественно как пехоту. В городах необходимо стремиться к тому, чтобы милиция хотя бы по районам жила в общежитиях или казармах. Числящуюся в районе милицию при обучении военному делу разбивать на взводы и роты, а роты ближайших районов сводить в батальоны и полки. Занятия производить по возможности. Находящихся в волостях милиционеров время от времени отзывать в город, и на место временно посылать новых, прошедших военное обучение и партийное воспитание в городе» [20, стр. 30-31].

В связи с резким обострением военной обстановки и направлением многих сотрудников милиции в действующую армию, обучение личного состава «военному искусству» стало чрезвычайно трудным делом, а их сведение для этого во взводы, роты и тем более батальоны и полки для боевого сплочения стало просто невозможно. Поэтому претворение в жизнь требований декрета от 3 апреля 1919 г. по военному обучению даже формально было выполнено далеко не во всех губерниях, а в Петрограде и Петроградской губернии лишь во второй половине 1920 г.

Как же шло претворение в жизнь требований Декрета? Перевод милиции на бюджетное финансирование позволил ликвидировать тот разнобой в оплате труда милиционеров, который зависел от возможностей регионов и, нередко, от взаимоотношений между местными властями и руководством милиции.

Распространение на сотрудников милиции Уставов Красной Армии способствовало укреплению дисциплины и повышению исполнительности в органах милиции.

Для повышения мобильности милиции и создания благоприятных условий для военного обучения в Петрограде продолжилось, начатое еще в конце 1918 г., переселение сотрудников

милиции в «квартиры буржуазии» и организация общежитий. Во все районные комендатуры революционной охраны (районные управления милиции – М.Г.) был направлен циркуляр, которым предписывалось «вселить всех гвардейцев охраны в буржуазные квартиры с таким расчётом, чтобы все гвардейцы данного района помещались в одном доме. Для этого в кратчайший срок подыскать в вашем районе (если нет, то в соседнем), один из лучших домов, и сообщите срочно» [51, л. 146-147].

Многое было сделано для повышения боевой подготовки личного состава. Так, 23 августа 1919 г. Тверское Управление СРКМ сообщало, что в соответствии с Декретом СНК от № апреля 1919 г. Губернское управление милиции «сделало срочное распоряжение об обучении товарищей милиционеров военному искусству и разосланы на места подробные программы 96-часового курса обучения военному делу» [29, л. 54, 55 об.]. После изучения и практической отработки всей программы милиционеры сдавали экзамены.

26 мая 1919 г. экзаменационная комиссия в составе: инструктора по всевобучу П.Г. Князева – председателя комиссии, членов комиссии: инструктора по спорту при уездном исполкоме И.В. Молчанова и начальника Весьегонской уездной СРКМ Тверской губернии И.А. Харькова, проведя экзамены, отметила, что «были проверены строевая и тактическая подготовка, полевой и гарнизонный Уставы, винтовка и теория стрельбы, окопное дело. По всем перечисленным отделам были проявлены хорошие знания. Комиссия постановила: «Милиционеров считать окончившими 96-ти часовую программу военного обучения, в чём выдать им удостоверения» [27, л. 47].

Аналогичный акт был представлен и по результатам проведённых экзаменов по всевобучу милиционеров Бежецкого уезда Тверской губернии. При проверке милиционеров уезда «оказалось – выправка и дисциплина хороши, ружейные приёмы также хороши. Полевая выучка, как то: рассыпание в цепь, перебежка, атака и прочее – хороши. Гарнизонная служба – отлична» [27, л. 25, 47].

В соответствии с Декретом СНК в действующую армию направлялись рядовые милиционеры и её командный состав. В отчёте Тверской милиции от 24 ноября 1919 г. сообщалось, что на фронт выделено 240 человек, в том числе: 66 коммунистов, 53 – сочувствующих, 121 беспартийный; 18 лиц командного состава и 222 милиционера» [28, л. 188об.]. Продолжались и индивидуальные мобилизации на фронт, немало было и добровольцев из числа руководящих работников милиции [32, л. 30, 86].

Однако об участии сотрудников милиции и сформированных из них подразделений в боевых действиях известно далеко не всё. Неизвестно сколько сотрудников милиции воевало и сколько погибло в боях? Сколько в эти годы было удостоено орденов Красного Знамени? Сколько продолжили службу в Красной Армии? и другие. На некоторые из них можно дать следующие ответы.

В ряде исследований историков и юристов утверждается, что, выполняя требование Декрета СНК от 3 апреля 1919 г., НКВД направил в действующую армию 7511 рядовых и 565 лиц командного состава милиции [60, л. 76].

С этим согласиться нельзя. Анализируя протокол заседания заведующих отделами Главного Управления милиции от 17 октября 1919 г., лежащий в основе этого утверждения, выступление на нём начальника ГУМ М.И. Васильева-Южина позволяют сделать иной вывод. Начальник милиции Республики напомнил, что порядок отсылки работников милиции на фронт и их пребывание там определяет НКВД, и предложил направлять в действующую армию 1/3 рядового и 1/5 часть командного состава *не от числа прикомандированных, а от всей численности милиции*. Это позволит направить на фронт примерно 14 200 человек из 44 485, в то время как по декрету это будет всего 8176 человек. Их нужно сводить в особые команды, которые военным командованием в Москве должны сводиться в отдельные части. Срок пребывания работников милиции в действующей армии определяется в шесть месяцев со дня объявления мобилизации. Это «даст возможность своевременно производить замену, избавит полки от дезорганизующих требований милиционеров».

Найти документы о реализации этого предложения нам не удалось. Известно лишь, что в мае 1920 г. ГУМ НКВД РСФСР было сформировано два кавалерийских полка, которые в июне были направлены на Западный фронт [34, л. 15; 35, л. 50].

Положение Декрета о том, что в действующей

армии должны постоянно находиться 1/3 милиционеров и 1/5 часть командного состава милиции выполнялось повсеместно и чётко.

1919 год был одним из тяжелейших для молодой Советской республики. В марте с территории Сибири начала наступать армия адмирала Колчака. Летом 1919 г. армии генерала А.И. Деникина на юге удалось захватить Курск, подойти к Орлу и Воронежу и к Туле. Создалась непосредственная угроза Москве.

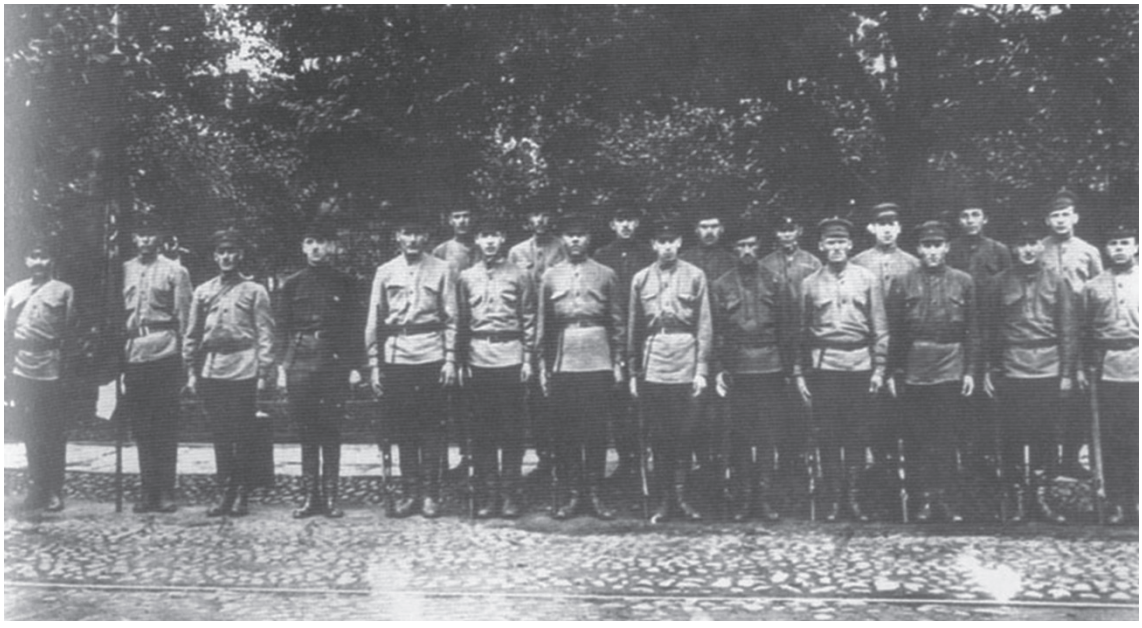
В это же время белогвардейские и белоэстонские войска под общим командованием генерала Н.Н. Юденича трижды пыталась взять Петроград. В этой обстановке Пленум ЦК РКП(б) принял решение «всю работу всех учреждений приспособить к войне и перестроить по-военному», «перевести со всех фронтов на Южный фронт максимально возможное количество ответственных работников коммунистов и лучших представителей комсостава» [8, стр. 116]. Петроград за период с 28 сентября по 7 октября 1919 г. дал Южному фронту 250 ответственных работников. Среди них было 26 ответственных работников Петроградской городской милиции, в том числе: начальник городской милиции И.П. Рекстин, помощник начальника милиции Петрограда А. В. Хрулев*, начальники районных управлений милиции Е. А. Краснов, Ф. Ф. Царьков, и многие другие опытные работники, служившие ранее в армии, имевшие значительный опыт организаторской и воспитательной работы с личным составом.

Для защиты Петрограда из сотрудников милиции формировались и направлялись на фронт специальные боевые подразделения. В начале мая 1919 г. на Нарвский участок фронта прибыл отряд из 200 сотрудников милиции. 21 мая на фронт в составе отряда особого назначения прибыло еще 100 милиционеров [56, л. 75; 38, л. 95, 223; 44, л. 1,2]. В начале июня на фронт был направлен сводный отряд из 85 милиционеров и 95 сотрудников уголовного розыска под командованием Борисова. В бою за деревню Высадки он смело атаковал превосходящие силы противника и овладел ею.

На различных участках Петроградского фронта успешно воевал Сводно-боевой отряд городской милиции. Совместно с подразделениями Красной Армии в тяжелом бою у мызы Гостилицы на Ямбургском направлении пулеметная команда отряда в бою под Дятлицами отбила три атаки белоэстонцев [6, стр. 62; 22; 25].

Активное участие в боях с белогвардейцами принимала и милиция Петроградской губернии, которая направила на фронт 120 милиционеров и весь состав уголовного розыска [43, л. 18; 48, л. 38; 50, л. 87].

В отчёте начальника Тосненской милиции о её деятельности с 01 июля 1919 г. до 15 января 1920 гг. сообщается, что «в связи с наступлением белых банд Юденича в октябре с.г. весь состав



Сводный боевой отряд Петроградской милиции. 1919 г.

милиции совместно с коммунистами волости отправился на фронт» [49, л. 21].

Предполагалось, что после выполнения боевых задач отряды милиции будут возвращены к местам постоянной дислокации, однако это происходило не всегда. В июне 1919 г. заместитель начальника городской милиции П. Роцкан обратился в Петросовет с просьбой о содействии в откомандировании с фронта Сводно-боевого отряда Петроградской милиции для выполнения им своих прямых обязанностей. Он писал, что в милиции города по штату 6500 человек, по расчётам должно быть 7500 человек, числится по спискам 4697, а налицо всего 3936, что в условиях осадного положения чрезвычайно мало. «Возвращение отряда позволило бы пополнить командный состав милиции, так как отряд для этого и создавался». Далее Роцкан писал, что «сводно-боевой отряд был послан на фронт по личному распоряжению Сталина, который обещал откомандировать отряд по прибытию достаточного пополнения. В настоящее время держать отряд на фронте считаю совершенно нецелесообразным и, стало быть, преступным расходованием надёжной силы, в которой сильно нуждается Петроград» [37, л. 108].

Таким образом, в отражение весенне-летнего наступления войск Юденича на Петроград существенный вклад внесла милиция. На различных участках Петроградского фронта сражалось более 25 % её сотрудников. Четко организованная служба по охране революционного порядка обеспечила революционный порядок в тылу действующей армии и способствовала ее победам.

Когда же наступил перелом на Южном фронте, армия Юденича 28 сентября 1919 г. внезапным ударом по левому крылу 7-й армии прорвала оборону советских войск. И милиция была вновь привлечена к вооружённой защите города, подчинена командованию Петроградского укрепленного района. Начальник милиции Петрограда В.С. Шатов был назначен членом Реввоенсовета 7-й армии.

14 октября из милиционеров-добровольцев и бывших солдат был сформирован и отправлен на фронт отряд, численностью в 300 человек. 16 октября 200 милиционеров были направлены в район Нарвской заставы в распоряжение члена Реввоенсовета 7-й армии Н.И. Подвойского. На базе конного отряда гормилиции был сформирован партизанский отряд [9, стр. 10; 36, л. 99; 53, л. 5]. 17 октября на фронт прибыл сводный отряд из железнодорожной милиции, железнодорожников и красноармейцев. В тот же день с отрядом коммунистов, мобилизованных Губернским комитетом РКП(б), убыли на фронт 30 милиционеров-коммунистов. В конце октября 50 милиционеров были направлены под Гатчину и 200 на Карельский фронт. Из 537 милиционеров был сформирован отряд особого назначения, который вошел в состав 2-го пехотного полка отдельной стрелковой бригады. 150 сотрудников милиции, направленных на усиление псковской милиции, приняли участие в боях под Псковом. Почти на всех участках фронта воевал Сводно-боевой отряд, численность которого к этому времени достигла 800 человек [33, л. 81-82; 40, л. 1; 52, л. 135; 57, л. 22,23; 58, л. 43; 26].

С чрезвычайными трудностями столкнулась и милиция Петроградской губернии. Подход войск Юденича к ближайшим подступам Петрограда, захват ряда населённых пунктов губернии потребовал мобилизации всех сил и средств на отпор врагу. Пешие и конные отряды Лужской уездной милиции способствовали эвакуации города и затем влились в красноармейские части, в составе которых действовали до полного разгрома войск Юденича. Более 50 милиционеров Детского Села убыли на фронт и влились в состав воинских частей, а остальные осуществляли разведку, выполняли различные задачи военного командования. В полном составе по решению общего собрания отправились на фронт милиционеры и коммунисты Тосненской волости.

Многие милиционеры уходили на фронт добровольцами. В их числе были И. Буковский, И. Васильев, Н. Ведерников, Б. Ефимов, В. Жаворонков, И. Игнатьев, Н. Корнеев, В. Красин, М. Никитин, А. Филимонов и другие. П. Дроздовский писал: «Прошу уволить меня с должности начальника участка с переводом в Красную Армию, где моя служба принесет несомненную пользу». Большинство из милиционеров-добровольцев были назначены на должности командиров и комиссаров [23, стр. 8; 39, л. 49; 59, л. 29, 31].

Таким образом, в 1919 г. 27 % личного состава милиция Петрограда и губернии участвовали в боях с белогвардейцами генерала Юденича на различных участках Петроградского фронта [55,

л. 30].

После разгрома войск Колчака и Деникина в 1919 г. Советская республика получила кратковременную мирную передышку. Эти победы укрепили международное положение Советской России, но обстановка в стране оставалась сложной. Во многих регионах практически была полностью разрушена система правоохранительных органов, взрывной характер приняла уголовная преступность. Необходимо было как можно быстрее восстановить милицию в районах, освобождённых от интервентов и белогвардейцев. И в октябре 1919 г. Главным управлением милиции НКВД было принято решение мобилизовать в 20 губерниях республики «1/5 командного состава «из испытанных коммунистов, обладающих уже административным навыком, и 1/5 наиболее важных милиционеров, по возможности тоже коммунистов или кандидатов в члены РКП(б)» для направления в освобождённые от интервентов и белогвардейцев районы [7, стр. 136]. И это решение неукоснительно соблюдалось.

Заведующий Тверским управлением Советской рабоче-крестьянской милиции И.Я. Пютесен 19 марта 1920 г. доложил, что проведена мобилизация милиции. Для восстановления милиции и охраны революционного порядка на Украине, в Сибири и на Дону выделено: командного состава – 20 человек, 260 милиционеров и 4 сотрудника УР [30, л. 61].

12 июня 1919 года на Украину для оказания помощи в восстановлении и строительстве местной милиции, был направлен отряд из 150 петроградских милиционеров во главе с заместителем начальника милиции Петрограда А.А. Тикконеном, среди которых было 120 коммунистов, участвовал в боях под Киевом, в районах Сухолесья, Ольшениц и Мироновки, а затем вошёл в состав кавалерийского полка 44-й дивизии [24].

Начальник сельско-городской Петроградской милиции З.А. Александров 30 сентября был командирован в Алтайский край, и в 1921 – 1922 гг. возглавлял Алтайскую губернскую милицию [62].

В апреле 1920 г. в наступление на Украине перешли польские и петлюровские войска. 6 мая ими был занят Киев. В Крыму генерал Врангель предпринял попытку прорваться для соединения с армией Польши. Все это значительно осложняло обстановку.

И вновь к вооруженной борьбе с противником была привлечена милиция. 8 мая 1920 г. коллегия НКВД РСФСР приняла решение из сотрудников милиции сформировать и передать в Красную Армию два кавалерийских полка [34, л. 15; 35, л. 50]. Несмотря на значительный недокомплект личного состава, Петроградская милиция продолжала оказывать помощь фронту. 426 сотрудников были направлены в Красную Армию.

10 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о рабоче-крестьянской милиции», на основе которого продолжалось строительство и деятельность милиции. «Положение…» подписали: Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М. Калинин, Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин), Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич. В «Положении» указывалось, что «Рабоче-Крестьянская Милиция находится в ведении Народного Комиссариата Внутренних Дел и его органов на местах. В состав милиции входят 5 видов милиции:

1) городская и сельская,
2) промышленная,
3) железнодорожная,
4) водная, и
5) розыскная милиции.

«Как вооруженному исполнительному органу, Рабоче-Крестьянской Милиции присваивается значение вооруженных частей особого назначения со всеми отсюда вытекающими правами и обязанностями.

Положением предусматривалась возможность привлечения милиции к выполнению боевых задач. В действующей армии могло одновременно находиться не более пятой части ее состава, т. е. в «Положении» было реализовано предложение Васильева-Южина. Также устанавливалось обязательное обучение личного состава военному, но уже в объеме программы подготовки командира взвода.

Согласно «Положению», Главное Управление милиции имело право: «а) переводить в необходимых случаях командный состав и милиционеров в другие места приказами по милиции; б) формировать из местной милиции отдельные части для отправки на фронт и в другие местности РСФСР; в) приказы, отдаваемые Главным Управлением Милиции по пунктам а» и «б»

считаются боевыми приказами, невыполнение которых влечет наказание, как за невыполнение боевых приказов» [1; 13, стр. 92-105].

Во время короткой мирной передышки возобновилась военная подготовка в милиции. В городах и губерниях России для этой цели, в соответствии с указанием ГУМ, милиция организовывалась по типу частей Красной Армии.

Начальник милиции Тверской губернии докладывал в ГУМ, что в апреле 1920 г. милиция Тверской губернии «преобразована» в Запасной полк, сформированы эскадрон кавалерии, батальоны, роты, полуроты и взвода. Назначены командиры батальонов, рот, полурот, взводов и отделений. Штаб полка и эскадрон кавалерии находятся при губмилиции. Серьёзное внимание обращено на строевую подготовку и знание милиционерами воинских уставов. Введена военная дисциплина» [31, л. 63об.].

17 августа 1920 г. милиция Петрограда и губернии для обучения военному делу была разделена на строевые подразделения по типу частей Красной Армии. Уездно-городская (губернская) милиция сводилась в бригаду Петроградской рабоче-крестьянской милиции, городская милиция – в первый милицейский полк, состоявший из трех батальонов и пяти команд (связи, разведки, саперной, комендантской, пулеметной), полковой школы и медицинского пункта. Женский отряд милиции в состав полка не входил [41, л. 1; 47, л. 149].

Милиция Петроградской губернии преобразовывалась в Петроградский запасной губернский милицейский полк, состоящий из четырёх батальонов. Штаб полка располагался в Петрограде (запасной вариант – Гатчина). 1-й батальон дислоцировался в Петрограде. Его три роты находились в Сестрорецке, Шлиссельбурге и Новой Ладоге. Роты 2-го батальона, расположенного в Гатчине, располагались в Детском Селе, Петергофе и Ямбурге. 3-й батальон был в Луге, а его роты – в Луге, Гдове и Калище. Промышленная милиция составляла 4-й батальон. Штаб полка имел резерв, состоявший из резерва губмилиции, конного резерва, взвода связи и пулемётной команды [42, л. 16, Прил. 5 и 6].

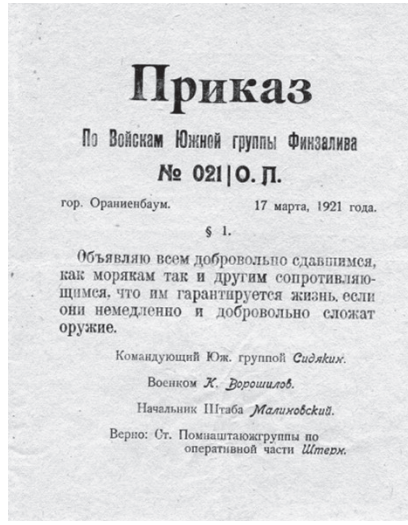
Руководство губернской милиции считало, что такая структура позволит периодически отзывать волостных милиционеров для обучения военному делу в города, а взамен их временно посылать прошедших обучение. Но получилось не так, как было задумано. Некомплект личного состава и большой объём выполняемых задач не позволил проводить военные сборы. Поэтому обучение военному делу проводилось непосредственно в местах дислокации милиции сотрудниками, знакомыми с военным делом, как правило, бывшими унтер-офицерами.

Но и такая система организации военной подготовки милиции дала возможность повысить её боеспособность, поднять уровень служебного мастерства сотрудников. Ревизия служебной деятельности подразделений милиции Петрограда, проведённая городским Управлением, показала, что «улучшилась строевая подготовка, знание обязанностей и общий порядок». В сентябре 1920 г. за «добросовестное отношение к выполнению обязанностей и общее руководство службой» начальникам 28, 29 и 31 участков милиции Петроградского района была объявлена «товарищеская благодарность» [45, л. 12об.].

Мы уже отмечали и то, что «перестройка» губернских милиций по типу частей Красной Армии имела целью сплочение милицейских коллективов и обучение её личного состава «военному искусству». Отметили и то, что практически это сделать было невозможно из-за большого некомплекта сотрудников и большим объёмом службы. По нашему мнению, перестройка была осуществлена только на бумаге и получила отражение в отчётах. Возникает вопрос: имели ли место случаи привлечение губернских милиций, построенных по типу частей Красной Армии, к выполнению боевых задач в первые годы Советской власти? Таких примеров практически нет. Но в архивах отложился достаточно большой материал о формировании в губерниях из сотрудников милиции боевых отрядов различной численности и милицейские полки, которые формировались из милиционеров разных губерний (кавалерийские полки в 1920 г.)

Мы полагаем, что одним из примеров привлечения подразделений милиции, сформированных по типу частей Красной Армии, для участия в боевых действиях, является участие бригады Петроградской милиции в боях во время Кронштадтского восстания 1-18 марта 1921 г.**.

В секретном приказе командира Петроградской бригады И.П. Рекстина (начальника милиции Петроградской губернии – М.Г.) по 18-й



Приказ

По Войскам Южной группы Финзалива

№ 021 | О. П.

гор. Ораниенбаум. 17 марта, 1921 года.

§ 1.

Объявляю всем добровольно сдавшимся, как морякам так и другим сопротивляющимся, что им гарантируется жизнь, если они немедленно и добровольно сложат оружие.

Командующий Юж. группой *Сидяким.*

Военком *К. Ворошилов.*

Начальник Штаба *Малиновский.*

Верно: Ст. Помнаштаюжгруппы по оперативной части *Штерн.*

Инструктаж участников штурма Кронштадтской крепости в марте 1921 г

милиционной бригаде от 3 марта 1921 г. в связи с поднятым восстанием в г. Кронштадте против Советской власти» было приказано:

1) Командиру 1-го полка тов. Роцкан (начальник городской милиции – М.Г.) привести немедленно полк (городская милиция) в боевую готовность, усилить посты и бдительность чинов, строго руководствуясь существующими уставами, правилами и положениями.

2) Командиру 1-го полка. В полное подчинение полка переходит батальон особого назначения (Следственно-Уголовный розыск). О всяких происшествиях доносить мне через каждые 6 часов.

3) Командиру 2-го полка тов. Царькову (сельско-городская милиция Петроградской губернии – М.Г.) принять экстренные меры к приведению частей губернии в боевую готовность, руководствуясь существующими уставами.

Подлинный подписал Командир бригады: Рекстин.

Скрепил и верно Начальник Штаба: Троицкий [15, стр. 160; 46, л. 13].

Начальник Петергофской уездной милиции А.Р. Крустейн в докладе о деятельности милиции во время Кронштадтских событий, писал, что «2 марта почти вся милиция, свободная от постов, была мобилизована и заняла охрану путей, а из конных был образован разъезд и выслан навстречу кронштадтцам… В ночь на четвертое марта были задержаны четыре моряка с 3000 экземпляров воззваний и «Известий Кронштадтского Совета», а в ночь на шестое марта – двое с 500 экземпляров тех же воззваний. С 4 марта по 10 на территории только пятого участка произведено 75 обысков и 67 арестов. На территории первого и четвертого участка произведено обысков и арестов 29, причем милиция четвертого участка работает под обстрелом тяжелой артиллерии; помещение, где расположены милиционеры, благодаря каланче и наблюдателям на ней, подвергается систематическому обстрелу» [54, л. 8].

В последующие годы военная подготовка в подразделениях милиции проводилась регулярно. Особенно она усилилась в предвоенные годы. В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. сотрудники милиции участвовали в боях с немецко-фашистскими захватчиками в составе частей Красной Армии и подразделений, в составе сформированных из милиционеров полков, дивизий и 70-й армии. Сотрудники милиции были в составе диверсионно-разведывательных групп, создавали и руководили истребительными батальонами и партизанскими отрядами. Их деятельность была удостоена высоких наград, а милиции городов Москвы и Ленинграда в 1944 г. были награждены орденами Красного Знамени.

Примечания

* Хрулёв Андрей Васильевич (1892 – 1962) – помощник начальника городской милиции, оставшийся в армии, начальник тыла Красной армии в годы Великой Отечественной войны, генерал армии. Прах погребен в Кремлевской стене.

** Кронштадтское восстание 1921 г. – это вооруженное выступление гарнизона военно-морской крепости Кронштадт и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота 1–18 марта. Восставшие выдвинули лозунги: «Советы – без коммунистов!», «Власть Советам, а не партиям!». Недовольные политикой «военного коммунизма», они потребовали проведения перевыборов Советов и изгнания из них большевиков, ликвидации продразверстки. Забастовками и демонстрациями кронштадтцев поддержали рабочие Петрограда. Восстание было жестоко подавлено. В Петрограде было введено осадное положение, восставших объявили мятежниками, с ними отказались вести переговоры. Полки Красной Армии, усиленные отрядами ВЧК и делегатами X съезда РКП(б), прибывшими из Москвы, взяли Кронштадт штурмом. 2,5 тыс. матросов было арестовано, более 1 тыс. убито и свыше 2 тыс. ранено. 6–8 тыс. эмигрировало в Финляндию. 10 января 1994 года президент Борис Ельцин своим указом реабилитировал участников кронштадтского восстания [16].

Список литературы

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 10 июня 1920 г. «Положение о рабоче-крестьянской милиции» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1920. – № 79. -. Ст. 371.
2. Постановление НКВД РСФСР «О рабочей милиции» от 28 октября (10 ноября) 1917 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 1. – Ст. 1.
3. Гольдман В.С. В.И. Ленин и становление советской милиции. – М.: [б. и.], 1970. – 34 с.
4. Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917-1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 320 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
5. Декреты Советской власти. Т. 5. – М.: Госполитиздат, 1971. – XVII, [1], 700, [1] с. : табл., факс.
6. Дела и люди Ленинградской милиции: Очерки истории / А. Скилягин, В. Лесов, Ю. Пименов, И. Савченко. – Л.: Лениздат, 1967. – 376 с.: ил.
7. История советской милиции: В 2 т. / С.М. Крылов (руководитель), А.П. Косицын, С.В. Биленко и др.; под ред. Н. А. Щелокова. Т. 1: Советская милиция в период строительства социализма. – М.: [б. и.], 1977. – 346 с., 14 л. ил.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1971). – 8-е изд., испр. и доп. Т. 2: 1917-1924. – М. : [б. и.], 1970. – 543 с.
9. Корнатовский Н.А. Партия в обороне Петрограда осенью 1919 г. // Красная летопись. – 1934. – № 5.
10. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.31.
11. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
12. Московская Краснознаменная милиция : Страницы истории / И. А. Кондауров, Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин и др.; Отв. ред. П. С. Богданов; Акад. МВД СССР. – М. : Юрид. лит., 1988. – 222,[1] с. : ил.
13. Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917-1920 гг.): Учебное пособие. – М.: ВШ МВД СССР. 1975. - 108 с.
14. Мулукаев Р.С. Становление организационно-правовых основ советской милиции. 1917-1920 гг.: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1975. – 107 с.
15. Первые годы ленинградской милиции. 1917-1922.: Сборник документов / Ред. Г.Г. Надсон. – Л.: [б. и.], 1967. – 215 с.
16. Семанов С.Н. Кронштадтский мятеж, – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003. – 254 с., [8] л. ил., портр., факс.. – (Новейшая история).
17. Вестник Комиссариата внутренних дел. – 1918. – № 11.
18. Вестник Комиссариата внутренних дел. – 1918. – № 17.
19. Власть Советов. – 1918. – № 26.
20. Власть Советов. – 1919. – № 6-7.
21. Красная газета. – 1919. – 13 июня.
22. Красная газета. – 1919. – 24 сентября.

23. Красный милиционер. – 1919. – № 4.
24. Красный милиционер. – 1920. – № 12. – 20 сентября.
25. Петроградская правда. – 1919. – 13 июня.
26. Петроградская правда. – 1919. – 17, 18 октября.
27. Государственный архив Тверской области (Далее – ГАТО). – Ф. 291. – Оп. 1. – Д. 86.
28. ГАТО. – Ф. 291. – Оп. 2. – Д. 380.
29. ГАТО. – Ф. 291. – Оп. 3. – Д. 84.
30. ГАТО. – Ф. 291. – Оп. 3. – Д. 164.
31. ГАТО. – Ф. 291. – Оп. 3. – Д. 291.
32. ГАТО. – Ф. 291. – Оп. 13. – Д. 93.
33. Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГАРФ). – Ф. 393. – Оп. 13. – Д. 314.
34. ГАРФ. – Ф. 393. – Оп. 19. – Д. 2.
35. ГАРФ. – Ф. 393. – Оп. 31. – Д. 37.
36. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 12.
37. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 13.
38. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 16.
39. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 38.
40. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 49.
41. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 71.
42. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 115.
43. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 25.
44. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 45.
45. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 74.
46. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 2 – Д. 92.
47. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 2. – Д. 107.
48. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 4. – Д. 130.
49. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 4. – Д. 131.
50. ЦГА СПб. – Ф. 33. – Оп. 4. – Д. 774.
51. ЦГА СПб. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 272.
52. ЦГА СПб. – Ф. 100. – Оп. 3. – Д. 33.
53. ЦГА СПб. – Ф. 485. – Оп. 1. – Д. 25.
54. ЦГА СПб. – Ф. 485. – Оп. 1. – Д. 117.
55. ЦГА СПб. – Ф. 1001. – Оп. 1. – Д. 10.
56. ЦГА СПб. – Ф. 1001. – Оп. 3. – Д. 38.
57. ЦГА СПб. – Ф. 6276. – Оп. 269. – Д. 36.
58. Центральный государственный архив историко-политических документов в СПб. (Далее – ЦГАИПД СПб.). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 468.
59. ЦГАИПД СПб. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 469.
60. ЦГАИПД СПб. – Ф. 17. – Оп. 65. – Д. 132.
61. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее – ЦГА СПб.) – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 12.
62. http://voenspez.ru/index.php?topic=1780.0.

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович,
и.о. заместителя председателя Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (УФИЦ РАН), профессор кафедры управления информационной безопасностью Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (г. Уфа, Россия)
E-mail: emelin_sm@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация. *Рассматриваются отдельные вопросы реализации судебной реформы 1864 года в Уфимской и Оренбургской губерниях и ее влияние на деятельность полиции.*

Устав уголовного судопроизводства предусматривал взаимодействие полиции и судебного следствия по конкретным направлениям деятельности. В отдельных случаях даже была предусмотрена заменяемость судебного следователя полицейским чином при проведении следственных действий.

Несмотря на достигнутые положительные изменения в процессе судопроизводства деятельность как полиции, так и судебных следователей вызывали критику со стороны общества. Это касалось и уровня подготовки полицейских чинов, и слабого взаимодействия полиции и судебных следователей в процессе предварительного следствия. Фактически, полиция выполняла второстепенную или вспомогательную функцию в проведении следственных действий, что можно расценить как определенное противопоставление судебной и административной власти.

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *судебная реформа 1864; Устав уголовного судопроизводства; Уфимская губерния; Оренбургская губерния; полиция; судебные следователи.*

EMELIN S.M.

THE JUDICIAL REFORM OF 1864 AND ITS IMPACT ON THE POLICE IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XIX CENTURY

The summary. *The article deals with some issues of the implementation of the judicial reform of 1864 in the Ufa and Orenburg provinces and its impact on the activities of the police.*

The Statute of criminal proceedings provided for the interaction of the police and the judicial investigation in specific areas of activity. In some cases, it was even provided for the replacement of the judicial investigator with a police rank during the investigation.

Despite the positive changes achieved in the judicial process, the activities of both the police and the judicial investigators were criticized by the society. This concerned both the level of training of police officers and the weak interaction between the police and judicial investigators in the

preliminary investigation process. In fact, the police performed a secondary or auxiliary function in the conduct of investigations, which can be regarded as a certain opposition between the judicial and administrative authorities.

The article is being printed in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *judicial reform of 1864; Statute of criminal proceedings; Ufa province; Orenburg province; police; judicial investigators.*

8 июня 1860 года Указом Правительства Российской Империи был введен институт судебных следователей. В соответствии с данным документом в России впервые были учреждены должности судебных следователей, а производство следствия было изъято из ведения полиции. Данный институт получил дальнейшее развитие в судебных уставах от 20 ноября 1864 года.

«20 ноября 1864 г., – *указывается в Историческом очерке «МВД России – 200 лет»,* – был объявлен «Указ о судебной реформе в России и введении в действие Новых Судебных Уставов». Суд строился на принципах равноправия всех сословий, гласности и состязательности судебного процесса, независимости суда от администрации. Страна была разделена на 108 судебных округов» [9, стр. 147].

Были введены мировые и общие суды. Первые рассматривали незначительные уголовные и гражданские дела в лице мировых судей. Расследование по этим делам осуществлялось местной полицией. В качестве апелляционной инстанции для этих судов выступали съезды мировых судей судебных округов. Указанные уездные земские собрания избирали мировых судей, которые утверждались Сенатом. Мировые судьи могли быть освобождены от должности только лишь по решению суда или уволены по собственному желанию.

Общий суд включал три инстанции:

- окружной суд:
- судебные палаты;
- Сенат.

Окружные суды состояли из гражданского и уголовного отделений, разбирали сложные гражданские и уголовные дела. Уголовные дела рассматривались с участием присяжных заседателей.

Судебные палаты создавались по одной на несколько судебных округов. Они рассматривали апелляционные дела и в то же время выступали судом первой инстанции по делам о государственных и должностных преступлениях.

Сенат включал гражданский и уголовный департаменты. Он выступал высшей судебной инстанцией и обладал правом отмены решения судов, которые подавались в кассационном порядке.

Кроме мировых и общих судов судебная «система дополнялась сословными волостными судами для крестьян, консисториями для духовенства, судами для военных, высших чиновников и пр.» [9, стр. 147].

В соответствии с Судебной реформой присяжные заседатели избирались с учетом имущественного ценза. Выборы проводились губернскими земскими собраниями и городскими думами. Император назначал судей общих судов, которые включались в систему чинопроизводства и наделялись серьезными денежными окладами.

На прокуратуру возлагался судебный надзор. Она была освобождена от общего надзора. Для защиты обвиняемых в уголовных процессах и представительства сторон в гражданском судопроизводстве учреждалась адвокатура. Это были присяжные поверенные и частные поверенные.

Предварительное расследование уголовных дел возлагалось на судебных следователей. Полиция по существу освобождалась от предварительного расследования преступлений, она отстранялась от предварительного следствия. Ст. 254 «Устава уголовного судопроизводства» представляла права и возлагала обязанность на полицию ведения дознания «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни

выемок в домах». Правда, здесь были и исключения. Полиция имела право производить обыски и выемки в домах, если следы преступления могли быть утрачены до прибытия судебного следователя. Она все материалы дознания, связанные с расследованием преступления, обязана была передавать судебному следователю. На нее возлагалась также обязанность выполнять отдельные поручения следователя.

Что касается дознания по государственным преступлениям, то оно проводилось, как правило, жандармерией, а предварительное следствие – представителем судебной палаты. В Историческом очерке обращается внимание на то, что судебный следователь, как правило, всегда действовал в тесном контакте с полицией и часто поручал ей проведение отдельных следственных действий. Здесь же подчеркивается, что Судебные уставы распространялись на 44 губернии и вводились постепенно, на протяжении длительного времени – более тридцати лет [9, стр. 148].

Что же касается судебных следователей, то нормативную основу для них создал комплекс законодательных актов, которые были учреждены императором 8 июля 1860 г.:

- «Учреждение судебных следователей»;
- «Наказ судебным следователям»;
- «Наказ полиции о производстве дознания»;
- Именной указ о введении в действие приведенных выше нормативных актов [11].

Интересна и цель следственной реформы 1860 года. В Именном указе от 8 июля преследовалась задача: «отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям».

В коллективной монографии «История следствия в России» читаем: «В названных актах были впервые детально регламентированы статус и полномочия судебного следователя, порядок его взаимодействия с прокуратурой, судом и иными участниками уголовного судопроизводства. «Наказ судебным следователям» явился непосредственным предшественником «Устава уголовного судопроизводства» 1864 г. – первого уголовно-процессуального кодекса России» [6, стр. 73].

Известна и авторитетная оценка анализируемых нормативных актов со стороны столпов российской юриспруденции конца XIX – начала XX века. Например, А.Ф. Кони полагал, что «Наказ судебным следователям» 1860 года «при добросовестном его применении был надежным и прочным орудием для исследования преступления без ущерба интересам закона и без напрасного вреда интересам личности» [7, стр. 127].

Указанную оценку Наказа 1860 г. Анатолий Федорович дал в речи памяти Н.И. Стояновскому. Именно Николаю Ивановичу Стояновскому принадлежит идея, по справедливому мнению профессора Д.О. Столярова, о введении института судебных следователей. Д.О. Столяров называет «подзабытого ныне выдающегося правоведа и государственного деятеля» – «отцом» российского института судебных следователей.

27 марта 1859 г., в интересах полготовки реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости была создана межведомственная «Комиссия для начертания устройства губернских и уездных учреждений». В качестве одной из задач перед комиссией стоял вопрос о сокращении компетенции местной полиции, в частности, изъятие из ее компетенции права расследования уголовных дел. В октябре 1859 года в состав комиссии был включен Н.И. Стояновский. Он-то и сыграл решающую роль в выработке законопроекта об отделении «следственной части» от полиции [6, стр. 70].

В крайние годы история следствия в России стала активно исследоваться в современной научной литературе [1; 2; 3; 8; 12; 13; 14; 15; 16].

Что же касается Судебной реформы второй половины XIX – начала XX века в России, то она обеспечила разделение судебной и административной власти, создание независимого суда, учреждение прокурорского надзора способствовали упорядочению взаимодействия всех правоохранительных структур, в том числе полиции. В Указе об учреждении института судебных следователей, а также в утвержденном в связи с этим «Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление и проступок» (1860 г.), и в «Уставе уголовного судопроизводства» на полицию возлагалось, как мы уже указывали, осуществление функции дознания [18, стр. 30-31].

Известно, что реализация Судебной реформы 1864 года в России проходила не сразу, а постепенно, с учетом специфики социально-экономического положения тех или иных регионов. Сама практика введения новых судебных норм вносила определенные коррективы в систему судопроизводства.

9 марта 1892 г. Государственный Совет принял решение «О введении судебной реформы

в полном объеме в Оренбургской и Уфимской губернии». В документе отмечалось, что «по учреждению судебных установлений, дополнительно при каждом окружном суде состоят переводчики», также указывалось, что «члены судебных палат не могут участвовать в разрешении тех уголовных дел, по которым они принимали участие в определении о предании суду» [5, стр. 192]. Согласно утвержденным штатам Уфимский окружной суд состоял из 80 сотрудников: председатель, товарищ председателя, члены суда – 11 человек, секретари – 2, архивариус – 1, судебные приставы – 11, прокуроры – 1, товарищи прокурора – 10, судебные следователи – 30, старший нотариус – 1 человек [5, стр. 192].

Для обеспечения бескорыстной и честной работы работников суда им предусматривалась и хорошая зарплата. Так, в 1910 году месячное жалование председателя Уфимского окружного суда П.М. Смирнова составило со всеми прибавками 326 руб.; его товарища (заместителя) П.Р. Россинского – 264 руб.; членов суда – 210 руб., прокурора – 264 руб.; судебных следователей – 186 руб., судебных приставов – 46,5 руб. [10, л. 505, 506].

Сотрудникам полиции в процессе своей деятельности чаще всего приходилось иметь дело с судебными следователями. Механизм взаимодействия двух структур нашел отражение в разделе 2 «О предварительном следствии» Устава уголовного судопроизводства. В Уставе отмечено, что полиция извещает судебного следователя о происшествиях, заключающих в себе признаки преступления (ст. 250). Полиция извещает судебного следователя о происшествиях, заключающих в себе признаки преступления, передает повестки, делает приводы, помогает при обысках, арестах, осмотрах, исполняет все поручения судебного следователя (ст. 260). «Следовательно, от ее быстроты и расторопности, – *отмечает Н.С. Таганцев,* – зависит быстрота следствия, а часто и успех ее» [17, стр. 95.].

В то же время Устав уголовного судопроизводства ввел правило и о замене следователя чинами полиции. Статья 258 гласила: «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, также, когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, которые не терпят отлагательства, как то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках; но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным, и представилось бы описание, что он умрет, до прибытия следователя» [20, стр. 782]. В случаях, когда сотрудники полиции заменяли следователя, составленные ими протоколы, согласно разъяснениям Сената, могли быть прочитаны на судебном заседании.

Несмотря на развитие нормативного регулирования данного вопроса, и достигнутые улучшения во взаимодействии полиции и судебных следователей в процессе предварительного следствия, результаты на практике оказались весьма удручающими. Особенно много нареканий вызывала розыскная работа полиции. Известный специалист по уголовному праву профессор В.А. Даневский отмечал, что «никакая реформа следственной части немыслима без улучшения организации и личного состава полиции. Неприспособленность нашей полиции к производству хорошего розыска и недостаточность содействия, оказываемого ею следователю, – явления общепризнанные» [4, стр. 67].

С другой стороны, критика звучала и в адрес судебных следователей. Современники отмечали, что «судебные следователи, получив от полиции извещение о преступлении (согласно ст. 250 Устава уголовного судопроизводства), никогда в действительности к следствию не приступают, на место преступления не едут и никаких мер к собиранию доказательств не принимают…» [19, стр. 99].

Причину недостатков в деле розыска со стороны нижних чинов полиции специалисты усматривали, прежде всего, в неподготовленности полицейских чиновников, «незнакомстве их со способами розыска и дознания» [19, стр. 99].

Вместе с тем, считая главной причиной малоуспешности предварительного следствия отсутствие содействия полиции в деле розыска и дознания, в неменьшей степени эта малоуспешность зависела и от деятельности судебных следователей [19, стр. 99].

В качестве одной из мер улучшения работы полиции предполагалось уделять внимание вопросам обучения сотрудников. Предлагалось устроить особую школу для полицейских урядников (что и было впоследствии реализовано),

где преподавались бы специальные дисциплины, в том числе включающие примерные действия розыска и дознания по наиболее встречающимся преступлениям, их права и обязанности, оформление актов и бумаг нужных форм и образцов [19, стр. 98].

Известный специалист по уголовному праву Н.С. Таганцев, касаясь взаимодействия полиции и судебных следователей, отмечал, что «как бы не желал судебный следователь не обременять своими требованиями полицейского чиновника, это для него невозможно. С первой минуты обнаружения преступного деяния до последней минуты следствия судебный следователь связан с полицией и законом письменным и законом необходимости» [17, стр. 95].

Таким образом, судебная реформа 1864 года имела существенное значение в плане укрепления правопорядка, повышения эффективности деятельности судебных и полицейских органов. Полиции было оставлено первоначальное дознание, которое производилось под надзором прокурора. Акты дознания не имели формальной силы и служили вспомогательным материалом для следователя при производстве им предварительного следствия, что можно расценить следствием явного противопоставления судебной власти власти административной.

Список литературы

1. 300 лет следственному аппарату России (1713-2013 гг.): Сборник статей об истории следственных органов / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; науч. ред. Д.О. Серов. – М.: СК РФ, 2014. – 400 с.
2. Аппарат власти следственной / Под общ. ред. Н.А. Колоколова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 378, [1] с. : ил.
3. Бастрыкин А.И. Следственный комитет Российской Федерации в действии (вопросы теории и практики): Сборник статей. – М.: Институт государства и права РАН, 2018. – 216 с.
4. Даневский В.Г. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. – СПб.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. – 89 с.
5. История государства и права Башкортостана. Ч. 1. – Уфа: Китап, 1994. – 223 с.
6. История следствия в России: Монография / Под общ. ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 280 с.
7. Кони А.Ф. Речь памяти Н.И. Стояновского 17 декабря 1900 г. // Вестник права – 1901. – С. 113-150.
8. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. – 266 с.
9. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
10. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). – Ф. И-334. – Оп. 1. – Д. 34.
11. Полное собрание законов Российской империи (Полное собрание законов). Собрание 2-е. – Т. 35. – Отд. 1. – №№ 33890, 33891, 33892.
12. Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I: Научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2019. – 432 с.
13. Серов Д.О., Федоров А.В. Следователи Петра Великого. – М.: Молодая Гвардия, 2018. – 348 [4] с., ил.. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1719).
14. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следователи и судебная реформа 1864 г. // Российский следователь. – 2015. – № 13. – С. 51-55.
15. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. // Российский следователь. – 2015. – № 12. – С. 52-56.
16. Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. – М.: Юрист, 2015. – 317 с.
17. Таганцев Н.С. Судебный следователь по судебным уставам и в действительности // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – №.4.
18. Устав уголовного судопроизводства. – СПб., 1864.
19. Харизаминов Н.О недостатках следственной части по судебным уставам 20 ноября 1864 г. // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – Т. 1.
20. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права: Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Альфа, 1995. – 839 с.

ГЕОРГИЕВА Полина Александровна,
Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filyshastepa@yandex.ru

ЛЯСОВИЧ Татьяна Георгиевна,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Ленинградская область, Россия)
E-mail: vyaznikova@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Н.Ф. ПЛЕВАКО И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. *Рассматривается адвокатская и общественная деятельность выдающегося представителя российской юриспруденции – Федора Никифоровича Плевако, которого поистине можно считать одним из первых юристов, ставших оплотом судебной реформы 1864 года. Отмечается, что в истории российской юриспруденции Ф.Н. Плевако считался не просто блестящим оратором и образованным юристом, а «бравым защитником», умело и профессионально выполняющим свое дело.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *Федор Никифорович Плевако; российская юриспруденция; Судебная реформа 1864 года; судебные уставы Российской империи; адвокатура; судебный оратор.*

GEORGIEVA P.A.
LYASOVICH T.G.

N.F. PLEVAKO AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC JURISPRUDENCE

The summary. *The lawyer and social activities of the prominent representative of Russian jurisprudence – Fedor Nikiforovich Plevako are considered. He truly can be considered one of the first lawyers to become the mainstay of the judicial reform of 1864. It is noted that in the history of Russian jurisprudence F.N. Plevako was considered not just an excellent speaker and an educated lawyer, but a "brave defender", skillfully and professionally doing his job.*

The article is being printed in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *Fedor Nikiforovich Plevako; Russian jurisprudence; Judicial Reform of 1864; judicial charters of the Russian Empire; advocacy; judicial speaker.*

За всю историю существования российской адвокатуры не было в ней человека более популярного, чем Ф. Н. Плевако. И специалисты, и правовая элита, и обыватели, особенно простонародье, ценили его выше всех иных защитников как «великого оратора», «гения слова», «старшого богатыря» и даже «митрополита адвокатуры». Сама фамилия его стала нарицательной как синоним адвоката экстра-класса: «Найду другого «плеваку», – говорили и писали они без всякой иронии». Письма же к нему адресовали так: «Москва. Новинский бульвар, собственный дом. Главному защитнику Плеваке». Или просто: «Москва. Федору Никифоровичу» [14, стр. 4]. Об этом очень интересно и подробно пишет профессор Н.А. Троицкий [22, стр. 103].

Начальный жизненный путь будущего светила отечественной юриспруденции не был особенно выдающимся. Родился Федор Никифорович 13 (25) апреля 1842 г. в г. Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область) в семье члена Троицкой таможни, надворного советника. Интерес к юридическим наукам Федор Никифорович испытывал с ранних лет, что в итоге привело его на юридический факультет Императорского Московского университета, который Ф.Н. Плевако окончил в 1864 г. Получив степень кандидата права, юный правовед занялся поисками работы. Путь его лежал в судебное ведомство, о котором он был наслышан еще в годы студенчества. В своих мемуарах Ф.Н. Плевако писал: «Мы, студенты,… имели кое-какое представление о тех началах, которые несла судебная реформа. В университете профессора демонстрировали образцы западноевропейского судопроизводства на примерных процессах и обращали внимание на основные положения готовящейся судебной реформы» [16, стр. 215].

В это время как раз велась разработка абсолютно новых положений судебных уставов, путем принятия которых император Александр II стремился внести существенные коррективы в судебную систему России того времени; создать суд, который бы выполнял свои функции более качественно и «отвечал» вновь введенным принципам правосудия (независимость судов и судей; осуществление правосудия только судом, разделение обвинительной и судебной властей и т.д.) [18].

Так, в результате претворения в жизнь судебной реформы были созданы абсолютно новые судебные органы с четким разграничением своих полномочий; произошло разделение гражданских и уголовных дел, а длительность их рассмотрения существенно уменьшилась. Несмотря на то, что Александр II до последнего сомневался в правильности своего решения, реформа все же получила положительную оценку в обществе [1; 2; 4; 7; 9; 13; 15; 25].

Существенным достижением реформы 1864 г. стало появление адвокатуры. Изданные судебные уставы регламентировали не только правовое положение присяжных поверенных, но и то, что они не являлись государственными служащими, а подчинялись только своему дисциплинарному порядку и были независимы от суда [3, стр. 32]. Это было время бурных баталий и дискуссий в юридических кругах: и молодых юристов эти споры, конечно, не могли оставить равнодушными. «Для Плевако, – *подчеркивал А.Ф. Кони,* – судебные уставы были священными вратами, чрез которые в общественную жизнь входили пробужденная русская мысль и народное правосознание. Для него суд присяжных являлся не только чем-то напоминавшим старину, но и исходом для народного духа, призванного проявить себя вопросах совести и в защите народного мировоззрения, на коренные начала общественного уклада» [10, стр. 68-69].

После окончания университета Федор Никифорович работал на общественных началах, практикуясь в составлении юридических документов; позже ему было предложено место в только что созданном институте – адвокатуре, появление которого вполне справедливо исследователи относят к фундаментальным достижениям судебной реформы 1864 г. [8, стр. 9; 5; 6; 20; 23; 24].

Задачей реформаторов (которая была успешно реализована в процессе реформы) стало формирование кардинально нового, по сути, института профессиональных защитников – присяжных поверенных, осведомленных во всех тонкостях юридической работы.

В целом, судебная реформа императора Александра II стала одним из самых последовательных, обоснованных и успешных начинаний императора-реформатора. Благодаря ей были заложены основы современной судебной системы России, основанной на демократических принципах гласности и состязательности. Создание адвокатуры как некой гарантии

реализации на практике указанных принципов стало неотъемлемой частью судопроизводства нового типа. С.В. Анохина справедливо отмечала, что «назначение присяжных поверенных, по мысли законодателя, должно было наиболее всесторонним образом дела содействовать раскрытию истины, быть свободным и независимым посредником между судом и тяжущимся [3, стр. 41].

Таким образом, процесс становления Ф.Н. Плевако как профессионала в сфере юриспруденции стал тесно связан с его практической деятельностью в качестве присяжного поверенного. Именно тогда Ф.Н. Плевако сумел проявить свои лучшие субъективные качества: остроумие, находчивость, красноречие. Очевидцы его ярких выступлений не могли не отметить его удивительную способность мгновенно отреагировать на реплику противника, ошеломить аудиторию каскадом неожиданных образов и сравнений, а иногда и его едкий сарказм – «визитную карточку» адвоката.

Проявление всех этих качеств приближали Ф.Н. Плевако к народной среде, делали его «своим», популяризировали, стимулировали его карьерный рост. Однако они же вызывали гнев и раздражение представителей «высших кругов» юридической элиты.

Идеи и результаты судебной реформы 1864 г. вдохновили Федора Никифоровича Плевако. Так, он стал «отцом» такого направления в отечественной юриспруденции как судебная риторика, способствуя ее развитию и продвижению. Такое направление было весьма актуальным для молодых, еще не опытных адвокатов-защитников, которые только постигали азы ораторского искусства. Ф.Н. Плевако обладал чудесным даром обучать других основам ораторского искусства и умел вдохновить своим примером. Послушать его зажигательные речи приходило много желающих. Его речь на судебных заседаниях всегда была отличной от других: он мог логично, обоснованно и кратко отстаивать позицию своего подзащитного, опираясь не столь на свой статус адвоката, но, прежде всего, на принцип справедливости.

В то же время на судебных процессах, не зависимо от ситуации, Федор Никифорович всегда отличался излишней сдержанностью, скромностью, старался не обнаруживать своих эмоций. Детальный анализ улик, который он демонстрировал на заседаниях всегда был полон и обоснован. Ф.Н. Плевако всегда отличался высоким уровнем профессионализма и умением вести грамотный диалог. Он хорошо понимал, что безупречная защита не сводится к простому произнесению речей, за этим «успехом» всегда стоит тяжелый и кропотливый труд. Поэтому перед каждым судебным заседанием он хоть и не готовил свою речь заранее, но все же детально изучал материалы предварительного следствия, блестяще вел перекрестные допросы и мог заявлять ходатайства о дополнении следствия. Книги, которые он всегда тщательно изучал перед предстоящим заседанием, были всегда в различных надписях и пометках, что свидетельствовало об их тщательном анализе. После каждого такого процесса Плевако всегда подводил итоги «для себя», отмечая лучшие и худшие стороны процесса, выделял «места», над которыми ему еще предстоит работать со стороны защиты.

На процессах по делам о рабочих, крестьян, простых обывателей речи Ф.Н. Плевако пробуждали сострадание к людям, содержали напоминания о «вечных» категориях добра и зла, справедливости и несправедливости. Примером могут служить его речи по делу Люторических крестьян [21, стр. 542-554] или по делу рабочих Коншинской фабрики [21, стр. 575-582]. Однако и к людям обеспеченным и богатым Ф.Н. Плевако всегда был справедлив. Об этом свидетельствует, скажем, дела Бартенева [21, стр. 471-490] или Грузинского [21, стр. 491-504] и др.

Приведем пример одного из дел Ф.Н. Плевако, которое слушалось в 1901 г. на его родине – г. Троицке Оренбургской губернии. Фигурантом дела выступал весьма богатый и влиятельный казах, а Федор Никифорович был его адвокатом. Опытный защитник довольно тщательно подготовился к выступлению по данному делу, избрав за основу речь прокурора о том, что «суд богатых не боится». По мнению Ф.Н. Плевако, прокурор выступал за обвинительный приговор не потому, что хотел доказать виновность подсудимого. Ему важнее было отстоять авторитет суда и доказать присутствующим, что суд обладает настолько весомой силой, что даже богатые и влиятельные не смогут избежать наказания, независимо от того, виновны или нет.

По итогу, ошеломляющая по силе речь адвоката Ф.Н. Плевако произвела огромное впечатление на присутствующих. Несмотря на то,

что само дело считалось достаточно сложным (разногласия в показаниях, неверно проведенная экспертиза), оно было решено в пользу подзащитного Ф.Н. Плевако. Этому способствовал высокий профессионализм и ораторское мастерство знаменитого защитника.

За высокую результативность своей работы Ф.Н. Плевако был удостоен чина действительного статского советника (IV класс, соответствующий по табели о рангах званию генерал-майора), а также приобрел потомственное дворянство. Положительные отзывы и авторитет Федора Никифоровича Плевако укрепили и без того его высокий общественный статус. Он обрел свой собственный штат помощников, учеников и почитателей своего таланта.

В годовщину издания новых судебных уставов Ф.Н. Плевако писал: «Уставы созданы не для карьеры судей и прокуроров, не для довольства и роскоши адвокатов; они – для водворения правды на Руси» [17, стр. 539].

Имя Ф.Н. Плевако вошло в «золотой фонд» российской юриспруденции и до сих пор является синонимом профессионализма, честности, неподкупности, справедливости и сострадания. Не зря он сам говорил о том, что «у нас, защитников, защитительная жилка всегда остается нашим свойством не потому, что мы хотим отрицать всякую правду и строгость, но потому, что мы видим в подсудимых по преимуществу людей, которым мы сострадаем, прощаем и о которых мы сожалеем» [17, стр. 365].

Существует мнение, что Ф.Н. Плевако, помимо адвокатской деятельности, не занимался никакой другой общественной деятельностью. Однако известен факт, что он был приглашен министром юстиции Н.Д. Муравьёвым, в числе других выдающихся юристов, в комиссию, которая должна была разработать проект по реформированию адвокатуры. Так были определены главные направления деятельности комиссии, касающиеся будущей реформы. Заключались они в отправлении правосудия не только для прокурора и присяжных заседателей, но или защитника.

Ф. Плевако поистине можно считать одним из первых юристов, ставших оплотом судебной реформы Александра II. Участвуя в многочисленных судебных процессах, он не только познавал существующую российскую действительность, но и разрабатывал и изучал возможные благоприятные пути развития Отечества. По его мнению, прогрессивное развитие России было возможным лишь в результате проведения буржуазно-демократических реформ, в противном случае развитие могло бы остановиться на месте и более не сдвинутся с мертвой точки. Начинать обновление общества, по мысли выдающегося судебного деятеля, следовало с утверждения правды, справедливости, свободы личности [12, стр. 134].

Подводя итог сказанному, отметим, что в истории российской юриспруденции Ф.Н. Плевако считался не просто прекрасным оратором и образованным юристом, а «бравым защитником», умело и профессионально выполняющим свое дело. В делах, казалось бы, совсем не решаемых, он всегда мог найти те доказательства, которые бы указывали на обратное. При этом каждая из его речей на процессе была абсолютно новой, непохожей на предыдущую.

Как известно, судебные речи А.Ф. Кони, как и Ф.Н. Плевако, «лишенные всякого эпатажа и черт салонной красивости, не несут, как у части его коллег – современников, – *указывают В.П. Сальников и В.А. Иванов,* – утопических надежд на глобально-мессианскую роль человеческой добродели, христианского милосердия, общественного равенства. Напротив, Кони стремился подчеркнуть в них значение имманентность нравственных начал служителя права, свободы самоопределения «из себя» (г. Флоровский); для остальных, профессиональной честности воли в деятельности чиновников. Для него рассматриваемые дела – всегда «усложненные решения жизни вообще». В этих условиях блестящий ум и энциклопедическая образованность Анатолия Федоровича помогали понять явление в целом» [19, стр. 6].

Предлагаемая оценка личности, профессионализма и порядочности А.Ф. Кони в полной мере относятся и к Ф.Н. Плевако.

А.Ф. Кони, говоря о реализации судебной реформы 1864 года, выдвигал «на первый план четыре выдающихся судебных оратора. Это были Спасович и Арсеньев в Петербурге, Плевако и Урусов в Москве. Несмотря на отсутствие предварительной технической подготовки, они проявили на собственном примере всю даровитость славянской натуры и сразу стали в уровень с лучшими представителями западноевропейской адвокатуры» [11, стр. 123].

Следуя всем нововведенным принципам, Ф.Н. Плевако подтверждал своей юридической деятельностью всю необходимость и правильность практической реализации положений судебной реформы 1864 г. Судебные уставы стали для него «настольной книгой», следуя которым он продвигался вверх по карьерной лестнице правозащитника. Благодаря таким специализированным юристам-защитникам, судебная система начала развиваться довольно быстро, а институт адвокатуры, основываясь на предыдущем опыте, все больше получал положительные оценки в массах и мог самостоятельно развиваться и совершенствоваться.

Список литературы

1. Анапских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
2. Анапских И.А., Сальников С.П., Туков С.В. Д.В. Стасов и судебная реформа // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 155-162.
3. Анохина С.В. Адвокатура в России во второй половине XIX в. // Право и политика. – 2007. – № 9. – С. 100-104.
4. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
5. Бородин Д.Н. Исторический очерк русской адвокатуры : (К 50-летию присяж. адвокатуры) : 1864 – 20 нояб. – 1914 : Ч. 1 : Иллюстрированное издание. – Пг. : Петроградская коммерческая типо-лит., 1915. – 101, [2] с., 6 л. ил. : портр.
6. Васьковский, Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1-2. – СПб.: Юр. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1893. – 621 с. разд. паг.
7. Горячева Е.А. Роль судебной реформы 1864 года в становлении заключения прокурора в гражданских делах // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 78-80.
8. Дравнина С.Ю. Институты гражданского общества как субъекты правозащитной деятельности в России в период 1864 – 1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 27 с.
9. Кондрат И.Н. Судебная реформа 1864 года и уголовная политика России // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 88-92.
10. Кони А.Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. и прим.: Миронова Г.М., Миронова Л.Г. – М.: Сов. Россия, 1989. – 496 с.
11. Кони А.Ф. Князь А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако // А.Ф. Кони. Собр. соч. в 8 т. Т. 5 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – С. 123-127.
12. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Том 5 / Под общ. ред. В.Г. Базанова, А.Н. Смирнова, К.И. Чуковского. – М.: Юрид. лит, 1968. – 536 с.
13. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1994. – 240 с.
14. Маклаков В.А. Ф.Н. Плевако. – М.: тип. В.М. Саблина, 1910. – 61 с.
15. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
16. Плевако Ф.Н. Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович. Отв. ред. и автор предисловия Г.М. Резник. – М.: Юридическая литература, 1993. – 544 с.
17. Плевако Ф.Н. Речи. Т. 1. – М.: Изд. М.А. Плевако, 1909. – [4], 373 с.
18. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
19. Сальников В.П., Иванов В.А. «…И всегда служил не лицам, и не себе, а делу»: Вступительная статья // А.Ф. Кони. Избранные произведения. В 3-х томах. Том. 1. Воспоминания / Вступительная статья В.П. Сальников и В.А. Иванова. – СПб.: Лексикон; Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «Сокровищница российской юриспруденции»). – С. 5-7. – в кн. 287 с.

20. Стоянов А.А. История адвокатуры. – Харьков: Унив. тип., 1869. – 146 с.
21. Судебные речи известных русских юристов: Сборник / Сост.: Ворожейкин Е.М.; отв. ред.: Выдря М.М.; предисл. Е. Ворожейкин, М. Выдря. – 3-е изд., испр. – М.: Госюриздат, 1958. – 871 с.
22. Троицкий Н.А. Федор Никифорович Плевако (1842-1908) // Корифеи российской адвокатуры / Под общ. ред. В.А. Благово, С.А. Сапожникова. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 103-126. – в кн.415 с.
23. Фойницкий И. Я. Оправдательные решения присяжных заседателей и меры к их сокращению. – СПб.: тип. Правительствующего сената, ценз. 1879. – 64 с.
24. Чубинский М.П. Современная борьба взглядов за и против суда присяжных и реформаторские попытки в этой области. – Киев: тип. Ун-та св. Владимира, Н.Т. Корчак-Новицкого, 1897. – [2], 32 с.
25. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.

КОВАЛЕВ Виктор Александрович,
заместитель заведующего кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

ТЕТЕРИНА Арина Алексеевна,
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: arina.teterina2010@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ 1864 ГОДА

Аннотация. *Анализируется роль выдающегося русского политического деятеля, ученого-правоведа и публициста Константина Петровича Победоносцева в судебной реформе 1864 года. Отмечается, что в ходе эволюции своих представлений о судебном строе России Победоносцев прошел путь от либерала до консерватора, утверждая, что общество еще не достигло того уровня правовой культуры, чтобы правильно воспринимать проводимые изменения.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *Константин Петрович Победоносцев; Судебная реформа 1864 года; Судебные уставы Российской империи; противник либеральных принципов; суд присяжных.*

KOVALEV V.A.
TETERINA A.A.

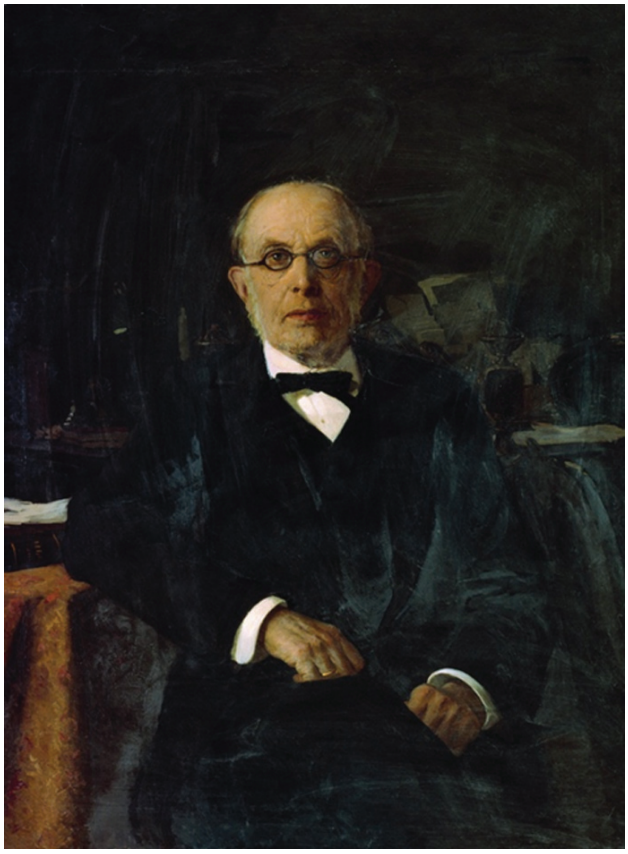
K.P. POBEDONOSTSEV AND HIS ATTITUDE TO THE JUDICIAL REFORM OF 1864

The summary. *The role of the prominent Russian politician, legal scholar, and publicist Konstantin Petrovich Pobedonostsev in judicial reform of 1864 is analyzed. It is noted that during the evolution of their ideas about the judicial system of Russia, Pobedonostsev went from liberal to conservative, arguing that society has not yet reached that level of legal culture in order to correctly perceive the ongoing changes.*

The article is being printed in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *Konstantin Petrovich Pobedonostsev; Judicial Reform of 1864; Judicial statutes of the Russian Empire; opponent of liberal principles; jury trial.*

Для планомерного изучения роли Константина Петровича Победоносцева в судебной реформе 1864 года необходимо проанализировать временной промежуток той эпохи, когда жил



научный деятель, ее социально-политические особенности, следует рассмотреть основные моменты его биографии и особенности мировоззрения Победоносцева.

К.П. Победоносцев (1827–1907) – русский политический деятель, ученый-правовед и публицист. Сын профессора словесности Московского университета и внук священника. Родился в Москве 21 мая (2 июня) 1827 г. В 1846 г. окончил училище правоведения, поступив на службу в департаменты Сената. В 1860-1865 гг. занимал кафедру гражданского права в Московском университете. С 1861 г. преподавал законоведение великим князьям, в том числе будущим императорам – Александру III и Николаю II. Сенатор (1868), член Государственного совета (1872), обер-прокурор Святейшего Синода (1880) [11]. Являлся образованным и разносторонним человеком, который написал много юридических, исторических, церковных, публицистических трудов, такие как «Курс гражданского права» в трех частях, «Московский сборник», «Исторические исследования и статьи», «История Православной церкви до разделения церквей», «Судебное руководство», «Власть и начальство», «Ученье и учитель» и другие. Победоносцев считается ярким представителем российского консерватизма, который пропагандировал опыт и приверженность традициям, много внимания уделял нравственной и духовной составляющей человеческой жизни, не признавал индивидуализм. «Жизнь отдельного человека получает смысл и значение не от внешних условий благосостояния, не от материальной силы, не от разнообразия событий и явлений, но от идеи, которая одушевляет жизнь», – писал Победоносцев в начале своей знаменитой статье «О реформах в гражданском судопроизводстве» [7, стр. 18]. Но Константин Петрович не всегда был таким: во второй половине 1850-х годов он придерживался либеральных взглядов и был сторонником преобразований. Главную из реформ александровского царствования – отмену крепостного права – будущий обер-прокурор принял с неподдельным воодушевлением, считая ее «переломом», «великой переменой», и особенно радуясь тому факту, что отныне в России «никто не будет служить по принуждению» [8, стр. 90].

Эпоха, в рамках которой выпало действовать Победоносцеву, носила переходный, трансформационный характер. Основы традиционного миропорядка подвергались в это время усиленному давлению со стороны явлений нового времени – процессов капиталистического развития, тенденций секуляризации и либерализации общественной жизни [9, стр. 1]. Конец 1850-х годов относится к началу реформаторской деятельности Александра II. В то время необходимость реформ понимали все слои общества, и преобразовательные действия, совершаемые правительством, находили отклик у людей. Предстоящие судебные преобразования вызвали интерес у лиц, которые были к этому причастны. Победоносцев, в большей мере, чем многие юристы того времени обладавший сведениями, необходимыми такого рода суждений, мог высказать свой взгляд на основные черты такого отдела задуманной судебной организации, которого никто из его современников в литературе не коснулся и который ему был ближе, чем остальные [5, стр. 7]. Он представил в комиссию по составлению судебных уставов статью «О реформах в гражданском судопроизводстве», в которой предложил собственный ход преобразований. Следует отметить, что статья была написана и напечатана еще в то время, когда по поводу судебного преобразования существовали только проекты

графа Блудова, в реформаторском смысле гораздо более умеренные, чем позднейшие, и окончательный перелом в воззрениях высшего правительства на этот предмет еще не вполне обозначился [5, стр. 11].

Вместе с тем именно Блудов, один из первых представителей государственной бюрократии, воплотил в конкретную форму осознание необходимости глубоких реформ в России того периода, охватившего Александра II и его окружение.

Как известно, после смерти Николая I на российский престол вступил в феврале 1955 г. его старший сын Александр. В исторической литературе его царствование оценивается по-разному. «С одной стороны, – *указывается в Историческом очерке,* – Александр II запечатлел свое имя и истории нашего Отечества освобождением крестьян от крепостной зависимости, многими важными внутренними преобразованиями, завоеванием свободы от турецкого ига для славянских народов на Балканах, довольно успешной внешней политикой. В то же время, с другког стороны, проявились очевидная половинчатость реформ (крестьяне освободжались без земли), жестокость в кровавом подавлении польского восстания в 1863-1864 гг. Во внешней политике завоевание Средней Азии рядом историков характеризовалось как колониальный захват» [3, стр. 121].

Логика общественной жизни России того периода потребовала от Александра II проведения кардинальных преобразований по существу во всех областях: крестьянской, земской, городской, судебной, военной и т.д.

Граф Блудов подготовил обширную записку «О судебных установлениях». Здесь он высказал необходимость реорганизации судебной системы России. В частности, шла речь об отмене сословных судов, введении института присяжных заседателей, адвокатуры. Сформулированные предложения предполагали ликвидацию крепостного права и «проведение других демократических реформ, против введения которых так активно боролись Николай I и его министры» [1, стр. 54].

Любопытно то, что сам граф Дмитрий Николаевич Блудов в период царствования Николая I был министром внутренних дел (с февраля 1832 г. по февраль 1839 г.) и активно боролся с теми реформами, которые в последующем обосновывал в своей записке в 1857 году императору. В ней он утверждал: «нам в особенности нельзя и думать о каком-либо усовершенствовании всей части нашего законодательства без изменения самой основной мысли ея, без принятия не только отличных, но и до известной степени противных ей начал». В записке «О судебных установлениях» он «требовал полного уничтожения сословных судов, разделения судебной и административной властей, устранения полиции от производства следствия, усиления гласности, введения устности в процессе и учреждения института присяжных поверенных [4, стр. 78].

К деятельности Блудова Победоносцев относился критически и довольно резко, говорил, что «в проектах он не видит соответствия потребностям страны… в них сказывается обычное пренебрежение бюрократии к истинным чувствам народа» [10, стр. 63]. Статс-секретарь Государственного совета С.И. Зарудный, в руках которого оказалась подготовка судебной реформы, увидев обширные замечания к проектам Блудова и глубокие познания в судебной сфере, пригласил Победоносцева в Комиссию по выработке «Основных Положений для устройства судебной части», в октябре 1861 года он вошел в Комиссию. Затем, в 1862 году он стал членом гражданского отделения, которое разрабатывало проект устава гражданского судопроизводства – одной из частей судебного законодательства.

Критически Константин Петрович относился и к работе Комиссии, считая, что ее члены не имеют достаточно знаний для разработки такого серьезного проекта. «Бледность знаний и юрид[ических] идей поразительная, – *записывал Константин Петрович в свой дневник после одного из заседаний Комиссии о судебных уставах.* – Бедная Россия! И вот кто тебя преобразовывает» [2, л. 41]. Победоносцев имел влияние в Комиссии в силу его начитанности, знаний жизненной практики и активной работы над реформой, но формировавшиеся в его сознании оппозиционные воззрения и скептицизм способствовали непониманию со стороны его коллег предложенных им изменений и нововведений в судебной системе. Рассмотрим их более подробно.

При несомненных элементах сходства со взглядами большинства деятелей судебной реформы, позиция Победоносцева отличалась и значительным своеобразием. Последовательно выступая за преобразования в рамках судебного

механизма (публичность, гласность, устность, состязательность, независимость от администрации), правовед, по сути, этими рамками и ограничивался. К перспективам соприкосновения данного механизма с самостоятельностью общества (выборный мировой суд, институт присяжных) Победоносцев относился скептически. Возможность развития неконтролируемой общественной инициативы в целом, как показали дальнейшие события, настораживала правоведа. Он боялся ее, видимо, в силу кабинетного склада своего ума, привычки к патриархальной статичности и определенности [10, стр. 64-65].

Одним из важных принципов судебного производства для Константина Петровича являлись гласность и публичность, он считал, что заседание суда должно быть открытым и на нем может присутствовать каждый желающий. «Суд… должен совершаться не во тьме, но открыто перед всеми. Для того, чтобы суд всегда был открытым для тяжущихся, нужно, чтобы он не был тайною и для всего общества. Во-первых, суд есть дело общественное, следовательно, общество вправе интересоваться тем, что на нем происходит; тем живее этот интерес, чем крепче связь членов общества между собою, составляющая самую надежную опору общественного порядка… Во-вторых, как бы ни были судьи опытны и добросовестны в своем деле, они по свойству человеческой природы легко могут уклониться от справедливости и нарушить меру, если дело свое совершают в тайне и не подлежат контролю общественного мнения» [7, стр. 118, 121].

В настоящее же время в России лица, от имени которых исходит судебный приговор, находятся, указывал Победоносцев, в руках полуобразованных приказных и чиновников канцелярии; тяжущихся сторон они не видят и не слышат и смотрят на решаемое ими дело через бумагу. [11, стр. 6]. Победоносцев считал, что суд должен быть словесным, но необходимо дополнительное приготовление в форме составления письменной части процесса. Словесное состязание в судебном процессе должно происходить, считал Победоносцев, в живой речи, а не сводиться к прочтению записок. Все разбирательство и в конечном итоге вынесение решения должно основываться на тех данных, которые стороны приводят в суде. Для апелляционного производства он полагал возможным смягчить требование обязательной явки сторон на судебное заседание [11, стр. 6]. Следует отметить, что современный судебный механизм также включает устное состязание между сторонами, выслушивание участников заседания, но с письменной подготовкой, предоставлением нужной документации.

Состязательность, то есть доказывание сторонами своей точки зрения в тяжбе, подкрепленное фактами, является одним из центральных принципов судопроизводства, без которого такой принцип, как словесность, не имел бы смысла. Победоносцев в статье «О реформах в гражданском судопроизводстве» писал: «истинное и неизменное правило ее @состязательности@ состоит в том, что факты, составляющие содержание тяжбы, и доказательства, относящиеся к ним, должны быть указаны судье самими тяжущимися и обозначать пределы его деятельности; но в этих пределах должна быть предоставлена судье свобода доискиваться до истины, чтобы он мог составить себе убеждение о праве» [7, стр. 116-117]. Победоносцев был убежден в эффективности института состязательности, но при этом уделял внимание значению адвокатуры. «Только при помощи адвокатов, – *подчеркивал он,* – судебное состязание может достигнуть полноты и живости, а эта полнота и живость необходима для того, чтобы судья мог обозреть дело со всех сторон, проникнуть в самую сущность его и составить себе твердое убеждение: она только может предохранить судью от односторонности взгляда, столь вредной для правильности решения. Для того, чтобы право получило перевес на суде, с каждой стороны, по каждому требованию должно быть представлено с возможною полнотою и ясностию все, что только следует сказать в защиту каждой стороны; при изложении фактических отношений каждой стороны должно быть высказано и юридическое начало, которое служит им основанием и которым сторона руководствовалась в своих действиях. Только адвокаты способны представить суду такое изложение» [7, стр. 101-102].

Константин Петрович считал, что суд должен быть независим от администрации, потому что только честный и не подчиненный чужому влиянию судья является достойным своего звания. «За действия свои по званию судьи он должен отвечать перед законом и судом, а не перед гневом и милостью начальника. Если начальник в иерархическом порядке администрации сохранит при себе право награждать и наказывать судью,

отставлять и перемещать его по своему произволу, в таком случае напрасно было бы ожидать от судьи независимости и добросовестности» [7, стр. 128].

В своих рассуждениях Победоносцев не затрагивает такой институт, как мировой суд. Но рассуждая о прекращении судебных тяжб, он говорит: «для мирового судьи при многосложности судебных и полицейских его занятий и в том положении, в какое он поставлен искусственным началом централизации, потребуются формальные качества, потребуется специальное приготовление к должности; отношение его к лицам, вызываемым для соглашения, и само соглашение тоже будет искусственное, что противоречит основному понятию о соглашении. Такой тип мирового судьи не удовлетворяет чувству справедливости» [7, стр. 50]. То есть Победоносцев утверждает, что мировой судья должен быть выборным, чтобы его авторитет признавался людьми. Но позже он поменяет свою точку зрения, его воззрения станут более консервативными.

Что касается суда присяжных, то отношение к нему было весьма противоречивым. Еще в 1860 г. при характеристике данного института он подчеркивал главным образом его положительные стороны: присяжные – это «драгоценное учреждение», заложенный в него принцип вынесения приговора на основании внутреннего убеждения позволил постепенно вытеснить «теорию формальных доказательств», служившую основой для широкого применения пытки. Уже к концу 1861 г. акценты сменились. Присяжные стали провозглашаться институтом, эффективность которого в различных странах далеко не очевидна, введение которого возможно лишь при предварительно достигнутом в обществе высоком уровне правосознания и культуры [10, стр. 65]. «Можно себе представить, – продолжал он, – во что обращается это народное правосудие там, где в юном государстве нет и этой крепкой руководящей силы, но взамен того есть быстро образовавшаяся толпа адвокатов, которым интерес самолюбия и корысти сам собою помогает достигать вскоре значительного развития в искусстве софистики и логомахии, для того чтобы действовать на массу; где действует пестрое, смешанное стадо присяжных, собираемое или случайно, или искусственным подбором из массы, коей недоступны ни сознание долга судьи, ни способность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки; наконец, смешанная толпа публики, приходящей на суд как на зрелище посреди праздной и бедной содержанием жизни; и эта публика в сознании идеалистов должна означать народ» [6, стр. 300].

В целом если говорить о Победоносцеве, то переход от реформаторства к консерватизму, характерный для многих общественных деятелей той эпохи, имел в его случае значительную специфику. Приступая к разработке Судебных уставов, правовед, видимо, полагал, что речь идет главным образом о преобразованиях в рамках судебного механизма, цель которых – очистить здоровые основы «правомерной монархии» от позднейших наслоений. Когда же реформы начали выходить из намеченного им русла, Победоносцев испытал глубокий шок. Сыграл свою роль в разочаровании и личный мотив – обида человека, который к началу 1860-х гг. получил известность как один из ведущих экспертов в области права и, видимо, рассчитывал на одну из ключевых ролей в подготовке реформ. Все это сделало Победоносцева убежденным противником либеральных принципов, однако не только разочарование в судебной реформе способствовало подобной эволюции. Огромную роль сыграли и впечатления от социально-политических конфликтов, обрушившихся на Россию после отмены крепостного права и окончательно убедивших будущего обер-прокурора во вредоносности, неэффективности любых преобразований [9].

Победоносцев утверждал, что общество еще не достигло того уровня правовой культуры, чтобы правильно воспринимать изменения, что новые учреждения не буду работать эффективно без подготовленных кадров, а их подготовка – сложное и длительное дело.

Таким образом, Победоносцев прошел путь от либерала до консерватора, в ходе эволюции своих представлений о судебном строе России Константин Петрович сначала видел суд гласным, открытым, состязательным и независимым и активно развивал эти идеи. Он утверждал, что государство должно устроить порядок защиты прав граждан и сделать так, чтобы они реже обращались к правосудию. Но государственные деятели не хотели медлить с преобразованиями и редко прислушивались к рекомендациям со стороны Победоносцева, он сомневался в компетентности реформаторов, поэтому его негативное отношение к проводимым реформам усиливалось.

К моменту выхода Судебных уставов в ноябре 1864 года Победоносцев был определенным противником их основных положений.

Вряд ли будет правильным в материале о Константине Петровиче Победоносцеве и его отношении к Судебной реформе 1864 года хотя бы не упомянуть о его влиянии на судьбу и историю России через «царя-миротворца» Александра III.

В двухтомном Историческом очерке, посвященном 200-летию МВД России, читаем: «После трагической гибели Александра II на престол вступил его сын, вошедший в историю как император Александр III, «царь-миротворец». От своего рождения (1845 г.) и в годы юности Александр Александрович не готовился к роли главы Российской империи, так как по закону наследником был его старший брат Николай. Учеба давалась юноше с трудом. Некоторые из приставленных к нему учителей в своих отчетах отмечали его главный недостаток – лень, преодолевать которую удавалось отнюдь не каждому наставнику. Среди них цесаревич добрым словом вспоминал впоследствии лишь двоих: воспитателя-опекуна графа Б.А. Перовского (бывшего директора Корпуса путей сообщения) и видного юриста, читавшего курс государственного права императорским детям, профессора К.П. Победоносцева. С последним у юного Александра установились самые дружеские отношения, что сыграло немаловажную роль в дальнейшей истории России [3, стр. 188].

Сам Константин Петрович Победоносцев так оценил историю России в период царствования Александра III (1881 – 1894 гг.): «Он воссел на трон отцов своих, орошенный слезами, поникнув головой, посреди ужаса народного, посреди шипящей злобы и крамолы».

Однако это уже тема другой научной публикации.

Список литературы

1. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
2. Дневники К.П. Победоносцева (1862–1866) // РГИА. – Фонд 1574 (К.П. Победоносцев). – Оп. 1. – Ед. хр. 1.
3. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
4. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
5. Нольде А.Э. К.П. Победоносцев и судебная реформа // Вестник Гражданского права. – 1915. – № 8. – С. 5-44.
6. Победоносцев К. П. Суд присяжных // К.П. Победоносцев. Сочинения / Вступ. ст. А. И. Пешкова. – СПб.: Наука, 1996. – 509,[1] с., [1] л. портр.;
7. Победоносцев К.П. Государство и Церковь / Сост, предисл, коммент. О.А. Суржик / Отв. ред. О.А. Платонов. Т. 2. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.
8. Победоносцев К.П. Письмо смоленской помещице С.И. Энгельгардт (приводится по: Эвенчик С.Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Ученые записки Московского государственного педагогического института. – 1969. – № 309. – С. 108–111).
9. Полунов А. Ю. Образы власти и общества в восприятии российского консерватора XIX в.: самобытные основы и общеевропейский контекст // Государственное управление. Электронный вестник, – 2012. – № 35. – С. 69-70.
10. Полунов А.Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России: Монография. – М.: РОССПЭН, 2010. – 374 с., [5] л. портр., фотографии.
11. Томсинов В.А. Вопросы судебной реформы в творчестве К.П. Победоносцева // Закон. – 2010. – № 2. – С. 253-269.

ЕГОРШИН Виктор Михайлович,
профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник МВД СССР (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: egorshin-vm@list.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОВАЯ ЧЕХАРДА

Аннотация. *Анализируются негативные моменты развития российского общества, связанные с отсутствием единого правового регулирования. Отмечается необходимость совершенствования действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части конфискации имущества, установления уголовной ответственности юридических лиц; формулируются соответствующие авторские предложения.*

Ключевые слова: *единое правовое регулирование; уголовное законодательство; Следственный комитет Российской Федерации; криминогенная обстановка; конфискация имущества.*

EGORSHIN V.M.

LEGAL LEAPFROG

The summary. *The negative aspects of the development of Russian society associated with the lack of a single legal regulation are analyzed. The necessity of improving the current criminal and criminal procedural legislation regarding the confiscation of property, the establishment of criminal liability of legal entities is noted; the corresponding author's proposals are formulated.*

Key words: *unified legal regulation; criminal law; Investigative Committee of the Russian Federation; criminogenic situation; confiscation of property.*

Все должно делаться настолько простым, насколько это возможно, но не иначе.
Альберт Эйнштейн. О жизни.

Никогда не создавайте проблему, если не знаете наперёд как ее решить.
Правило Берка
Следствие. Создавайте такие проблемы, решение которых знаете только вы [21].

В России регулярно публикуются прогнозы роста по разным показателям – сокращению госдолга, росту валютных резервов, увеличению производства алюминия, экспорта газа или зерна. Причем речь давно не идёт об удвоении ВВП. Все макроэкономические достижения крайне низкие, зачастую в пределах статической погрешности. Исключением составляют показатели криминальной направленности, в основном связанных с неуемным обогащением чиновников.

Реальная экономическая ситуация несколько иная и напрямую связана с правовым регулированием. Происходит подобный дисбаланс в первую очередь от пресловутого госзаказа, потому как после решения о поэтапном переходе предприятий военно-промышленного комплекса на гражданскую продукцию такие самодостаточные и ориентированные на оборонку субъекты, как Тульская область, Удмуртия и Хабаровский край, переместились в дотационные и убыточные. Понизилась покупательская способность рубля, выросла цена на баррель нефти, резко выросла рублевая выручка предприятий нефтехимии Башкортостана и Татарстана. Беднеет население, меньше покупает автомашин, и как следствие, буксует ВАЗ и ГАЗ. Только Росстат, вошедший в состав Минэкономики, показывает на бумаге чудеса роста жилья, которых просто не может быть, особенно после июльских новаций в строительной отрасли.

В регионах ситуация тоже не из лучших в частности из-за изъятия центром налога на добычу полезных ископаемых, которые по действующей Конституции могут быть в собственности физических лиц. Так в январе – августе 2018 года более 25% всех налоговых поступлений в федеральный бюджет обеспечил Ханты-Мансийский АО, ещё 10% – Ямало-Ненецкий АО. А весь Дальний Восток, в который десять лет закапывают триллионы – 2%. Москва и Петербург, крупнейшие потребительские рынки, дают 12% и 6% соответственно. Получается, что более половины федеральной казны наполняют четыре субъекта.

Министерство внутренних дел опубликовало победные реляции об успешной борьбе с преступностью. Как сообщил официальный представитель МВД, количество регистрируемых преступлений сократилось с 2190,6 тыс. в 2014 году до 1991,5 в 2018 году. Приводится подробная структура и динамика отдельных категорий преступлений. Но официальный представитель МВД лукавит, так как в юриспруденции и управленческой терминологии есть множество форм словесной обертки, в которую можно завернуть любую информацию и подать как нечто значительное.

Кроме того, интересно узнать какое количество сотрудников непосредственно борется с преступностью, так как в России самое большое количество полицейских на 100 тысяч населения.

Поэтому следует кое-что уточнить. Во-первых регистрируется не преступление, а факты преступных проявлений. Кроме того правонарушения регистрируются не только в МВД. А преступлениями они признаются только судом, для чего следует пройти систему действий предусмотренных соответствующими законодательными актами. Бесспорно, что основная часть преступных проявлений приходится на рассмотрение подразделениями МВД. Но кроме них с преступными проявлениями борются ФСБ, Следственный комитет, МЧС, Росгвардия и другие. Являясь как бы ведущей структурой по противодействию правонарушениям, МВД явно завышает свою значимость. В тоже время знаковых и эффективных мер, свидетельствующих о заинтересованности МВД в искоренении преступности, за исключением нововведений по линии ГИБДД, не просматривается. Предложения по платному «стукачеству», которое, начиная с пионера-героя Павлика Морозова и его последователей из нескольких миллионов в тридцать седьмые, ни к чему хорошему не привели. Власть сама побуждает к сотрудничеству, говоря, что доносительство нормально, потому как подобное приветствуется на Западе.

Но дело не в заграница. Сейчас проводится много соцопросов, из которых видно, что в стране происходят значительные перемены, которые, показывают, что в обществе разлилась тревога и недоверие к власти. Растёт огорчение по поводу системы образования и медицины, что понятие свободы растворилось и стало каким-то напряженным и проявляется в итогах выборов, соцопросах, оттоку капитала и людей за рубеж. И призыв к стукачеству – это один из элементов происходящих процессов. Наоборот, люди все больше теряют веру во власть и не желают взаимодействовать с ней, потому как видят, что не работают законы, должные их защищать. Зато видят, как Госдума печатает увеличивающие штрафы, как поймать кого-то в фейсбуке, как поднять налоги, как что-то не дать, а наоборот, отобрать. Повальные запреты, порой с самой необузданной фантазией. Поэтому напряжение в обществе нарастает и, к сожалению, будет возрастать. На этом фоне исчезает вера в справедливость и объективное распределение общественных благ. А так недалёко и до волнений типа каталонских, когда богатые регионы не пожелают кормить бедных и списывать громадные долги бывшим далеко не бедным

союзникам. В России поводов для подобных неурядиц больше чем достаточно.

Если раньше можно было все валить на девяностые, когда голова шла кругом от предоставленного суверенитета, то сейчас не то время. Нынешняя власть существует уже больше четверти века, во время которого выросло взрослое поколение, и ей выгодно разъединение людей, когда они стучат друг на друга, что возвращает к мрачным страницам нашей же истории.

В этой ситуации роль миллионной армии МВД, большая часть которой не имеет никакого отношения к противодействию преступности, минимальна, и желание пойти по пути Следственного Комитета по оптимизации численности и затрат ведомства, за последнее время не просматривается, кроме как разве с переименованием и тем, что с этим связано. Продвинутый же через Президента закон против «воров в законе» не так прост, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что, нагнетая тему засилья криминалитета в девяностые, почему-то забыли, что сама власть, разрешив предпринимательство в период перестройки, не подготовила никакого противодействия возникающим конфликтам.

Первые кооператоры и бизнесмены типа Артема Тарасова стали заложниками происходящего. Массовое увольнение профессионалов, особенно из оперативных подразделений, коррумпированная милиция и суды, отсутствие адекватных законов или принятие нужных тем, кто разваливал страну, желая богатеть, привело к тому, что решать практически все вопросы стал криминалитет, сросшийся с чиновниками разных уровней и ведомств. Они же выступали в роли инвесторов и судей, с чем, надо отметить, они справлялись довольно успешно. Самый наглядный пример подобного сотрудничества -пресловутая «семибанкирщина», в результате которой основные отрасли экономики оказались в частной собственности. То, чем это обернулось, пожинаем до сих пор с отрицательными показателями.

Последствия тех времён продолжаем ощущать и сейчас, когда принятие закона против «коронованных» есть не что иное, как стремление избавиться от порочащих связей и стать белыми и пушистыми. А примеров подобного сращивания больше чем достаточно, притом в разных ведомствах и на солидном уровне, так как в девяностые криминал думал не только о барышах, но и о том, как закрепиться в различных структурах и ведомствах, для чего обеспечивал поступление своих протеже во все возможные отечественные и зарубежные учебные заведения, окончив которые, за десятилетия они достигли значительных успехов, благо младореформаторы и криминал знали, для чего они их готовили. Птенцы выросли в стервятников, думающих только о собственной наживе. Проталкивая же закон против «коронованных», они цинично хотят откреститься от своих покровителей из криминалитета.

Чтобы бороться с доставшимся наследием, одного желания недостаточно, важно продумать для этого соответствующее правовое обеспечение в форме федеральной правовой Программы, с помощью которой впредь не допустить подобных сращиваний и добиться справедливости, которой так не хватает.

Следующим негативным моментом, связанным с отсутствием единого правового понимания и соответственно регулирования, является ситуация с экономическими санкциями. Какая вроде бы связь. Но на деле все гораздо сложнее. Санкции перекрыли доступ ко многим технологиям, продуктам производства и потребления, оборудованию.

Вроде бы прекрасный повод для замещения санкционных продуктов на отечественные. На практике все иначе. За прошедшие годы если и есть положительные примеры по импортозамещению, то их единицы, и несмотря на то, что они по определению должны быть дешевле, происходит обратное. Так сокращение товарооборота, как и введение электронного декларирования сотрудников таможни, привело к сокращению сотрудников брокерских компаний. Вроде бы подобное хорошее явление, но нет никакой правовой защиты тех, кто высвободился. К ним также можно отнести высвободившихся сотрудников после переименования милиции. В каких видах деятельности они и им подобные оказались и все больше будут оказываться в ближайшее время, можно предугадать. Об этом мы тоже говорили.

Как юридически предотвратить подобные коллизии, и должна предложить федеральная программа юридической концепции. В ней же необходимо проработать варианты взаимодействия различных отраслей. Например, проблемы с детьми и ситуация с семейным правом,

международным, наследственным, гражданским и другими. Таких нестыковок очень много и примером тому постоянные конфликты при невыполнении знаковых посланий Президента в майских посланиях 2012 года, которые продолжаются уже несколько лет. Было бы возможным подобное при Иване Грозном, Петре Первом или Сталине? Сомневаемся, и обоснованно. Примеров можно приводить множество, что как раз и свидетельствует о необходимости создания федеральной правовой концепции, Об этом более подробно освещалось в отдельных работах.

Об этом же говорил в одном из интервью Председатель Следственного Комитета Александр Бастрыкин, суть которого в том, что на протяжении нескольких последних лет количество преступных проявлений, по информации оперативных подразделений силовых структур, возросло на шесть процентов.

В тоже время обращает на себя внимание значительное снижение удельного веса принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам, поступившим из оперативных подразделений МВД России. Но наиболее интересна статистика снижения количества поступивших сообщений о преступлениях коррупционной направленности из органов государственного и муниципального контроля. В 2015 году их было 440, в 2016 – всего 52.Число уголовных дел, возбужденных по материалам органов государственного и муниципального контроля, сократилось почти в 16 раз за последние два года, что свидетельствует о необходимости совершенствования деятельности этих органов по предупреждению и профилактике коррупции в наиболее коррупциогенных отраслях экономики, в том числе при межведомственном взаимодействии с правоохранительными органами.

Похоже, что чиновники, как те вороны, не хотят сами себе выклевывать глаза.

Толчком к созданию подобной программы послужило, как ни странно, так называемое «Дело Голунова», когда столкнулись за свои интересы силовые структуры. Но важно не это, а то, что предшествовало этому. По оценкам различных источников было видно, что общество насыщено ядом, раздражением, ненавистью и возмущением проводимой правительством и его чиновниками политики. Особенно с предложением госпрограмм, ни одна из которых не выполнена. Чего стоили и во что обошлась замена часовых поясов или ликвидация ламп накаливания и прочие несуразицы? О реформах образования, здравоохранения и им подобным говорить нет никакого желания.

Апофеозом кризиса в обществе можно считать ситуацию, сложившуюся в преддверии Петербургского экономического форума, на котором ожидалось революционное выступление премьер- министра, должного заявить нечто сногсшибательное. О том, что подобное готовится, свидетельствовали выступления и заявления либеральных реформаторов. Так, Г. Греф заявил, что по итогам проведённого в интернете его аналитиками голосования, в национальные проекты не верят 78% представителей российской политической и бизнес-элиты. В том же духе выступила и Э. Набиуллина, заявившая, что национальные проекты невозможно реализовать, так как на них нет времени. А. Кудрин выступил в том же духе, заявив об отсутствии ресурсов для реализации национальных проектов. Но вишенку на торт либеральных реформаторов добавил А. Шохин, сравнивший путинскую Россию с горбачевским СССР.

Вроде все правильно, но где все это время они были? Почему ставили палки в колёса начинаниям президента, выполняя роль пятой колонны?

Вышеупомянутая фронда рассчитывала, видимо, на эпохальное выступление Д. Медведева в том же духе. Но произошёл банальный облом, так как до Форума премьер не доехал, а выступление на нем В. Путина требует более подробного освещения и анализа. Но лучше процитировать известного экономиста М. Хазина: «То, что сказал президент, с точки зрения либералов- организаторов этого мероприятия, не лезет ни в какие ворота. Это было видно по их рожам и комментариям. И, наконец, по реакции товарища Си». «Выступление Путина на форуме тянет на революцию. Причём мировую» [25].

Суть выступления президента заключалась в констатации факта краха Бреттон-Вудской системы, основой которой является всемирная «долларизация», в которую входят МВФ, Всемирный банк, ВТО и другие подобные авторитеты. Как считает М. Хазин, Путин поступил мудро, не вступив в дискуссию с либералами. Это революция. Вся мировая пресса должна была раструбить об этом, что явно не понравилось бы как нашим так и не нашим. Поэтому следовало

каким-то образом выйти из этой непростой ситуации. И повод, способный отвлечь от проблемы, был найден. Все СМИ были заполнены суперинформацией об аресте Ивана Годунова [26].

Как считает спикер Совета Федерации В. Матвиенко, комментируя вышеупомянутое дело, «налицо провокация». Но у этой провокации писатель А. Проханов видит двойное дно. Произошла схватка двух силовых кланов. Один контролирует средства от наркоторговли, другой – банковские потоки. Но они бьются не только за свои интересы, а ещё и за доминанту в политической сфере.

Подтверждением этому служат все возрастающие миллиардные изъятия у силовиков, чиновников и банкиров. Будем надеяться, что после освобождения генералов от должностей проверка продолжится, и станет известно о роли среднего и низового звена, поддавшихся на провокации. Подобного могло не быть в случае, если бы работала правовая концепция, необходимость создания которой продемонстрировала ситуация вокруг упомянутого дела.

Следует отметить, что о необходимости принятия такой концепции свидетельствуют события последних ста лет, когда в особо трудные моменты государство принимало меры, в корне их менявшие. Подобное необходимо и сегодня, когда практически во всех сферах нашей жизни произошли значительные перемены, вызванные техническим прогрессом, открытиями, переустройством госуправления и прочими новациями. Особенно прорывные моменты наблюдаются в сферах, связанных с ВПК, которые вытягивают за собой отрасли народного хозяйства. Былые достижения в гуманитарных сферах, особенно в науке, образовании, и здравоохранении, после их переформатизирования по западным лекалам кроме как к деградации достигнутого не ведут. То, что происходит отток мозгов и «капитала», «мальчишей-плохишей» совершенно не беспокоит. Дедушка реформатора Гайдара, наверное, не перестает вертеться в гробу от деяний внучка и его буржуйской команды.

Но изменения в правовой отрасли происходят по несколько иным сценариям. Все зависит от того как выстроена взаимосвязь отраслей права с управленческими критериями, основанными на постулатах основного закона государства – Конституции. Если предыдущие Конституции России и СССР, отвечали требованиям времени и его госустройству, то последняя, написанная под диктовку американских «доброжелателей», с каждым годом порождает все больше и больше нестыковок происходящего между событиями в России и международной закулисой. Поступает множество предложений от различных заинтересованных источников, начиная от Председателя Конституционного Суда, региональных структур, специалистов в области госстроительства и просто граждан.

Наиболее чётко, с учётом накопленного опыта их сформулировал А. Бастрыкин, отметивший, что среди приоритетных мер, о которых может идти речь – необходимость совершенствования законодательства о возмещении ущерба, причинённого коррупционными преступлениями, и репатриации из-за рубежа капиталов, полученных в результате таких преступлений. Также необходимо ввести конфискацию имущества в качестве вида уголовного наказания как наиболее превентивную и ожидаемую в обществе меру. Добиться ощутимых результатов в этой области можно, установив уголовную ответственность юридических лиц.

Отдельно Председатель Следственного Комитета России предлагает остановиться на расширении возможностей института конфискации в качестве вида уголовного наказания как наиболее превентивной и ожидаемой обществом меры. При этом следует рассматривать возможность ее применения не только в отношении обвиняемого, но и имущества переданного таким лицом во владение третьих лиц, а также других благ, нажитых непосильным трудом, полученных от доходов в результате совершенного преступления. Кроме этого, в целях минимизации и ликвидации последствий коррупционной направленности, в результате которых причинен ущерб государству, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям нужно предусмотреть возможность введения нормы, обязывающей лицо, совершившее преступление, доказывать законность происхождения, владения и пользования имуществом и денежными средствами. В том числе и не связанными непосредственно с преступлением, по факту которого возбуждено уголовное дело. Целесообразно создать единые федеральные и региональные информационные базы данных о недвижимом имуществе, счётах

и вкладах, открытых в различных кредитных организациях, в целях обеспечения правоохранительной деятельности, в том числе и в целях своевременного установления имущественного положения подозреваемых (обвиняемых) и последующего возмещения причинённого коррупционными преступлениями ущерба.

Криминогенная обстановка в государстве всегда напрямую зависит от способности государства противодействовать ей. И в отечественной истории такие моменты были, когда за короткое время в результате энергических и решительных мер ситуация с преступностью коренным образом менялась в сторону нормализации. Так было с ВЧК, которая в особо трудное время для государства за короткое время ликвидировала спекуляцию, саботаж и детскую безнадзорность [16; 22].

Демонизировали ВЧК в лихие 90-е демократы, навешивавшие без зазрения совести на них того чего и не было. Чекисты же, выполнив возложенные на них функции, были реструктуризированы в более востребованное ведомство. То же самое произошло и со СМЕРШем, необходимость в котором возникла в трудный для страны 1943 год, когда остро стоял вопрос «кто кого?». Структура и организационная подчинённость тоже позволили смершевцам за короткое время разобраться в ситуации. После этого они, как и ВЧК, были реорганизованы.

В советское время подобные меры по противодействию преступности частично были проведены с принятием Основ уголовно-процессуального законодательства и реформой МВД, проведённой Н.А. Щелоковым, когда значительно возросло число высших и средних учебных заведений, что привело к увеличению числа юристов-профессионалов и закономерно к снижению криминогенной напряжённости [8; 10; 17; 20, стр. 462-466].

Время современной России ознаменовано чередой специально подготовленных и продуманных вредительских мероприятий. Вначале демократы постарались избавиться от профессионалов в силовых, особенно оперативных подразделениях, с чем, надо признать успешно справились, понимая, что оперативники многое знали о них. Затем начался шабаш по узакониванию всего и всех. Приняты новые уголовный, процессуальный, административный, трудовой, земельный и другие кодексы, законы о силовиках и прочее, о практической «пользе» которых говорят сотни поправок по каждому из них. Складывается впечатление, что подобное законотворчество проводилось не в целях создания правового единства, а наоборот, для создания правовой неразберихи, что сейчас и имеем.

Были и попытки исправить ситуацию. Сначала С. Степашин постарался нарушить монополию МВД, убрав в Минюст систему исполнения наказания. Больше не успел, хотя задумки были грандиозные. Затем, что бы привести в нормальное правовое русло беспредел суверенитетов, В. Путиным была создана вертикаль власти и полномочные представительства при нем. Но ни одно, ни другое начинание не было доведено до конца, потому как младореформаторам это не нужно. Только на упомянутом экономическом форуме появилась возможность что-то изменить.

Но до этого светлым пятном является создание Следственного Комитета России, полезность и своевременность которого подтверждается временем. Нет необходимости говорить о пути следственных подразделений начиная с 1917 года, да и ранее, начиная с петровских времен. Это достаточно заслуженная история [1; 2; 3; 14; 23; 24]. Но мы сейчас говорим о разработке принципиально нового подхода к правовой политике государства и созданию возможно новой системы структур по противодействию преступности. Это в какой-то степени дискуссионный вопрос, но для реализации его имеются весомые предпосылки.

Во-первых, необходимо использовать опыт ВЧК и СМЕРШа, но с учётом имеющихся реалий. Во-вторых, базой для этого следует использовать накопленные за последние годы опыт и наработки Следственного Комитета, так как он не входит не только в структуру какого-либо ведомства, но и в какую-либо из ветвей государственной власти страны. Немаловажным является и тот факт, что, согласно исследованиям ВЦИОМа, Следственный комитет России среди правоохранительных ведомств имеет самый высокий уровень доверия граждан Российской Федерации, особенно в сфере борьбы с коррупционными проявлениями [9; 15].

В-третьих, намерение Следственного Комитета стать субъектом закона «Об оперативно-розыскной деятельности» не беспочвенно, так как триада – розыск, дознание, следствие – имеет исторические предпосылки [11; 12; 13; 19]. Так,

2 апреля 1920 года коллегия НКВД РСФСР приняла решение об объединении органов следствия с уголовным розыском. В соответствии с данным решением 15 июня 1920 года уголовный розыск был объединён с органами следствия, находившимися в ведении наркомата юстиции, и переименован в Петроградскую следственно-розыскную милицию, которая была подчинена непосредственно начальнику губернского управления милиции. В тоже время проводилась активная работа по сокращению разросшегося в первые годы Советской власти управленческого аппарата в губерниях [4].

Весь прежний положительный опыт необходимо трансформировать в нынешней реальности с учётом чрезмерной актуальности и отсутствия времени на раскачку. Исходя из проведённого анализа и информации целесообразно проработать и дать предложения по созданию комиссии из разнопрофильных специалистов для:

- внесения изменений в действующую Конституцию, где предусмотреть новации в госстроительстве и месте президентской администрации в ней, верховенству отечественного законодательства, собственности на недра и другие наболевшие вопросы;
- разработки основ законодательства по всем отраслям права для совершенствования правоприменительной практики с учётом имеющихся наработок и предложений;
- выработки предложения по созданию структуры типа ВЧКа и СМЕРШа исходя из современных реалий, взяв за основу опыт и практику полпредств с подчинением ее напрямую президенту;
- предоставления Следственному Комитету России функций субъекта закона «Об оперативно-розыскной деятельности» для повышения эффективности получения доказательной базы и создания ведомственной службы собственной безопасности;
- выработки системы мер по взаимодействию реорганизованных оперативных и следственных подразделений, для чего разработать необходимое правовое обеспечение;
- внесения предложений по оптимизации численности силовых структур и ведомственных учебных заведений, минимально сократив разрыв между профильными и не профильными активами, особенно среди начальствующего состава;
- ввести во всех высших учебных заведениях, готовящих юристов, в том числе и ведомственных, общий курс оперативно-розыскной деятельности.

Финансирование необходимых исследований, разработок и реорганизаций, проводить за счёт подлежащих реструктуризации ведомств.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И. Гражданская позиция: Сборник выступлений и статей. – М.: б.и., 2014. – 348 с.
2. Бастрыкин А.И. Разговор напрямую (интервью Председателя СК РФ 2018-2019). – М.: б.и., 2019. – 124 с.
3. Бастрыкин А.И. Следствие и уголовный розыск в годы Великой Отечественной войны: Лекция. – СПб., 2019. – 31 с.
4. Гутман М.Ю. Владимир Александрович Кишкин – начальник уголовного розыска Петрограда // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С 39-50.
5. Егоршин В.М. Кубик Рубика правовой системы России // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 35-46.
6. Егоршин В.М. О науке и образовании // Мир политики и социологии. – 2017. – № 9-10. – С. 91-114.
7. Егоршин В.М. Память: история, мораль, справедливость // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 68-79.
8. Егоршин В.М. Полиция – Милиция – Полиция (общее состояние и оперативно-розыскной аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 167-187.
9. Егоршин В.М. Современная коррупция и противодействие ей: несбыточные нравственно-экономические размышления (хронология крайних лет) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 58-99.
10. Егоршин В.М. Уголовный розыск: он требует своей реорганизации // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 71-79.

11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
12. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
13. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
14. История следствия в России: Монография. / Под общ. ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 280 с.
15. Козлова Н. Судят по делам // Российская газета. – 2017. – № 279. – С 2-5.
16. Красная книга ВЧК. 2 е изд. В 2-х т. – М.: Политиздат; 1989. – Т. 1. – 416 с.; Т. 2. – 541 с.
17. Кредов С.А. Щелоков. – М.: Молодая Гвардия, 2011. – 320 с.
18. Крылов А. И., Бастрыкин, А. И. Розыск, дознание следствие. – М.: Экзамен, 2014. – 255 с.
19. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – СПб.: Арт-Экспресс, 2017. – 266 с.
20. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
21. Полное собрание законов Мерфи. – Минск: Попурри. 2014. – 368 с.
22. Рассказов Л.П. ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества, 1917 – 1941 гг.: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1995. - 587 с.
23. Серов Д.О., Федоров А.В. Дела и судьбы следователей Петра I: Научное издание. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2019. – 432 с.
24. Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. – М.: Юрист, 2015. – 318 с.
25. https://narodsobor.ru/2019/06/10/mihail-hazin-vyskazyvaniya-putina-tyanut-na-mirovuyu-revolyucziyu/
26. https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Ивана_Голунова

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

БОБРОВА Наталья Алексеевна,
профессор кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Тольятти. Россия)
E-mail: bobrovana@mail.ru

Специальности 12.00.01 – Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве; 12.00.02 – конституционное и муниципальное право, конституционный процесс

ИТОГИ ДИСКУССИИ О БУДУЩЕМ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОСТОЯВШЕЙСЯ В СВЯЗИ С ЕЕ 25-ЛЕТНИМ ЮБИЛЕЕМ

Аннотация. *Анализируются некоторые недостатки Конституции РФ, в том числе отмеченные в резонансной статье председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина «Буква и дух Конституции». Анализируются публикации-отклики на данную статью и, в частности, различное толкование тезиса о необходимости точечных реформ Конституции: одни авторы отрицают любые реформы, другие прогнозируют возможные реформы, объясняют их причины, обозначают их характер и условия осуществления, главным из которых, в конечном счете, будет воля Президента РФ В.В. Путина. В связи с дискуссией о реформе Конституции затрагивается и будущность Конституционного Суда РФ.*

Критикуется примитивность априорного отрицания всяких реформ Конституции, когда вместо научного анализа происходит подмена тезисов и всякий ученый, выступающий за реформирование конституции, обвиняется в отрицании ее ценности как этического акта.

Ключевые слова: *реформа конституции; дискуссия; ценность конституции; подмена тезисов; Конституционный Суд РФ; форма правления; местное самоуправление.*

BOBROVA N.A.

THE OUTCOME OF THE DISCUSSIONS AND FUTURE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION, HELD IN CONJUNCTION WITH ITS 25-YEAR ANNIVERSARY

The summary. *Examines some of the shortcomings of the Constitution of the RF, including marked resonance article of the President of the Constitutional Court of the RF V.D. Zorkin «The letter and spirit of the Constitution». The publication analyses the responses to this article and, in particular, different interpretations of the notion of the need to reform the Constitution point: Some authors deny any reform, others predict possible reforms, explain the reasons for them, indicate the nature and modalities of the, the most important of which, ultimately, will be the President of*

the Russian Federation V. V. Putin. In connection with the debate on the reform of the Constitution addresses and the future of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The article criticizes the primitiveness of the a priori denial of any reform of the Constitution, When the substitution occurs instead of the scientific analysis of the abstracts and every scientist, He reform of the Constitution, accused of denying its value as an ethical Act.

Key words: *реформа конституции; discussion; the value of Constitution; substitution of abstracts; The Constitutional Court Of The Russian Federation; form of Government; local self-government.*

В преддверии 25-летнего юбилея Конституции РФ было опубликовано множество статей, посвящённых действующей российской конституции, в том числе активизировались споры о необходимости и возможности, допустимости и недопустимости её реформирования.

Особенно резонансной явилась статья В.Д. Зорькина «Буква и дух Конституции», опубликованная 9 октября 2018 года в «Российской газете» [22]. Сразу же появилось множество версий и интерпретаций тезисов, прозвучавших в статье председателя Конституционного Суда РФ (далее – КС). Зачастую интерпретации этой статьи были прямо противоположными, поскольку, как выяснилось, в ней тоже есть свои «буква и дух», свои противоречия между статусом ученого, который не может не признавать имеющихся в Конституции РФ недостатков, а с другой стороны – статусом государственного лица, замещающего высокую государственную должность, призванную защищать Конституцию, ювелирно проявляя при этом лояльность власти в случае сомнительных, с конституционной точки зрения, законодательных реформ (признание конституционности троекратного представления Госдуме РФ одной и той же кандидатуры на должность председателя Правительства, переноса даты выборов Госдумы РФ с декабря на сентябрь 2016 года, реформы местного самоуправления-2014, дезавуировавшей ст.12 и ст.131 Конституции РФ, пенсионной реформы и др.).

Обозреватель «АиФ» Вячеслав Костиков даже предположил, что «Зорькин проснулся потому, что лично он уже не может молчать (…) и заговорил потому, что просыпается улица и её слышно даже в коридорах (…) КС» [26]. Обозреватель приводит удручающие цифры обнищания населения, говорит о падении рейтинга «Единой России» («ЕР»), что показали выборы, прошедшие в сентябре 2018 года, а в конце сделана редакционная приписка: мнение автора может не совпадать с мнением редакции.

Другие же авторы увидели в статье В.Д. Зорькина совсем другие «буквы и дух», то бишь провозглашённые тезисы и побудительные мотивы, полагая, что судья с годовым доходом 13 млн. руб. [14] вряд ли будет писать научную статью исключительно из соображений «в пользу бедных» и что главное в его статье – обоснование необходимости «точечных» конституционных реформ во имя самосохранения персонифицированной власти, причем предполагаемые реформы у разных интерпретаторов тезисов председателя КС мыслятся по-разному.

Наконец, есть авторы, усмотревшие в авторитетной статье как раз противоположное – тезис о недопустимости любой конституционной реформы.

Думается, что основной пафос статьи В.Д. Зорькина посвящён именно вопросу и допустимости или недопустимости конституционных реформ, а главный вопрос – каких именно реформ. Ведь в Конституцию РФ с 2010 года вносятся значимые поправки, разработанные в Администрации Президента РФ и в молниеносном темпе принимаемые Госдумой, но реформами эти поправки не называют, хотя среди них есть весьма весомые: увеличение срока полномочий Президента РФ в полтора раза и Госдумы с 4 до 5 лет, введение института ежегодного отчёта Правительства перед Госдумой, изменение наименования главы 7 и порядка назначения заместителей Генерального прокурора РФ. До 2014 года замы Генпрокурора назначались им самим, теперь – Советом Федерации

по представлению Президента РФ (очередное усиление полномочий Президента, а точнее, его Администрации, полномочия которой законодательно до сих пор не урегулированы и которая, по сути, «правит» наравне с Правительством, обеспечивая «ручное управление» Президента РФ).

В некоторых публикациях тезис В.Д. Зорькина о назревших «точечных» реформах даже не заметили, сделав акцент на тезисе о недопустимости кардинальной конституционной реформы. Встречаются такие публикации о недопустимости реформы российской конституции, которые написаны по образцу логического умозаключения на известный вопрос-ловушку: «Ты больше не будешь пить коньяк по утрам?». Даже абсолютный трезвенник, ответивший на данный вопрос буквально, всё равно как бы признаёт, что он пьёт коньяк, по крайней мере, в другое время суток.

Очень похоже, когда ученых, анализирующих недостатки Конституции выступающих за ее реформу, начинают обвинять, аналогично этой логической ловушке, в том, что они отрицают нравственные начала действующей конституции, её этическую и вообще общественно-гуманистическую ценность, её стабилизирующую функцию и, следовательно, желают дестабилизации конституционного строя, т.е. зла собственной стране.

Именно по этим лекалам И.Е. Лабушкина и С.Р. Решетняк написали статью [28], поверхность и изначальную заданность которой не спасают ни нагромождение наукообразных фраз, ни многочисленные ссылки на авторитетных ученых (В.Д. Зорькина, В.И. Крусса, В.И. Левакина, О.Г. Румянцева), причем в отрыве от контекста. В доказательство ценности Конституции И.Е. Лабушкина и С.Р. Решетняк ссылаются также на публикации из сборника студенческих работ, учебное пособие [7] и даже интернет-ресурс [1; 39], в том числе анонимный [38].

Они априори посвятили свою статью обоснованию «отсутствия необходимости коренного пересмотра положений конституции или же принятия новой в силу изначальной фундаментальной ценностной значимости Конституции как учредительного акта» [28, стр.108]. Одна лишь эта фраза из аннотации, предваряющей статью, выдаёт авторов с головой. Получается, что они посвятили научную статью не обоснованию того, что Конституция РФ не нуждается в реформировании, а обоснованию того, что Конституция обладает фундаментальной ценностной значимостью. Но разве значимость конституции кто-либо оспаривает? Вряд ли существуют работы, в которых бы оспаривалась ценность конституции. Даже те ученые, которые ее критикуют или выступают за её реформирование и совершенствование, делают это исключительно потому, что осознают как её ценность, так и высокую «цену» её несовершенств.

Иными словами, и авторы, отрицающие необходимость реформирования конституции, и авторы, доказывающие эту необходимость, в равной мере признают ценность конституции. Поэтому обоснование недопустимости реформы конституции посредством обоснования её ценности является не доказательством, а антинаучным приёмом, именуемым подменой тезисов.

И.Е. Лабушкина и С.Р. Решетняк отвергают конституционные реформы «в силу изначальной фундаментальной ценностной значимости Конституции» [28, стр.108]. Оставив в стороне тавтологию слов «ценность» и «значимость», равно как и многочисленные грамматические и стилистические ошибки этой коллективной статьи, попытаемся лишь найти в ней доказательства того, что Конституция ни в каком реформировании не нуждается.

Однако искомые доказательства в статье начисто отсутствуют. Авторы не проанализировали ни одного конкретного недостатка конституции и ни одного предложения ученых с формулировками «исключить» (например, ч.2 ст.13 Конституции), «дополнить полномочия» (например, предоставить Генеральному прокурору РФ право законодательной инициативы), «изложить в новой редакции» (например, ст.12 Конституции РФ) и т.д. Некоторым авторам скучно заниматься рутинным анализам несовершенств Конституции на фоне её изначальной ценности.

Аргументация статьи И.Е. Лабушкиной и С.Р. Решетняк построена, как на «гвозде программы», на одном лишь высказывании В.Д. Зорькина: «Представления же о том, что путём радикальной конституционной реформы можно развернуть ход событий в каком-то более правильном направлении, – не просто поверхностны и недальновидны, но и опасны, поскольку

чреваты резкой социально-политической дестабилизацией. Разговоры о том, что можно изменить структуру жизни с помощью одних лишь юридических решений – это наивный идеализм, если не что-то худшее» [22].

Между тем, именно в этой статье В.Д. Зорькин обосновывает необходимость «точечных» реформ, тем более что практически точечные изменения уже происходят, а разномасштабных поправок в Конституцию РФ начитывается уже более дюжины. Учитывая то обстоятельство, что первоначально В.Д. Зорькин (как, впрочем, и все конституционные судьи, хотя бы в силу своего статуса) был сторонником моратория на изменения конституции, то его метаморфоза в сторону признания «точечных» конституционных реформ, уже является симптоматичной. Именно эта метаморфоза и тезис о необходимости точечной реформы Конституции РФ была причиной того, что статья председателя КС вызвала обсуждение в обществе, а разговоры о реформе, предполагаемой под окончание президентских полномочий В.В. Путин, были настолько резонансными, что Кремль счел нужным отмежеваться: это-де личная точка зрения В.Д. Зорькина.

С.М. Шахрай также заявил, что определение «точечные» сути не меняет и что он, как один из авторов этой Конституции, против её реформирования в принципе. По мнению Сергея Михайловича, «Валерий Дмитриевич, правильно поставив диагноз, дает неверный рецепт» [45].

Отдельные СМИ усмотрели в статье В.Д. Зорькина своеобразный месседж, посылаемый им Администрации Президента, которая, насколько можно судить по некоторым моментам, всё-таки не исключает возможности реформирования Конституции РФ к концу срока легислатуры В.В. Путина и даже разрабатывает возможные варианты такого реформирования.

В.Д. Зорькин признаёт перекос действующей Конституции РФ в сторону исполнительной власти, слабые полномочия парламента, отсутствие баланса компетенции между Администрацией Президента и Правительством.

Ученые-конституционалисты неоднократно подчёркивали недостатки действующей Конституции РФ, равно как и необходимость её реформирования [3; 6; 2; 10; 12; 13; 15; 17; 19; 20; 23; 25; 27; 29; 31; 33; 34; 36; 37; 41].

В.Д. Зорькин, будучи ученым, не может не видеть недостатков действующей Конституции РФ, попутно как бы признавая правоту этих ученых, неопровержимость доводов которых трудно отрицать. Но для В.Д. Зорькина, прекрасно чувствующего себя в двух ипостасях, научной и должностной, все-таки должностное кресло, как усмотрели СМИ, всё же гораздо важнее: он как бы посылает сигнал властям, что КС является наиболее эффективным и апробированным инструментом, позволяющим маневрировать среди несовершенств законодательства и конституционных норм без изменения текста Конституции, поскольку КС – оптимальный интерпретатор Конституции, не раз доказавший свою лояльность власти во имя стабильности конституционного строя. В.Д. Зорькин в каком-то смысле предостерегает власть от изменения «структуры жизни», в том числе, возможно, изменения судьбы КС.

Ходят слухи, что КС в результате конституционной реформы исчезнет, и тогда очевидна оговорка по Фрейду: изменение структуры власти означает для судей КС изменение «структуры жизни». Причем разговоры о возможном реформировании КС не беспочвенны:

1) в КС уже несколько лет пустуют три вакантных места, хотя, по действующему законодательству, в случае вакансии Президент РФ вносит кандидатуру судьи КС в течение двух месяцев;
2) к окончанию легислатуры В.В. Путина появится ещё несколько вакантных мест по причине достижения некоторыми судьями предельного 70-летнего возраста, и, таким образом, КС плавно подходит к планке в 2/3 своего состава, ниже которой КС утрачивает полномочия;
3) в 2018 году срок полномочий заместителей КС увеличен с 70 до 76 лет, причём один из заместителей КС достигает 75-летнего возраста в январе 2024 года, а срок полномочий В.В. Путина заканчивается в день вступления в должность вновь избранного президента, то есть в мае 2024 г. (вот отсюда и взялись 76 лет).

Впрочем, последнее обстоятельство может свидетельствовать и в пользу того, что вакантные места сознательно придерживаются под нового Президента, который вступит в должность в 2024 году; для этой же цели не открываются новые вакансии (с помощью увеличения срока полномочий заместителей председателя КС и

пожизненного статуса председателя КС, которому на момент окончания полномочий В.В. Путина исполнится 84 года).

При этом манипуляции со сроком полномочий председателя КС, которому подарен пожизненный статус, и его заместителей, срок полномочий которых чудодейственным способом увеличен до «непонятного» (некруглого) возраста в 76 лет, прошли как-то незаметно для общественности. Кстати, в одном из своих более ранних публичных выступлений В.Д. Зорькин критиковал Госдуму за кулуарность принятия некоторых законов, в обход общественности. Очевидная кулуарность ФКЗ, с помощью которых изменялся временной статус председателя КС и его заместителей, почему-то председателя КС не смутила. А ведь, по большому счету, нарушен конституционный принцип равенства конституционных судей, причем сами конституционные судьи нарушения этого принципа предпочли «не заметить». Точно так же не заметит общественность и исчезновения с политической карты самого КС, если его функции либо передадут Верховному Суду, как в США, либо КС преобразуют в Конституционный Совет, как в Казахстане.

Вот В.Д. Зорькин и посылает сигнал власти: кардинально Конституцию не надо трогать, ведь у КС есть резервы маневрировать конституционным строем и действующим законодательством без изменения текста Конституции. Действительно, ликвидация КС, равно как изменение российской формы правления, и в самом деле относятся уже не к «точечным», а радикальным изменениям конституции.

Радикальные изменения – это те, которые затрагивают механизм власти, ибо именно механизм власти является её сущностью, а декоративные статьи о правах человека и гражданина никто и не собирается реформировать, равно как исключать из текста конституции принципы, содержащиеся в главе первой Конституции РФ. Этот демократический декор никому не мешает, разве что за исключением ст.12 Конституции РФ, провозгласившей независимость и самостоятельность местного самоуправления, которая уже «исправлена» в режиме текущего законодательства, а КС не увидел в этом «исправлении» противоречия Конституции.

По мнению С.М. Шахрая, который вместе с С.С. Алексеевым является творцом именно властного инструментария, «творческий потенциал российской Конституции не исчерпан». С.М. Шахрай подчеркивает важную роль КС в разрешении возможных коллизий между органами власти и в толковании Конституции. Он называет КС «ангелом-хранителем российской Конституции» [45].

В СМИ фигурируют самые разные варианты реформирования власти под будущее В.В. Путина после 2024 года, требующие отдельного исследования, причем некоторые из вариантов попадают в СМИ то ли случайно, то ли в виде преднамеренной утечки информации из Администрации Президента, обкатываясь в качестве пробного камня. Свою роль играют также и логические умозаключения ученых на основе сопоставления разных фактов и научного прогноза развития событий вплоть до образования федеративного Союза Беларуси и России и избрания союзного президента. Цитируем еженедельник «Версия»: «Поговаривают, что Кадырова в дорогу снарядили в Кремле. Как сообщают в Минэкономразвития России, Белоруссия на 90% готова к объединению в Союзное государство, а Лукашенко отчего-то медлит. Вот Кадырова и могли попросить сдвинуть процесс мёртвой точки» [44]. Скорее всего, в случае создания объединённого (Беларуси и России) Союзного государства (а встреча двух президентов на Соловецких островах в июне 2019 г. имеет, несомненно, судьбоносный характер), будет создан Конституционный Суд Союзного государства.

Естественно, определённой информацией обладает и председатель КС, иначе зачем было писать очередную статью о будущем конституции. Его должностная незаинтересованность в радикальной конституционной реформе понятна и так. Однако он всё-таки пишет эту статью, и не только потому, что, по выражению С.М. Шахрая, «Валерия Дмитриевича распирают идеи» [45]. В.Д. Зорькин предостерегает: мол, тронете действующую структуру власти (а именно в структуре власти состоит сущность любой Конституции), то это будет проявлением «наивного идеализма, если не чего-то худшего» [22].

Ясно, что предостережение адресовано Администрации Президента, где и куётся государственная политика, начиная от изменений избирательного законодательства и заканчивая изменениями в Конституцию. Заподозрить «в чём-то худшем» ученых-конституционалистов,

которые желают своей стране только блага, в том числе критикуя конституцию, порядочный человек вряд ли может.

И всё-таки многим ученым-конституционалистам постоянно приходится как бы оправдываться, что они «не пьют коньяк по утрам», отбиваясь от обвинений в желании дестабилизировать обстановку в стране и т.д. При этом приверженцы исключительно апологетической функции науки конституционного права отрицают её не менее значимую критическую функцию, на которой наука, собственно, и держится [11].

Судя по всему, то, что подразумевается под радикальными реформами и является «нечто более худшим» для власти и олигархов, – это национализация награбленного в 90-е годы на основании ельцинских указов, что с успехом легализовала Конституция РФ, которая провозгласила частную собственность не только на имущество (на радость «владельцев заводов, газет, пароходов»), но и на природные ресурсы (ч.2 ст.9 Конституции РФ). Задумайтесь только – природные ресурсы! Участники «Воскресного вечера с Соловьёвым» 16.06.2019 г. чуть не подрались, отвечая на вопрос Вл. Соловьёва о том, кто был автором конституционной нормы, допустившей частную собственности на нефть, газ, алмазы, леса и водоёмы. Одни участники аргументированно доказывали несправедливость и безнравственность этой конституционной нормы, её противоречие первой части той же статьи, где говорится о том, что природные ресурсы являются основой жизнедеятельности народов, а другие, как, например, Сергей Станкевич, открещивались от авторства. Но коль скоро С.М. Шахрай везде подчёркивает своё и С.С. Алексеева авторство, то далеко ходить не приходится. Андрей Угланов неоднократно, на цифрах, доказывал на страницах возглавляемой им газеты, что леса горят, в том числе и потому, что в 2006 г. принят преступный Лесной кодекс, позволивший передавать в частную собственность лесные угодья и одним махом ликвидировать всю систему охраны лесов, оставив без работы 170 тыс. лесников вместе с их семьями, назвал и фамилии людей, инициировавших и протащивших этот кодекс через бездумных парламентариев в Думе и Совете Федерации, которые не хотели слушать криком кричавших специалистов.

Проект конституции опубликован 10 ноября 1993 года и уже через месяц, без всяких поправок и обсуждения, вынесен на псевдореферендум под названием «всенародное голосование». Но и по такой облегченной процедуре, отличной от требований действовавшего на тот момент Закона «О референдуме», голосование во многих регионах не состоялось. Некоторые утверждают, что не состоялось и в целом по России, но избирательные бюллетени уничтожены, чтобы этого нельзя было доказать. О том, как принималась наша конституция, написано подробно [4; 5, стр.122-192; 10, стр.176-210; 15; 32; 33; 34], так что на ней навсегда останется «родимое пятно», устранить которое не под силу никаким повитухам и мифотворцам.

Другое дело, что иной конституции у нас нет, и мы обязаны её уважать, отстаивать и защищать. Как образно выразилась Е.А. Лукьянова, «мы приняли эти правила игры. По многим причинам» [33, стр.160]. Другой конституции у нас нет.

Иными словами, мы, ученые, с одной стороны, безоговорочно уважаем российскую Конституцию и отдаём ей должное в том, что она жёстким способом (а вовсе не в результате общественного согласия, как признаёт и сам С.М. Шахрай) предотвратила гражданскую войну, закрепив сверхжесткую президентскую власть «под Ельцина», под любого президента. Но с другой стороны, настоящие ученые, если они, конечно, не «дипломированные лакеи власти» (выражение Ф. Энгельса), не могут не знать довольно циничной истории ее принятия и не могут считать ее эталоном нравственности, как преподносят её некоторые авторы, полагая, что любые попытки критического анализа Основного закона являются проявлением нездорового правопонимания [28]. Некоторым авторам, открывающим велосипед в исследовании нравственных начал Основного закона, следовало бы, как минимум, ознакомиться с научными трудами на тему философии и нравственности права [18; 24; 43].

А теперь обратимся к самому авторитетному анализу статьи В.Д. Зорькина, прозвучавшему на следующий же день из уст С.М. Шахрая: «Я выделил два момента. Первый, который я поддерживаю, что конституцию нельзя менять в моменты кризиса. (…) Когда страна находится в кризисе, экономическом или политическом, категорически нельзя трогать текст конституции. Мы в 1992 и 1993 годах на своей

шкуре это испытали. Тогда в Конституцию было внесено 400 с лишним поправок, поправки стали формой политической борьбы, и все закончилось эпизодом гражданской войны. И еще одно, с чем надо согласиться – творческий потенциал этой конституции не в полной мере использован» [45].

Анализируя эту часть высказываний С.М. Шахрая, следует отметить два момента.

Первый момент. Поправки в Конституцию СССР и Конституции РСФСР принимались, начиная с 1988 года, вовсе не в момент кризиса. Всё было наоборот: именно эти поправки, менявшие не только механизм власти, но и саму социально-экономическую формацию, а также ст.5 Декларации о суверенитете РСФСР (о верховенстве Конституции РСФСР и законов РСФСР над Конституцией и законами СССР) и последующее избрание Президентом России Б.Н. Ельцина, привели к кризису 1992-1993 годов и «эпизоду гражданской войны», о котором постоянно говорит Сергей Михайлович. В логике С.М. Шахрая нарушены социальные причинно-следственные связи [8].

Более того, Конституция РФ принята на пике кризиса, в момент полной деморализации общества и политического анабиоза, последовавшего за всеми «перестроечными» событиями и расстрелом Дома Советов. Деморализованное, идеологически разоруженное и атомизированное общество с расстрелянным парламентом можно было брать голыми руками. Конституция закрепила то соотношение сил, которое сложилось на момент её принятия, и победившая сила диктовала правила игры. В принципе, все конституции пишутся победителями для закрепления итогов своей победы.

Конституция не способствовала и не могла способствовать пересмотру незаконных (указных!) и несправедливых актов приватизации, прекращению беспрецедентного социального расслоения и криминализации общества, хотя ученые предлагали судебные алгоритмы деприватизации [34]. Наоборот, Конституция легализовала изменение всех прежних социальных ценностей и нравственных ориентиров, ведь частная собственность в ч.2 ст.8 Конституции поставлена впереди государственной, муниципальной и иных форм собственности. Это, как говорится, зримый идеологический посыл, а формулировка о равном признании и защите всех форм собственности идеологической окраски не меняет.

Таким образом, С.М. Шахрай, говоря о том, что изменение конституции в условиях кризиса может привести к гражданской войне, видоизменяет причинно-следственные связи, подменяет причину и следствие, умалчивая то обстоятельство, что никакого кризиса к моменту прихода к власти М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина не было и что кризис был вызван рукотворно названными политиками и их юристами, приложившими свою руку к оформлению вносимых в Конституцию СССР и Конституцию РСФСР поправок, которые и были перманентной парламентской революцией, а по сути, советской контрреволюцией и разрушением единого правового пространства СССР.

Второй момент. С.М. Шахрай вольно или невольно признаёт, что в настоящее время в России кризис. Но в социально-экономическом смысле Россия уже три десятилетия в кризисе. В каком-то смысле Россия в вечном кризисе, если иметь в виду внешних «партнёров». Но если имеется в виду конкретный нынешний отрезок времени, то, позвольте, получается, что к кризису страну привел действующий Президент? Или имеется в виду кризис в смысле западных антироссийских санкций? Тогда тем более нам не нужна нормы о приоритете международного права и недопустимости государственной идеологии. Принцип приоритета международного права над суверенным правом страны впервые записан в конституциях стран, потерпевших поражение во Второй мировой войне (Германия, Италия, Япония). И вот – Россия. Что же касается запрета на государственную идеологию, явившегося проявлением «конституционных страхов», то государственная идеология была. есть и будет. Просто она персонифицирована под конкретного президента: при Ельцине появились термины «красно-коричневые», «красный фашизм», «совки» и клеймилось само слово «патриотизм». Путин вернул красный флаг Победы, гимн Александрова, назвал крушение Советского Союза величайшей геополитической катастрофой, а патриотизм – национальной идеей. Идеологию в Конституцию записывать не надо (система её принципов и есть идеология), но отрицать само наличие государственной идеологии абсурдно.

Вернёмся к тому, как статью В.Д. Зорькина анализирует С.М. Шахрай: «Дальше начинается вторая часть, в которой Валерий

Дмитриевич пишет о необходимости «точечных поправок» (…). И приводит известные блоки: баланс между президентом и правительством, исполнительной и законодательной властью, между центром и регионами, и также между Администрацией Президента и Правительством. Диагноз правильный. По этим линиям существует напряжение, и оно всегда будет существовать. Это политический процесс, процесс борьбы. Но предлагаемые варианты решения неправильные. Он предлагает поправки к конституции. Рецепт неправильный даже с прилагательным «точечные». Мы с С.С. Алексеевым заложили в тексте конституции политические инструменты саморазвития, совершенствования, настройки балансов. Например, о правительстве принят специальный конституционный закон. Статус Администрации Президента можно также урегулировать законом. С одной стороны, этот статус будет подкреплен, а с другой – ограничен» [45].

С данным высказыванием Сергея Михайловича мы полностью согласны, но почему-то думается, что такой закон будет принят не ранее чем к окончанию полномочий В.В. Путина, да и то лишь в том случае, если будет установлена парламентская форма правления, а В.В. Путин станет премьер-министром, не зависимым от Президента РФ, который, в свою очередь превратится в номинальную политическую фигуру, как во всех парламентских странах. В случае же, если В.В. Путин подберёт своего преемника по своему образу и подобию и возглавит лишь Госсовет (кстати, являющийся внеконституционным органом, ибо в действующей Конституции РФ его нет), то никакой надобности в ограничении полномочий Администрации и, следовательно, в принятии закона о ней, не появится.

Цитируем С.М. Шахрая: «Глава КС считает, что нужны точечные поправки для урегулирования отношений центра и регионов. Вот тут уж точно не нужны поправки! Открываем статью 76 конституции, и там написано: по предметам ведения Российской Федерации и субъектов принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы. С помощью них и может происходить балансировка. Не надо принимать поправки к конституции, чтобы решить, кто регулирует вопросы ценообразования на семечки подсолнечника. И третий момент. Отношения парламента, законодательной и исполнительной власти. У всех общее место: полномочия парламента обрезаны. Но вопрос – в чем? Если в стране отсутствует многопартийная система (а у нас, пусть никто не обижается, многопартийной системы еще нет, и «Единая Россия» – это не партия, а политический механизм власти, и Компартия, и «Справедливая Россия», мы будем считать их протопартиями, клетками, из которых что-то когда-нибудь вырастет), когда нет партийной конкуренции и партийного контроля оппозиции за властью, отдавать полномочия парламенту – это хуже, чем пилить сук, на котором сидишь. Это то же самое, что выбрасывать власть в мусорную корзину. Давайте повышать полномочия парламента по мере создания многопартийной системы. Это аксиома» [45].

С этим тезисом не поспоришь! С.М. Шахрай всё объяснил образно и, как говорится, на пальцах. Только вот одно «но»: а что если В.В. Путину понадобится парламент именно как инструмент власти, который снова назначит его премьер-министром, который, в свою очередь, уже не будет довольствоваться подчинённой ролью, а захочет сам формировать свой кабинет, своё Правительство, для чего и понадобится реформа конституции в сторону классической парламентской республики.

При этом усиления полномочий парламента опять-таки не будет (в частности, по означенным С.М. Шахраем причинам), и перманентной парламентской революции, какая началась с I Съезда народных депутатов СССР и I Съезда народных депутатов РСФСР, не произойдёт. Парламент по-прежнему будет не законодательным, а законоутверждающим органом. Только одобрять он будет не законодательные инициативы, исходящие большей частью от президента, а законодательные инициативы будущего правительства парламентского большинства.

Существуют и другие прогнозы конституционного развития России на основе анализа статьи В.Д. Зорькина. По мнению Алексея Златкина, «тезис Зорькина о необходимости точечных изменений в Конституцию был озвучен сразу после прошедших выборов-2018 в контексте новых электоральных веяний и падения авторитета ЕР. И хотя результаты сами по себе не могли принести значимых изменений в структуру власти, но в перспективе они указывают на негативные тенденции. (…) Политический режим у нас персонифицирован. В этой связи возникают

предположения о возможности конституционного продления полномочий В.В. Путина (…). Я усматриваю в заявлении Зорькина два момента закрепления власти на момент ухода Путина. Во-первых, нечеткое разграничение полномочий между правительством и президентской администрацией, статус которой не определен (…) (…) учитывая туманную возможность амбиций преемника, встает вопрос о конфликте полномочий правительства и президента с его администрацией. Под перегибом исполнительной власти, видимо, понимается формирование ее президентом. Если передать полномочия по формированию правительства парламенту, то президентская власть сократится. Правительство, формируемое Госдумой, может возглавляться ставленником парламентского большинства (...) Сделать Путина главным лицом в государстве путем конституционных реформ вполне возможно. Вопрос – за парламентским большинством. И тут – второй момент – становится понятным выпад Зорькина в сторону региональных властей и местного самоуправления, одиозное по правовой сути заявление о том, что местное самоуправление есть нижний уровень единой публичной власти, что противоречит ст.12 Конституции РФ. (…) Оппозиционеры нередко добиваются успехов на муниципальных выборах, что и произошло на выбоах-2018 (…). Понятно рвение главного конституционного проектировщика власти задавить местные инициативы на корню (…). Заявление Зорькина буквально означает предложение упразднить у нас местное самоуправление, сделав его подконтрольным государственной власти и исключив для него возможность собственных инициатив, что (…) означает атаку на конституционный строй России» [21].

На примере нескольких публикаций в настоящей статье проанализирован широкий разброс взглядов на резонансную статью В.Д. Зорькина, посвящённую 25-летнему юбилею Конституции РФ. Справедливости ради следует сказать, что большинство конституционалистов, признавая те или иные недостатки конституции, придерживаются того мнения, что идеальных конституций не бывает и что реформа конституции не нужна. По мнению В.Д. Мазаева, «пересмотр Конституции России не имеет смысла, так как не сформулирован запрос на изменение парадигмы демократического рыночного развития» [35, стр.21].

В заключение хотелось бы сказать, что на вопрос быть или не быть конституционной реформе, в конечном счете, ответит Президент РФ. И если реформа всё-таки состоится, первыми обосновывать её необходимость, нравственность и справедливость бросятся именно те ученые, которые ныне отрицают необходимость реформы Конституции. Они всегда – первые ученики.

Список литературы

1. Абрамова О.К. Конституционные ценности как особая форма выражения права // URL: http://отрасли-права.рф/article/6668
2. Авакьян С.А. Десять причин для конституционных реформ в России // Независимая газета. – 2012. – 16 октября.
3. Авакьян С.А. Конституцию надо не поправлять, а менять // Российская Федерация сегодня. – 1999. – № 5.
4. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1997. - 512 с.
5. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. – М.: Российский Юридический Издательский Дом, 2000. – 388 с.
6. Авакьян С.А. Проблемы реформы Конституции // Российский конституционализм: проблемы и решения: Материалы международной конференции. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1999. – С. 74-78. – в кн. 247 с.
7. Артемов В.М. Нравственность и право: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2018. – 208 с.
8. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
9. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С. 33-38.
10. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: Монография. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 264 с.

11. Боброва Н.А. Критическая и апологетическая функции конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: Сб. материалов Международной научной конференции. – М.: РГ-Пресс. 2017. – С.44-47.
12. Боброва Н.А. О жёсткости и гибкости российской Конституции // «Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения». Сб. материалов Международной конференции / Отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ. 2015. – С. 38-41.
13. Боброва Н.А. Особенности российского конституционализма // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4. – С.26-31.
14. В 2017 г. декларированный годовой доход председателя КС – 12 945 659 руб., некоторых судей – ещё больше» (то в 22 раза больше, чем средняя зарплата профессора по стране) // URL: http:// tass.ru/Экономика и бизнес/5222794
15. Воронин Ю.М. Двадцать лет нелегитимной Конституции России // Конституционный вестник. – 2013. – № 3(21). – С. 62-66.
16. Глазкова Л. Ремонт конституций. Фирма та же // Российская Федерация сегодня. – 2000. – № 7.
17. Ескина Л.Б. Конституционная реформа в России: кризис или очередной этап // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 2(235). – С. 4-24.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
19. Зенкин С.А. Как поправить Конституцию // Российская Федерация. – 1996. – № 1.
20. Зиновьев А.В. Концепция первоочередных поправок в Конституцию России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 46-61.
21. Златкин Алексей. Сделает ли Зорькин Путина конституционным монархом? Блог. – 2018. – 13.10.
22. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. – 2018. – № 7689(226). – 09 октября.
23. Ильин Ю.А. Некоторые вопросы совершенствования Конституции России: Взгляд из провинции // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: Сборник статей / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С 79-86. – в кн. 183 с.
24. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов соотношения идеи права и идеи справедливости в XX-XX вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с.
25. Керимов А.Д. Проблемы конституционной реформы и государственного строительства. – М.: РАНС, 2000. - 51 с.
26. Костиков Вячеслав. Почему проснулся Зорькин? // Аргументы и факты. – 2018. – № 42. – 17 октября.
27. Краснов М.А. Конституция России: заповедная территория или среда обитания // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. – 1999. – № 4(29). – С. 138-144.
28. Лабушкина И.Е., Решетняк С.Р. Проблема аксиологического восприятия Конституции России: моральные аспекты Основного Закона страны // Пятигорск: Пятигорский государственный университет. – 2019. – С.108-112.
29. Лапаева В.В. Пути и способы совершенствования Конституции РФ // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: Сборник статей / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. - 199 с.
30. Левакин И.В. Исторические закономерности конституционной нравственности // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 21-28.
31. Лукьянов А.И. Нам нужна новая Конституция. Интервью главного редактора журнала «Государство и право» А.И. Ковлера с А.И. Лукьяновым, председателем Комитета Государственной Думы по законодательству и судебной реформе // Государство и право. – 1999. – № 12. – С. 6-11.
32. Лукьянова Е.А. Из истории беззакония. Как в 1993 году принимали Основной закон Российской Федерации // Независимая газета. – 1999. – 2 октября.
33. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917-1993). – М.: МГУ, 2000. – 192 с.
34. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 628 с.
35. Мазаев В.Д. Российской Федерации 1993 г.: свершения, мифы и реалии (на примере экономической модели) // Журнал российского права. – 2019. – № 3. – С.21-35.
36. Миронов О.О. Конституция не может быть неизменной // Государство и право. – 1998. – № 4. – С. 5-9.
37. Мухачёв И.В. Является ли повышенная жёсткость Конституции залогом её стабильности? // Право и жизнь. – 1998. – № 13. – С. 3-9.
38. Нормы нравственности в Конституции Российской Федерации // URL: http://allrefs.net/c11/3ti2k/p23/
39. Паленый И.А. Нравственные ценности в конституционно-правовом развитии Российской Федерации // URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/ nravstvennye-tsennosti-v-konstitutsionno-pravovom-razvitiirossiyskoy-federatsii

40. Розов Н.С. Конституционные ценности, смысл истории и тройственное самоиспытание обществ // Общественные науки и современность. – 2013. – № 4. – С.151-164.
41. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления): Монография. – М.: Юрист, 1994. – 288 с.
42. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
43. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – Сер. Безопасность человека и общества.
44. Фото недели. Глава Чечни Кадыров побывал в Минске у Лукашенко // Версия. – 2019. – № 23(698). – 24-30 июня.
45. Шахрай С.М. Интервью по поводу статьи В.Д. Зорькина «Буква и дух Конституции» // Лента.ру. – 2018. – 10 октября.

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

СКУЛАКОВ Роман Михайлович,
ученый консультант Вневедомственного научно-исследовательского института изучения безопасности и сыска (ВНИИ ИБиС), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия).
E-mail: skulakov@inbox.ru

Специальность 12.00.14 – Административное право; административный процесс

О ПОЛНОМОЧИЯХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Рассматриваются полномочия войск национальной гвардии в сфере противодействия внешним угрозам безопасности Российской Федерации. Отмечается, что основным субъектом гибридной войны, ведущейся Западом против России, является население нашего государства, вовлекаемое в его разрушение. В свете этого создание Федеральной службы войск национальной гвардии стало объективной необходимостью развития и сохранения России; усиления форм и методов противодействия криминальной геополитике Запада.*

Ключевые слова: *Федеральная служба войск национальной гвардии; гибридная война; внешние и внутренние угрозы безопасности России; международный терроризм; государственная граница России.*

LITVINOV N.D.
SKULAKOV R.M.

ON THE POWERS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE PROTECTION OF THE STATE BORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. *The author examines the powers of the National Guard in countering external threats to the security of the Russian Federation. It is noted that the main subject of the hybrid war being waged by the West against Russia is the population of our state, involved in its destruction. In light of this, the creation of the Federal Service of the National Guard Forces has become an objective necessity for the development and preservation of Russia; strengthening the forms and methods of countering the criminal geopolitics of the West.*

Key words: *Federal Service of the National Guard Troops; hybrid warfare; external and internal threats to Russia's security; international terrorism; state border of Russia.*

05 апреля 2016 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Указ № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации». «В целях обеспечения

государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина, – *говорилось в Указе,* – руководствуясь статьей 80 Конституции Российской Федерации… постановляю: образовать Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации» [2]. В принципе, на момент создания Федеральной службы войск национальной гвардии (далее – ФСВНГ) в Российской Федерации были достаточно многочисленные формирования внутренних войск и отрядов специального назначения в структуре МВД РФ. Но, целый ряд проблем объективно потребовали создания особого, военно-правоохранительного органа, для «обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина».

Многочисленные комментаторы Указа Президента РФ от 5 апреля 2016 года № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» явно недооценивают значимость и роль совершенно новой военно-правоохранительной структуры, ФСВНГ. Так, подполковник юстиции И.В. Соломин, старший офицер управления правового обеспечения ФСВНГ РФ, предполагает, что «основным посылом для его издания послужила необходимость сосредоточить вопросы, связанные с оборотом оружия и охранной деятельностью, в одной специализированной структуре, которой и стала Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации» [69].

На наш взгляд, это слишком узкое толкование.

Необходимость и причины создания ФСВНГ можно разделить на две группы: внешние и внутренние.

Внешние проблемы связаны с обострением геополитической борьбы между Западом и Востоком, с процессами глобализации.

Мир разделен на два субъекта геополитики: Мировой Океан, атлантисты, Запад; и Мировой Остров, Хартланд, Россия. Россия является одним из субъектов постоянной геополитической борьбы между Западом и Востоком. В этой геополитической борьбе есть одна особенность: Запад, Мировой Океан, постоянно вмешивается во внутренние дела Мирового Острова, Хартланда, России.

Так, в 1613 году Запад, с помощью Ордена Иисуса и РПЦ, ввел в России внешнее управление, в лица Правящего Дома Романовых. К концу 1916 года Россия выходила главным победителем в Первой мировой войне, и должна была стать ведущей державой мира. Чтобы не допустить мирового возвышения России, Запад в 1917 году произвел замену внешнего управления. Вместо «освобожденного от должности» Николая II Запад передал Россию в руки международной террористической организации, партии большевиков. В 1991 году Запад, в очередной раз, заменил внешнее управление в России; Запад передал ее под «демократическое управление».

На протяжении веков Англия, как руководитель Мирового Острова, систематически уничтожала русских императоров, которые не желали проводить проанглийскую политику. Павел I был убит проигравшимися в карты заговорщиками, которых нанял и долги которых оплатил британский посол Чарльз Уитворт. Александр II погиб от рук русских революционеров, деятельность которых финансировалась и направлялась из Лондона. Александр III скончался в возрасте 49 лет; был банально отравлен англичанами после того, как подписал военную конвенцию с Францией, сделав Россию противником Германии. Император Николай II лишился короны в результате верхушечного заговора, штаб которого находился в английском посольстве в Петрограде, столице союзника Британии в Первой мировой войне, проливавшего свою кровь в том числе и за Соединенное Королевство, где у власти находился близкий родственник-монарх, как две капли воды похожий внешне на Императора Всероссийского. Николай II мученически умер вместе со всей семьей, потому что Лондон при Временном правительстве отказался принять у себя причисленного позднее к лику Святых русского царя [5].

Планета Земля представляет собой «Космический корабль». Где, при постоянно возрастающем количестве «экипажа», катастрофически уменьшаются запасы жизненных ресурсов. «Жизнеобеспечивающий потенциал Земли не бесконечен, и ограниченность природных ресурсов не может позволить существовать в комфортном режиме всем, более чем шести миллиардам, живущих на ней людей» [8, стр. 13].

По сути дела, речь идет о том, кто дольше проживет на космическом корабле «планета Земля». Но, чтобы жить на космическом корабле «планета Земля», надо иметь землю, способную производить сельскохозяйственную продукцию;

запасы минеральных ресурсов; воду, и т.п.

Все это есть в России, но заканчивается в США и Европе.

Вот почему Запад разработал учение о «золотом миллиарде». Суть которого сводится к тому, что страны «золотого миллиарда», в которых проживает менее 25% численности населения Земли, должны потреблять 75% всей, производимой на планете энергии, и до 85% природных ресурсов планеты. Естественно, за счет погружения в нищенство населения остальных стран, за счет кого они собираются «жить в достатке».

В этой борьбе Россия является основным объектом посягательства стран «золотого миллиарда». Стараниями предков нынешнего населения России ей досталась самая крупная и богатая территория Земли.

В конце 80-х годов Мировой Океан приступил к уничтожению Мирового Острова. Запад разрушил мощнейшую систему коллективной обороны, Варшавский договор, во главе которого стояла Россия. Государства социалистического блока, входившие в состав Варшавского договора, переориентировались на Запад, усилив блок НАТО. 12 марта 1999 г. в НАТО вступили бывшие страны Варшавского договора: Польша, Венгрия и Чехия, предоставив под военные структуры НАТО свои территории. НАТО, не имея противодействия, настойчиво движется на Восток. Запад настойчиво требует от России уступки целого ряда территорий, в пользу приграничных соседних государств.

Несмотря на увеличение коллективной военной мощи, Запад боится Россию, боится военного конфликта с Россией. «Наличие у противоборствующих сторон оружия массового поражения вызвало к жизни новые способы противоборства, тесно связанные не только с применением военной силы, но и других несиловых методов противоборства, направленных на подрыв противника изнутри в различных сферах его жизнедеятельности (политической, социально-экономической, идеологической, духовной и ряда других)» [71].

Военные теоретики США и НАТО приступили к разработке новых форм геополитической борьбы с Россией. «В международных отношениях получила широкое распространение так называемая «мягкая сила», рассматриваемая западными специалистами как способность государства (союза, коалиции) достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение («притяжение»). При этом она действует на «страну-жертву» (цель), побуждая ее следовать в соответствии с выдвигаемыми ей «страной-диктатором» (агрессором) требованиями… что и приводит к достижению желаемого результата фактически без силового принуждения» [71].

Новый вид противоборства получил название «гибридных войн».

По мнению теоретиков военного искусства, «гибридные войны (операции, действия)» представляют собой комплекс мероприятий и средств, направленных на достижение политических целей невооруженным путем, либо с использованием силовых действий, но уже на заключительных стадиях конфликта» [71].

Основными субъектами гибридных войн на территории противника, страны-мишени, являются незаконные вооруженные формирования; партизанские отряды; диверсионно-разведывательные формирования и группы, и т.п., создаваемые, в основном, из числа местного населения. Автор книги «Случайный партизан» Дэвид Килкаллен утверждает, что «гибридная война» – это сочетание партизанской войны, мятежа и терроризма. Журналист Фрэнк Хоффман в работе «Конфликт в XXI столетии», определил гибридную войну, как действия противника, мгновенно и слаженно использующего сложную комбинацию разрешенного оружия, партизанскую войну, терроризм и преступное поведение на поле боя, чтобы добиться политических целей [71].

По сути дела, против России уже ведется гибридная война. В которой, на стороне геополитического противника, принимают участие и некоторые бывшие союзные республики. Одни из них стремятся в Европу и в НАТО, другие предъявляют территориальные претензии к России; третьи пытаются создавать межгосударственные объединения без участия либо против России. К примеру, во время чеченской войны на стороны Чечни, против России, воевали структуры: Узбекистана, Таджикистана, Грузии, Азербайджана, Эстонии, Украины.

Основной формой гибридной войны, уже ведущейся против России, является международный терроризм. Терроризм, это инструмент криминальной геополитики, это одна из форм гибридной войны. Где исполнители-террористы, проходят подготовку по программе спецназа,

а каждый диверсионно-террористический акт носит целеобеспечивающий характер. Вот почему, по мнению специалистов, «первостепенную важность для государств-участников приобретает проблема борьбы с нелегальным проникновением наемников и боевиков на территорию стран для проведения террористических акций» [16].

Падение Советского Союза, отсутствие государственной, целеформирующей и организационно-объединяющей идеологии, привели к росту различных видов экстремизма, в том числе религиозного [9; 39]. Идет борьба за «души» населения России, освобожденные от государственной идеологии. Прежде всего, на основе радикального ислама, ориентированного на мусульманское население России. Достаточно сказать, что практически весь международный терроризм строится на основе радикального ислама. На этом «фронте» против России действуют многочисленные зарубежные центры, в том числе, подготовки идеологов радикального ислама для России. Сама Россия покрылась сетью мечетей, где службу ведут муллы – выпускники зарубежных центров.

Так, во время чеченской войны активную поддержку боевикам Чечни оказывали: Исламский верховный совет Америки; (США); «Высший мусульманский совет» (Болгария); «Организация мусульманской боснийской молодежи» (Босния и Герцоговина); Комитет Польша-Чечня» (Польша); «Центр исламского просвещения» (Великобритания); «Исламский совет Европы» (Лондон); «Исламское движение Узбекистана»; Исламская партия возрождения Таджикистана»; Ваххабитское движение в Панкисси» (Грузия); Азербайджанская организация лезгин «Садвал»; «Кувейтская благотворительная организация возрождения исламского наследия»; Турецкий «Фонд имени Шамиля»; Турецкие организации «Джамаа-ад- Дагестанииналь-Атрак»; Турецкая организация «Очаги исламского порядка»; «Средне-восточный тюркский союз»; «Исламская партия Афганистана; «Движение «Талибан»; Иранская секта суфиев «Накшбандийя»; «Исламский фронт священной войны против евреев и крестоносцев»; Организация «Исламская конференция», и др.

По оценке экспертов, в Приволжском федеральном округе, прежде всего, в некоторых областях Поволжья, в местах компактного проживания мусульманского населения, в республиках Татарстан и Башкортостан, «возможна активизация мусульманских радикалов, которые могут получить поддержку от антироссийски настроенных исламистов Северного Кавказа» [8].

Проблема государственно-правовой идеологии, по существу ее отсутствия в России [4; 26; 28; 46; 50; 62; 74; 75; 76], вызывает серьезное беспокойство отечественных ученых. Например, на страницах Федерального научно-практического журнала «Мир политики и социологии» по этому поводу в 2019 году развернулась научная дискуссия [37; 73], в основу которой положена статья классика теории государства и права [63] В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» [33].

Многочисленные исследователи говорят об опасности для России потоков «неконтролируемой миграции через границы государств-участников Единого экономического пространства». Миграционные процессы очень серьезно беспокоят российских исследователей [3; 6; 11; 15; 23; 25; 31; 32; 34; 35; 48; 51; 70]. Низкий уровень жизни населения основной части государств, возникших на постсоветском пространстве, провоцирует мощные миграционные процессы в сторону России. Наибольший приток незаконных мигрантов наблюдается в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Южном федеральных округах [8].

Миграция – это не просто стремление население из слаборазвитых стран соискать работу в России. Нынешняя иностранная миграция – это форма гибридной войны. Более того, это форма расовой войны. Миграция разрушает этнические, социально-профессиональные, религиозные, социально-культурные и иные характеристики населения принимающих регионов России. На основе иностранной миграции формируется международная террористическая сеть на территории России. Чаще всего, мигранты вполне законно пересекают государственную границу России, а затем незаконно остаются на территории России. На территории России они формируют этническую преступность, включаются в каналы работорговли [42; 43].

По мнению экспертов, одной из эффективных форм гибридной войны Запада против России может стать городская партизанская война мигрантов. Бои в городских кварталах дают уникальные возможности более слабой стороне

уравнять шансы за счет ограничения более сильного противника в применении авиации, танков, систем залпового огня, тактического ракетного оружия. На сегодняшний день в России, основная рабочая сила в сфере жизнеобеспечения мегаполисов – мигранты. Они преобладают среди работников коммунального хозяйства и городского транспорта, в общепите, медперсонале. Они же составляют среду для этнической преступности. Это потенциальное пушечное мясо в войнах иррегулярных формирований с правительственными силами. Именно мигрантов будут в первую очередь рекрутировать в НВФ, террористические организации и неправительственные структуры. «Городская инфраструктура может быть в определенный момент нарушена либо взята под контроль мигрантами. Большая часть молодежи в мигрантской среде пополняет преступный мир. Союз переселенцев и криминала в будущих гибридных войнах будет играть заметную роль. Слабо контролируемая миграция однозначно свидетельствует о связи этого явления с международной преступной сетью – структурой, ведущей военную, политическую и бизнес-деятельность. Представители силовых структур заявляют, что более половины нарушений закона в крупных городах России, особенно деяний насильственного характера, совершается «гостями» [38].

Вот почему, по мнению экспертов, «общей для государств-участников Единого экономического пространства была и остается проблема борьбы с незаконной миграцией, зачастую трансграничной… Ее основными негативными аспектами становятся усиление преступности, распространение опасных заболеваний, расширение подпольного рынка труда, приводящие к подрыву экономики стран и дестабилизации отношений среди населения приграничной территории» [16].

Далее, «активизация трансграничной организованной преступности, включая контрабанду через границы наркотиков, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления террористических актов, иных противоправных действий; активизация разведывательно-подрывной и иной враждебной деятельности с территории сопредельного государства иностранных спецслужб и используемых ими организаций» [16]. На планете успешно действуют не только транснациональные корпорации. На планете успешно формируются и действуют транснациональные преступные группировки, где «трудятся» отнюдь не дилетанты.

Одной из форм гибридной войны является контрабанда наркотиков. Наркомания и наркопреступность уже превратились в глобальную угрозы здоровью населения России, и, следовательно, в угрозу национальной безопасности страны [8]. С помощью наркотиков уничтожается молодая часть населения России и Беларуси.

Россия превращена в страну-мишень. Запад пытается использовать сложнейшие социально-политические, национальные, экономические и иные процессы России для формирования механизма самоликвидации государства, за счет формирования массового протестного движения. Все это требует совершенствования системы обеспечения национальной безопасности, в том числе, усиления силовой и правоохранительной составляющей государства.

Одной из форм усиления национальной безопасности стало создание ФСВНГ [24; 41].

В подготовке и развязывании гибридной войны есть одна особенность: основным, массовым субъектом гибридной войны является население государства-мишени, которое вовлекается в разрушение своего государства.

Приходится констатировать, что в демократической России созданы идеальные условия для востребованности широкими слоями населения подстрекательских идей Запада; вовлечения населения в протестную деятельность, партизанские отряды, ДРФ и ДРГ.

Демократические реформы и преобразования изначально были направлены на мощное ослабление «Мирового Острова – Хартланда – России», как субъекта геополитики. Вот почему с первых же дней «демократических реформ и преобразований» была разрушена территориальная целостность «Мирового Острова – Хартланда», «Большой России». От нее «отпали» все союзные республики, ставшие суверенными государствами. Сразу же началось уничтожение ее военного потенциала, Вооруженных сил; спецслужб; системы правоохранительных органов, промышленного потенциала; сельского хозяйства. «С распадом СССР нынешняя Российская Федерация утратила статус великой державы, существенно снизились ее возможности влиять на качественное состояние международных отношений, обеспечивающие стране стабильное положение в мире» [12].

Как отмечают эксперты, внутрироссийские социально-политические, экономические, демографические и иные процессы несут угрозу и самой России. Происходит разрушение хозяйственной и социальной однородности экономического пространства России; разрыв по душевым показателям валового регионального продукта, денежным доходам населения. Наблюдается рост дезинтеграционных процессов, резкое снижение доли межрегионального оборота во ВВП. По мнению экспертов, «неравномерность социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, прежде всего на юге России, наличие очагов межнациональных конфликтов, низкая эффективность государственного управления в отдельных потенциально конфликтных субъектах Федерации данного региона также будет способствовать обострению внутренней обстановки в стране» [8].

Субъекты федерации России по уровню экономического состояния делятся на три группы:

1) развитые (опорные) регионы;
2) депрессивные регионы;
3) слаборазвитые (экономически отсталые) регионы.

Значительная часть неблагополучных регионов примыкают к государственной границе, и являются приграничными. По мнению экспертов, острокризисные, кризисные и потенциально кризисные субъекты федерации находятся: в южной части Европейской макрозоны; в южной части Сибири и Дальнего Востока, то есть в приграничной зоне [8; 30, стр. 64-65].

В России, несмотря на демократические реформы, наблюдается большой поток эмиграции из России за рубеж. 6 октября 2016 года Комитет гражданских инициатив опубликовал аналитический доклад «Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века». По подсчетам исследователей, с 2013 года из России в дальнее зарубежье ежегодно уезжают 120–150 тыс. человек. Авторы доклада, проанализировав эмиграционные потоки, пришли к выводу, что значительная часть граждан России выезжает из страны незаконно. Так, по данным Росстата, за период с 2009 года, в среднем из страны выезжает от 1400 до 1600 человек в год, с явным пиком в 2014 году – 1947 уехавших. По данным же Департамента внутренней безопасности США, за период с 2013 года до начала 2017 г., эмигранты из России получили 46 051 грин-карту. То есть, количество граждан России, выехавших только в США, более в 7 с лишним раз больше, чем вообще выехавших из страны. Аналогичная ситуация с Германией. Эксперты пришли к выводу, «российское ведомство последние годы в среднем недоучитывает в районе 80% миграционного потока» [72]. А весь поток идет через государственные границы.

По мнению экспертов, «социальную напряжённость в обществе могут вызвать участившиеся случаи заболевания населения ряда регионов сложными видами смертельно опасных вирусных инфекций. Наиболее вероятными районами распространения эпидемий и эпизоотий могут быть Дальневосточный, Сибирский, Центральный и Южный федеральные округа» [8, стр. 15].

Среди причин востребованности западных подстрекательских идей, вовлечения широких слоев населения в формируемые субъекты гибридной войны, эксперты называют: «низкие заработные платы, задолженности по их выплатам, что противоречит принципам социальной защищённости граждан…». И предсказывают, что различного рода общественно-политические структуры будут использовать массовое недовольства населения для вовлечения его в механизмы гибридной войны на стороне геополитического противника. Причем, «наиболее активные протестные выступления на этой почве возможны в Восточном, Сибирском, Приволжском и Южном федеральных округах» [8].

В России наблюдается обострение межнациональных отношений, рост этноконфессиональной напряжённости. Чаще всего межнациональные и религиозные противоречия пребывают в «скрытом» состоянии, что не снижает их остроты и ожесточения. Положение усугубляется стремлением этно-националистических властных структур отдельных этнических субъектов федерации к экономическому либо политическому суверенитету, с ослаблением роли федерального центра на их территориях.

В обобщенном виде, эксперты относят к основным внутренним угрозам России:

а) противоправную деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию

внутриполитической обстановки в стране;
б) обострение межнациональных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов;
в) деятельность молодёжных радикальных экстремистских и националистических организаций;
г) организованную преступность, терроризм, коррупцию, контрабандную и иную противозаконную деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации;
д) нерегулируемые миграционные потоки, миграционную экспансию в отдельных приграничных регионах;
е) распространение различных форм духовного, физического и психологического насилия;
ж) протестные выступления населения, вызванные нестабильностью в социально-экономической сфере;
з) неблагополучную демографическую ситуацию, грозящую демографическим кризисом;
и) неблагополучную экологическую обстановку, рост количества чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера [8].

В результате политических решений реформаторов «была фактически разрушена вся прежняя оборонительная структура СССР. РФ выпала из создаваемой десятилетиями системы коллективной обороны восточноевропейских стран и в военном отношении оказалась, по сути дела, изолированной» [12]. И самое главное, реформаторы принялись проводить прозападную политику, отвечающую интересам Запада, и противоречащую интересам народов России. По этой причине в информационно-политическое пространство был запущен лозунг об отсутствии серьезных противоречий между Западом и Востоком.

А ослабление политической, оборонной, промышленной и иной мощи России, нестабильность ее внутреннего положения, стимулируют против нее все виды экспансии, что ведет к утрате ее геополитического статуса, и грозит самому существованию России [53].

Таким образом, на территории Российской Федерации существуют многочисленные факторы, вызывающие недовольство широких слоев населения внутренней политикой государства. И, провоцирующие готовность населения стать участником массового субъекта геополитической войны на стороне геополитического противника России.

В этих условиях противостояния федерального центра и этнического субъекта федерации, какая-нибудь конфликтная ситуация с разнонациональным или разноконфессиональным составом участников, может привести к обострения этноконфессионального противоборства. Что особо опасно в условиях приграничья, на территории этнических субъектов федерации [8].

Таким образом, создание нового, военно-правоохранительного органа исполнительной власти – Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, стало объективной необходимостью развития и сохранения России; усиления форм и методов противодействия криминальной геополитике Запада.

Чтобы понять суть и грандиозность президентского решения, надо обратить внимание на ряд моментов. Прежде всего, национальная гвардия не создавалась на пустом месте. Войска национальной гвардии были сформированы на базы самых мобильных, высокоподготовленных, обеспеченных кадрами и вооружением, силовых подразделений МВД РФ, обладающих богатым опытом проведения антитеррористических операций.

В соответствии с пунктами 3 и 4 президентского Указа в структуру ФСВНГ РФ были переданы:
а) внутренние войска МВД РФ, превратившиеся в войска национальной гвардии Российской Федерации;
б) подразделения и органы управления МВД РФ, осуществляющие федеральный государственный контроль (надзор) в сфере оборота оружия; в сфере частной охранной деятельности; вневедомственная охрана, (в том числе, Центр специального назначения вневедомственной охраны МВД РФ);
в) специальные отряды быстрого реагирования (СОБРЫ), территориальных органов МВД РФ;
г) отряды мобильные особого назначения (ОМОН), территориальных органов МВД РФ;
д) Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиации Министерства внутренних дел Российской

Федерации и авиационные подразделения МВД России [69].

Таким образом, структуры МВД РФ, включенные в состав ФСВНГ, обладают двумя ярко выраженными особенностями: одни структуры зарабатывали деньги; другие являли собой мощную силу и опыт борьбы с вооруженными формированиями.

Естественно, включение в состав ФСВНГ РФ таких разноплановых элементов, требует теоретического осмысления происшедшего, серьезного нормативно-правового регулирования, законодательного закрепления.

Для правового обеспечения деятельности ФСВНГ за короткий промежуток времени была создана мощная правовая база.

В ст. 3 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», указано, что правовую основу деятельности войск национальной гвардии составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны, и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность войск национальной гвардии.

Основополагающими нормативными правовыми актами, кроме Конституции Российской Федерации, являются:

а) Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»;
б) собственно Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»;
в) Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 года № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации», утвердивший Положение о Федеральной службе;
г) Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации».

Естественно, это не исчерпывающий перечень нормативных актов. Деятельность ФСВНГ и ВНГ регулируется и иными законами, нормативными правовыми актами Российской Федерации, что предусмотрено ст. 3 Закона о войсках национальной гвардии.

К примеру, Федеральный закон от 27 мая 1996 года № 57-ФЗ «О государственной охране» закрепляет участие войск национальной гвардии в обеспечении безопасности объектов государственной охраны и защиты охраняемых объектов. Федеральный закон от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», «предусматривает участие войск национальной гвардии в осуществлении мер безопасности в отношении военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, принимавших непосредственное участие в пресечении действий вооруженных преступников, незаконных вооруженных формирований и иных организованных преступных групп, а равно в отношении их близких родственников» [69].

С учетом того, что контроль за оборотом оружия возложен на Федеральную службу войск национальной гвардии, на нее распространяется действие Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии». В сфере частной охранной деятельности действуют положения Закона Российской Федерации от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

При обеспечении безопасности объектов топливно-энергетического комплекса в деятельности ФСВНГ будет применяться Федеральный закон от 21 июля 2011 года № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса». На деятельность ФСВНГ распространяется Федеральный закон от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ «О ведомственной охране».

Заслуживает внимания кратчайший период формирования нормативно-правовой базы

Росгвардии и создание ФСВНГ.

5 апреля 2016 г. Президент России В.В. Путин подписал указ № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации», постановив: образовать ФСВНГ РФ; преобразовать Внутренние войска (ВВ) МВД России в войска национальной гвардии РФ.

29 апреля 2016 г. «директор и главнокомандующий Федеральной службы войск национальной гвардии» В. Золотов утвердил основные планы по формированию ФСВНГ. Созданная межведомственная группа подготовила совместный приказ Росгвардии и МВД России, о разграничении полномочий ведомств. Решались организационные вопросы, связанные с приемом-передачей подразделений из МВД в НГ.

29 июня 2016 г. Совет Федерации одобрил ряд законов о создании Росгвардии.

3 июля 2016 г. Президент России В.В. Путин подписал закон № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», определив основные задачи ВНГ:

- обеспечение государственной и общественной безопасности;
- защита прав и свобод;
- охрана общественного порядка, важных государственных объектов, спецгрузов, сооружений на коммуникациях,

а также обеспечение общественной безопасности, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом, обеспечение режимов чрезвычайного или военного положения [52].

В интересах разъяснения основных положений закона в научной литературе сразу же после его издания были опубликованы соответствующие комментарии [54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61].

3 сентября 2016 г. Президент России В.В. Путин подписал указ о структуре Росгвардии, куда вошли центральный аппарат, семь округов, войсковые части и территориальные органы в каждом субъекте РФ.

30 сентября 2016 г. Президент России В.В. Путин подписал указ № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии РФ» (одновременно с «Положением о Федеральной службе войск национальной гвардии РФ).

24 мая 2017 г. Президент России В.В. Путин подписал указ № 236 «Об утверждении Положения об оперативно-территориальном объединении войск национальной гвардии Российской Федерации». В указе был пункт, который вызвал недоумение у командования Вооруженных Сил России: что соединения и части Вооруженных Сил Российской Федерации, иные воинские формирования и органы, по решению президента, могут быть переданы в оперативное подчинение командующего округом войск национальной гвардии, для выполнения задач, возложенных на войска национальной гвардии.

Нас в данном случае интересуют задачи войск национальной гвардии, перечисленные в ст. 2 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». К ним относятся:

1) участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности; (в зоне нахождения учреждений УИС в приграничной полосе).
2) охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации;
3) участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
4) участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции; (особо важно в приграничных субъектах федерации)
5) участие в территориальной обороне Российской Федерации;
6) оказание содействия пограничным органам Федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации;
7) федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны; (усиление контроля за оружием в приграничной полосе)
8) охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем,

утвержденным Правительством Российской Федерации, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам*.

Частью 2 ст. 2 Закона о войсках национальной гвардии установлено, что иные задачи на войска национальной гвардии могут быть возложены решениями Президента Российской Федерации, принятыми в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами. И это положение очень важно, поскольку наделяет Президента Российской Федерации правом фактически «дополнять» закон и по своему усмотрению принимать решение об использовании войск национальной гвардии.

Не дискутируя по поводу задач, возлагаемых на ФСВНГ, остановимся на одной из них: «оказание содействия пограничным органам Федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации».

И внешние, и внутренние угрозы [18; 19; 20; 64] связаны с государственными границами России. Внешние угрозы: терроризм, наркомания, иностранная миграция, контрабанда и др., либо останавливаются на границе, либо проникают через границу на территории субъектов федерации. Внутренние угрозы могут вылиться в массовое и самовольное пересечение государственной границы.

Государство начинается с границы, и заканчивается границей. Государственная граница России, это щит между двумя враждебными мирами. Государственная граница обеспечивает безопасность страны; служит передовой линией контактов с другими странам и др. По этой причине государственная граница штурмуется и с внешней, и с внутренней стороны. Перечень пограничных угроз обширен.

В соответствии с Законом РФ «О Государственной границе Российской Федерации», «Государственная граница Российской Федерации …есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации [1].

Причем Государственная граница должна обязательно иметь международно-правовой статус, должна быть законодательно оформлена и принята международным сообществом. «Государственной границей Российской Федерации является граница РСФСР, закрепленная действующими международными договорами и законодательными актами бывшего СССР; границы Российской Федерации с сопредельными государствами, не оформленные в международно-правовом отношении, подлежат их договорному закреплению» [1]. От прочности Государственной границы зависит национальная безопасность России. В советское время в ходу был лозунг, что «государственная граница находится на замке». В нынешних условиях государственная граница представляет весьма шаткий забор, с распахнутыми и полураспахнутыми воротами, с замками, значительная часть которых открывается «отмычками» (долларовыми).

Прежде всего, состояние Государственной границы России. Много лет назад заслуженный деятель науки РФ, доктор военных наук, профессор, И.Е. Епифанов выступил на страницах Вестника Академии военных наук (№ 4 (05)/200 со статьей: «Безопасность страны начинается с безопасности границ» [16]. Вот что угрожает России на наших пограничных рубежах.

Сухопутные государственные границы России на западе и востоке страны имеют разный характер. Многие нынешние западные и юго-западные границы России ранее были внутригосударственными, административными границами между отдельными субъектами единой страны. Чаще всего, они устанавливались произвольно, практически не связывались с этническими характеристиками населения и природными объектами.

После разрушения СССР Россия лишилась 40% оборудованной границы. В самой России возникли две категории границ.

1) старые границы, границы бывшего СССР, основная часть которых была закреплена международными договорами: с Китаем, КНДР, Норвегией, Польшей, Монголией, Финляндией.
2) Новые границы со странами ближнего зарубежья. Часть из них были административными границами внутри СССР, которые затем, были оформлены, как государственные границы:
   а) со странами СНГ (Азербайджаном, Белоруссией, Грузией, Казахстаном,

Украиной);

б) со странами Балтии (Латвия, Литва, Эстония).

Из стран СНГ общей границы с Россией не имеют Армения, Кыргызстан, Молдова, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан [13].

В формировании новых суверенных государств, из числа бывших Союзных республик СССР [21; 22; 27], есть одна, практически, общая особенность. Это, несовпадение государственных, этнических и административных границ ряда государств- участников СНГ и России. В свое время Российская империя включала в свой состав кочевые и полукочевые племена, которые не имели своей государственности, не имели четко очерченной территории своего проживания. В советское время для наиболее крупных этносов, ранее не имевших своей государственности и очерченных границ проживания, были созданы этнические республики, территории и границы которых определялись «на глазок». Чаще всего территории этнических, национальных республик не совпадали с территориями кочевничества этих этносов. Но при развале СССР национальные республики неожиданно стали суверенными, на той территории, которая ранее не принадлежала им. Титульный характер внутригосударственной политики таких суверенных республик стал нести угрозу безопасности России.

Конфессиональные и этнические противоречия, особенно остро просматривающиеся в Прибалтике, на Украине, на Кавказе и в Средней Азии, могут породить вооружённые конфликты в приграничных районах России, создать опосредованную угрозу внутренней безопасности России.

При прокладке и оборудовании новых границ возник ряд проблем. Прежде всего, новые границы нередко не совпадали с этническими и культурными границами приграничного населения, в связи с чем общественное мнение не принимало введения пограничных ограничений.

Россия, в силу политических, экономических, иных причин, не могла быстро обустроить новые границы, оборудовать их в инженерно-техническом отношении. Кроме оборудования границ, не менее остро встала задача учреждения таможенных пунктов.

Это общие проблемы государственной границы. Но есть и отдельные проблемы на ее отдельных участках.

Восточная граница России полностью морская. Она проходит по акватории Тихого океана, Японского, Охотского и Берингова морей. Граница с Японией, проходящая по ряду проливов (Измены, Кунаширскому, Лаперуза и Советскому), отделяет российские территории (острова), Сахалин, Кунашир и Танфильева, от японского острова Хоккайдо.

Обстановка на границе с Японией весьма напряженная. Этому в немалой степени способствуют территориальные притязания Японии.

Япония пытается оспаривать у России «северные территории», острова Малой Курильской гряды (Итуруп, Кунашир, Шикотан и гряда Хабомаи общей площадью 8548,96 кв. км). Объектом спора являются сухопутные территории и акватории Российской Федерации, площадью 300 тыс. кв. км. Сюда входят шельфовая зона, (обладающая запасами нефти), острова и моря (богатые рыбой, морепродуктами).

Граница с США проходит по Беринговому проливу и по узкому (шириной 5 км) проливу между островами Ратманова (российским) и Крузенштерна (американским). Имеются определенные сложности в окончательном установлении морской границы России и США в Беринговом проливе («зона Шеварнадзе»). Граница России и США является самой длинной морской границей в мире.

Здесь, на морском участке, систематически происходят нарушения режима государственной границы и исключительной экономической зоны со стороны США, происходят расхищения морских биологических ресурсов, осуществляется контрабандная и иная противоправная деятельность.

Южная граница России преимущественно сухопутная. Она тянется от Тихого океана до Керченского пролива. Если смотреть с запада, она проходит по территориальным водам Черного моря до реки Псоу, и далее, преимущественно, по Главному хребту Большого Кавказа, по Водораздельному хребту до горы Базардюзю, по долине реки Самур до Каспийского моря. Кавказская граница России составляет более 1000 км. На южных границах России основная угроза формируется на Северном Кавказе, в Закавказье, Турции, Иране, Афганистане и Пакистане. Кавказ уже давно является объектом геополитики Запада, объектом интересов Турции.

Достаточно сложной является граница с

Грузией, где имеется целый «букет» пограничных проблем. Здесь не определена граница между Грузией, Абхазией и Южной Осетией.

Угрозу национальной безопасности России несет граница с Азербайджаном. Азербайджанско-иранский участок границы слабо охраняется азербайджанской стороной, он сохраняет максимальную «прозрачность». Через азербайджанско- иранскую границу международными преступными группировками сформированы «каналы транспортировки незаконных мигрантов, оружия, боеприпасов и другой контрабанды из стран Малой Азии и Ближнего Востока в сторону России». Непосредственно на территории самого Азербайджана, особенно в приграничье с Россией, существуют очаги территориальных, межэтнических, межклановых противоречий, очаги вооруженных конфликтов. Все это создает напряженную обстановку в целом в Кавказском регионе.

Далее государственная граница России проходит по акватории Каспийского моря. Ранее в Советском Союзе действовали российско-иранские соглашения о разделе Каспийского моря. Сейчас Азербайджан, Туркменистан и Казахстан, как новые суверенные государства Прикаспия, требуют произвести раздел Каспия и его шельфа, богатого нефтью. Азербайджан уже приступил к разработке недр, не дожидаясь определения статуса Каспийского моря.

От побережья Каспийского моря начинается самая протяженная сухопутная граница России – с Казахстаном. Она проходит по пустыням и сухим степям Прикаспийской низменности; по Зауральскому плато, южной части Западной Сибири и горам Алтая.

Граница России и Казахстана имеет ряд особенностей. Прежде всего, это самая протяженная граница, свыше 7500 км, к тому же не зафиксированная естественными рубежами. Граница между Россией и Казахстаном по уровню оборудованности носит весьма условный характер. Казахстан еще не определился в своей территории. Различные структуры Казахстана требуют передать ему приграничные территории, Астраханскую, Волгоградскую, Оренбургскую, Омскую, Курганскую области и Алтайский край.

Существенную угрозу национальной безопасности России несут приграничные соседи самого Казахстана. Так, в Туркмении практически «открытая» туркмено-иранская граница. С территории Афганистана в Таджикистан идут беженцы и незаконные мигранты. «Под видом беженцев границу пересекают миссионеры от ваххабизма и международные террористы, агенты спецслужб сопредельных и других стран, наркодельцы и наркокурьеры, контрабандисты» [16].

Напряженная обстановка на афганском участке границы Узбекистана. Через афганскую границу в Узбекистан большими потоками идут беженцы – этнические узбеки, незаконные мигранты, перемещаются оружие и наркотики, действуют каналы работорговли.

Все это обрушивается на Казахстан. И через российско-казахстанскую границу наркотики, незаконные мигранты, международные террористы, наркодельцы, агенты спецслужб зарубежных государств направляются в Россию, а через нее – в страны Европы.

Афганистан продолжает нести существенную угрозу безопасности России и ее пограничной безопасности. Военные аналитики предупреждают, что «следует ожидать дальнейшей активизации попыток проникновения в регион радикальных исламистских организаций из арабского мира и Африки, в частности из Сирии и Ирака, по мере разгрома основных сил действующих здесь террористических организаций. Это будет приводить к нарастанию масштабов военного противостояния в самом Афганистане, а также экспорта новой волны исламского радикализма в сопредельные государства Центральной Азии – бывшие республики СССР. Нестабильная социально-политическая, экономическая ситуация в сочетании с глубокими этническими и религиозными противоречиями создает благоприятную почву для возникновения вооруженных конфликтов, главным образом внутренних» [66].

Как отмечают эксперты, «на юге главные источники военной опасности связаны с нестабильностью обстановки в центральноазиатских государствах СНГ (прежде всего в Таджикистане и Узбекистане на почве этнических и религиозных проблем), продолжающимися войнами в Сирии, Ираке и Афганистане, нарастанием напряженности между США, их союзниками из стран Персидского залива и Ираном, а также в отношениях между Индией и Пакистаном» [66].

Граница России от Алтая до Тихого океана почти полностью проходит по горному поясу. Здесь сходятся границы России, Китая и Монголии. Протяженность границы России с

Монголией составляет около 3000 км.

На территории Монголии сформировались китайско-монгольско-российские преступные группировки. Через российско-монгольскую границу идут каналы подпольной миграции; поставляются оружие и наркотики.

Кроме того, пограничный режим нарушается местным населением. Через границу, в основном минуя пункты пропуска, не прекращаются попытки переправы наркотиков, скота и другой контрабанды. Угрозу национальной и пограничной безопасности создает ситуация в Республике Бурятия. Конгресс бурятского народа, националистические силы республики, при подстрекательстве националистических кругов Монголии, вынашивают идею объединения Бурятии с Усть-Ордынским Бурятским АО и Агинским Бурятским АО, с возвращением республике названия «Бурят-Монголия» [8].

На Дальнем Востоке наибольшая опасность для России и ее границ исходит от Китая. Китай вполне легально, с помощью своих миллионных мигрантов, уже захватил значительные территории Дальнего Востока и Сибири. Наличие здесь огромного количества китайских мигрантов создает реальную опасность фактического завоевания Китаем российского Дальнего Востока. Китай уже давно изображает на своих картах Сибирь и Дальней Восток китайскими территориями.

Более 80% российско-китайской границы проходит по рекам. Западный участок российско-китайской границы делимитирован, но не демаркирован. У Китая сохраняются притязания на российскую территорию. Они охватываюсь весь Дальний Восток и Сибирь.

На российско-китайской границе сохраняется сложная обстановка. В целях снижения уровня безработицы Китай поощряет незаконную миграцию своих граждан за границу, в том числе, в Россию. Через границу идут большие потоки контрабанды из России в Китай.

Реальную опасность для целостности Российской Федерации в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах представляет массовая китайская миграция, которую еще называют «ползучей экспансией». По далеко не полной информации, на территории России проживает около 1 млн. китайцев. Дальневосточном регионе России, по оперативной информации, нелегально находятся более 400 тыс. граждан КНР.

Массовая концентрация китайцев, формирование китайской диаспоры в Приморском и Хабаровском краях, в Амурской и Читинской областях может, создает предпосылки формирования китайской национальной автономии. Если же Россия не предоставит китайцам на территории права создания китайского административно-территориального формирования, то Китай может ввести свои вооружённые силы «для защиты безопасности и интересов» китайцев.

Протяженность границы России с Северной Кореей составляет 17 км. Россия и КНДР подписали соглашение и демаркации границ и разграничении морского пространства. Обстановка на российско-корейском участке границы складывается под влиянием ряда факторов: наличия на территории свободной экономической зоны; усиления пограничного режима со стороны корейских пограничных структур; непрекращающейся незаконной миграции из КНДР; интенсивной контрабанды и др.

Западная граница России имеет одну особенность. По этой границе Запад «отгораживается» от России. Для укрепления своей восточной границы Запад укрепляет пограничные режимы Финляндии, Польши, Прибалтики, отгораживается от Украины. Делается все для того, чтобы не допускать иностранных мигрантов, скопившихся на территории России, на Запад.

Западная граница начинается на побережье Баренцева моря от Варангер-фьорда. Здесь Россия, на протяжении 200 км, граничит с Норвегией. Норвегия постоянно «предлагает» передвинуть границу России в Баренцевом море на восток, чтобы забрать у России более 150 тыс. кв. км акватории. Во взаимоотношениях с Норвегией нет договора о разграничении континентального шельфа, где имеются большие запасы нефтегазового сырья [13].

Правительство Норвегии, дабы защитить страну от незаконной миграции и контрабанды наркотиков со стороны России, усиливает охрану границы с Россией, ужесточает пограничный контроль. Заодно усложняет доступ в норвежские порты российских рыболовецких судов с рыбной продукцией.

Граница с Финляндией, протяженностью 1300 км, проходит по сложной, заболоченной и заозеренной территории, пересекает ряд рек (Лотга,

Нота, Вуокса). И в 160 км юго-западнее Выборга подходит к Финскому заливу Балтийского моря. Государственная граница с Финляндией практически полностью оформлена по международным договорам, подписаны документы о ее демаркации. Финляндия усиливает пограничный контроль на Выборгском направлении российско-финляндской границы, дабы защититься от каналов «различной контрабанды, включая наркотики», со стороны России.

Калининградская область граничит Литвой (300 км), и с Польшей (250 км). Договор о демаркации границ с Литвой подписан в 1997 г., но еще остались некоторые разногласия по отдельным участкам границы (оз. Виштинец, Куршская коса, район г. Советск) [13].

Польша, укрепляя восточные границы Евросоюза, оборудует свои границы с помощью технических возможностей Европы: увеличивается численность подразделений пограничной стражи, совершенствуется их оргструктура; используются малая авиация и вертолеты, оснащенные аппаратурой для охраны границы в ночное время; внедряются современные технические средства охраны границы и связи, и др. А это значит, что незаконные мигранты из Средней и Центральной Азии, проникшие в Россию с целью уйти на Запад, остаются в России.

Граница с Эстонией занимает более 400 км. После развала СССР Эстония требует передать ей Печорский район Псковской области (1500 кв. км), часть территории Псковской области, часть Кингисеппского района Ленинградской области и Ивангород. 18 мая 2005 г. министры иностранных дел России и Эстонии подписали договор о границе между Россией и Эстонией в Финском и Нарвском заливах [13].

Граница Латвии с Россией составляет 250 км. Латвия требует передать под ее юрисдикцию Пыталовский и Палкинский районы Псковской области, общей площадью 1600 кв. км.

Страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва), проводя прозападную политику, ужесточают меры пограничного режима по отношению к российским гражданам; отказываются от режима упрощенного пропуска на границах для граждан России, создают другие ограничения. Так, «департамент пограничной охраны Эстонии ужесточил порядок упрошенного въезда в Россию и выезда из нее жителей эстонского приграничья» [16].

Граница с Белоруссией занимает около 1000 км. На российско-белорусском участке пограничных проблем нет.

Граница России с Украиной тянется на расстоянии около 1300 км. При установлении государственной границы между Россией и Украиной имеются достаточно серьезные проблемы. Граница с Украиной становится реальной угрозой национальной безопасности. «В приграничных районах страны растет преступность, расширяется торговля наркотиками, контрабанда валютой, нефтепродуктами, другими материальными средствами и различными товарами» [16].

Северная морская граница России проходит по морям Северного Ледовитого океана. России вдоль северного побережья и островов Арктики принадлежат только ее территориальные воды.

По мнению военных аналитиков, «в Арктическом регионе… имеются противоречия, способные привести к возникновению вооруженного конфликта. Они связаны главным образом с переделом сфер влияния, при неполной международно-правовой урегулированности вопроса, а также с требованиями США о передаче Северного морского пути под международный контроль. При исключительном военно-стратегическом, экономическом и транспортном значении региона борьба за него обостряется» [66]. Арктический регион для России становится все более значимым [17; 29; 36].

Таким образом, основная часть государственной границы России постоянно находится в условиях «пограничной войны».

Военные аналитики предупреждают, что Россия может стать участницей приграничных военных конфликтов различного масштаба.

Пограничный конфликт может охватить «отдельный оперативно-важный район», и продолжаться «от нескольких дней до одного-двух месяцев, с участием от двух-трех до пятидесяти тысяч человек. И это повод для развязывания более крупномасштабной военной акции» [66]. Естественно, что первый «удар» примут на себя пограничные войска.

Непосредственно у границ России, в сопредельных государствах или даже внутри страны, на одном из операционных направлений или в удаленных оперативно-важных районах, может возникнуть вооруженный конфликт с участием России, продолжительностью от нескольких

дней, месяцев, до нескольких лет. В нем могут принять участие от 30–40 до 100–120 тысяч человек.

С большой долей вероятности могут возникать региональные войны против самой России. Они могут охватывать несколько стратегических направлений, а по продолжительности – длиться несколько лет [66].

В любом случае, военные конфликты начнутся либо на самой границе, либо вблизи нее.

В то же время органы охраны границы и пограничные войска, по своему количественному и качественному составам, уровню подготовки пограничников, уровню технического обеспечения, не могут в полной мере обеспечить безопасность границы. С развалом СССР была существенно ослаблена и система охраны государственных границ. Ранее пограничный войска входили в состав КГБ СССР. В октябре 1992 г. пограничные войска на территории Российской Федерации были переданы в состав вновь образованного Министерства безопасности. 30 декабря 1993 г. была создана самостоятельная Федеральная пограничная служба – Главное командование Пограничных войск Российской Федерации. 30 декабря 1994 года, она была преобразована в Федеральную пограничную службу России (ФПС России). В период с 2000 по 2003 гг. полномочия пограничных войск и ФПС России регулировались Федеральным законом № 55-ФЗ «О Пограничной службе Российской Федерации». Все эти реорганизации определенным образом ослабляли систему обеспечения пограничной безопасности.

Острой остается проблема воинской преступности в пограничных войсках: уклонений от военной службы; укрытие от учета преступлений; гибель военнослужащих; совершение военнослужащими уголовных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких; злоупотребления должностными полномочиями, халатность и пр. Причем преступления совершают не только рядовые военнослужащие, но офицеры и прапорщики.

Этому в немалой степени способствовали: изменение структурного вхождения Федеральной пограничной службы в структуры государственной (федеральной) безопасности; превращение федеральной пограничной службы в самостоятельный орган исполнительной власти в вопросах охраны границ; ослабление государственной значимости ФПС России; ненадлежащие условия несения пограничной службы; повышенная психофизическая нагрузка; неукомплектованность подразделений, особенно в «горячих точках»; слабая социальная защищенность пограничников; низкий уровень медицинского обеспечения и материально-бытового снабжения.

Требует восстановления система особого отбора призывников в пограничные войска, существовавшая в Советском Союзе. Пограничники постоянно имеют при себе боевое оружие, постоянно находятся в состоянии готовности применять его. Низкому уровню несения пограничной службы способствует, по оценке экспертов, «полное отсутствие патриотического воспитания, что значительно снижает устойчивость пограничных войск в случае потенциальной угрозы» [40].

Необходимость «возвращения» патриотического воспитания российских граждан в Вооруженные Силы, правоохранительные органы, все структуры общества, включая литературу, искусство, кино, телевидение, Интернет и т.д., давно уже назрела. Об этом пишут многие отечественные исследователи [10; 14; 45; 47; 49; 65; 67].

Серьезные проблемы имеются в морских пограничных подразделениях. Плотность пограничных кораблей, обеспечивающих охрану государственной границы и исключительной экономической зоны России, не соответствует решаемым задачам. Действующие корабли своевременно не ремонтируются, и становятся непригодными для несения пограничной службы. «На судоремонтных заводах практически остановлены ремонтные работы на 33 кораблях, снабжение морских частей в последние годы осуществляется нерегулярно и в минимальных объемах (12 – 14% от заявляемых средств). По этой причине только в Арктическом регионе по сравнению с предшествующим периодом несение службы кораблями на границе снизилось в 3 раза»**.

В такой ситуации создание ФСВНГ и возложение на нее задач по «оказанию содействия пограничным органам Федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 05.04.2016 г. № 157 (ред. от 15.05.2018) «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации», имеет

крайне важное значение для обеспечения пограничной безопасности.

Правовой основной для участия ФСВНГ в защите и охране границы служат как Указы Президента, федеральные законы, регламентирующие деятельность самой ФСВНГ и ее структурных подразделений (Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 года № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации», утвердивший Положение о Федеральной службе; Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 года № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» и др.), а также ст. 3. Закона РФ «О государственной границе Российской Федерации», «защита и охрана Государственной границы».

Закон рассматривает «защиту Государственной границы, как часть системы обеспечения безопасности Российской Федерации и реализации государственной пограничной политики Российской Федерации». Защита границы «заключается в согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляемой ими в пределах своих полномочий путем принятия политических, организационно-правовых, дипломатических, экономических, оборонных, пограничных, разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных, таможенных, природоохранных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных мер» [1].

Закон одновременно охватывает и территориальные пределы защиты Государственной границы. Защита осуществляется непосредственно «на Государственной границе, в пределах приграничной территории (пограничной зоны, российской части вод пограничных рек, озер и иных водных объектов, внутренних морских вод и территориального моря Российской Федерации, пунктов пропуска через Государственную границу, а также территорий административных районов и городов, санаторно-курортных зон, особо охраняемых природных территорий, объектов и других территорий, прилегающих к Государственной границе, пограничной зоне, берегам пограничных рек, озер и иных водных объектов, побережью моря или пунктам пропуска) и осуществляется всеми федеральными органами исполнительной власти в соответствии с их полномочиями, установленными законодательством Российской Федерации [1].

По нашему мнению, под «другими территориями, прилегающими к Государственной границе, пограничной зоне», следует понимать территории приграничных субъектов Российской Федерации. Значительная часть которых относится к слаборазвитым (экономически отсталым), депрессивным регионам; где доходы на человека составляют менее 2 минимумов; где высокий уровень безработицы и нищеты, состояние безысходности, различные виды преступности [30, стр. 60-63]. К примеру, «угрозы экономической безопасности страны» сконцентрированы в южной части Европейской макрозоны; в южной части Сибири и Дальнего Востока, то есть в приграничной зоне. Так, к острокризисным, кризисным регионам относятся такие приграничные субъекты федерации, как:

1) республики: Калмыкия, Карелия, Дагестан, Ингушетия, КБР, КЧР, Северная Осетия, Алтай, Бурятия, Тыва;
2) края: Алтайский, Краснодарский, Ставропольский, Приморский, Хабаровский;
3) области: Архангельская, Читинская, Астраханская, Амурская, Сахалинская, Калининградская [30, стр. 60-63].

Именно здесь, на территории приграничных субъектов федерации, зарождаются процессы противодействия закону и государству; формируются контрабандные структуры; развиваются экстремизм, национализм, формируются организационные структуры криминальной направленности и т.п.

Органы охраны границы и пограничные войска, в силу специфики стоящих перед ними задач и территории обслуживания, не в состоянии реагировать на процессы формирования различных форм сопротивления населения в приграничных субъектах федерации.

Как гласит ст. 3 ФЗ «О Государственной границе», «охрана Государственной границы является составной частью защиты Государственной границы и осуществляется пограничными органами федеральной службы безопасности… в пределах приграничной территории, Вооруженными Силами Российской Федерации

в воздушном пространстве и подводной среде и другими силами (органами) обеспечения безопасности Российской Федерации в случаях и в порядке, определяемых законодательством Российской Федерации» [1].

Законодатель в ФЗ «О Государственной Границе Российской Федерации» четко сформулировал задачи непосредственной охраны Государственной границы. Сюда относятся:

а) недопущение противоправного изменения прохождения Государственной границы;
б) обеспечение соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы;
в) обеспечение соблюдения физическими и юридическими лицами пограничного режима, и режима в пунктах пропуска через Государственную границу.

Охрана Государственной границы – это составная часть защиты Государственной границы. Она осуществляется пограничными органами федеральной службы безопасности в пределах приграничной территории; Вооруженными Силами Российской Федерации в воздушном пространстве и подводной среде; и другими силами (органами) обеспечения безопасности Российской Федерации в случаях и в порядке, определяемых законодательством Российской Федерации.

На наш взгляд, формулировка «другие силы (органы) обеспечения безопасности Российской Федерации в случаях и в порядке, определяемых законодательством Российской Федерации», полностью относится к деятельности ФСВНГ. Обязанность которой по «оказанию содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации» возложена на нее Указом Президента России от 05.04.2016 г. № 157 (ред. от 15.05.2018) «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»; и Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) (см. Таблицу 1).

Как видно из приведенного в Таблице 1 сравнения задач, поставленных перед ФСВНГ и войсками национальной гвардии (далее – ВНГ), они несколько различаются по содержанию.

И это, не окончательный перечень задач, поставленных перед ФСВНГ и непосредственно ВНГ. Как гласит Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ, «иные задачи на войска национальной гвардии могут быть возложены решениями Президента Российской Федерации, принятыми в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами».

Все многочисленные (и сложные) задачи ВНГ в отношении охраны границ можно разбить на две группы:

1) основная задача – непосредственное оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации;
2) дополнительные, сопутствующие, все остальные задачи, которые будут выполнять ВНГ на территории приграничных субъектов федерации. И тем самым повышать уровень безопасности государственной границы.

На наш взгляд, «непосредственное оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации», будучи одной из основных задач ВНГ, применительно к охране границ, носит вспомогательный характер. Ибо охрана Государственной границы РФ «осуществляется пограничными органами, входящими в состав федеральной службы безопасности, в пределах приграничной территории». Во всех правовых актах охрана государственной границы, это действия органов охраны непосредственно на границе, «в целях недопущения противоправного изменения прохождения Государственной границы, обеспечения соблюдения физическими и юридическими лицами режима Государственной границы, пограничного режима и режима в пунктах пропуска через Государственную границу» [44]. Все действия органов пограничной охраны по обеспечению режима Государственной границы происходят непосредственно «на Государственной границе либо вблизи нее на территории РФ хозяйственной, промысловой и иной деятельности». Обеспечение пограничного режима также осуществляется в пограничной зоне, «в российской части вод пограничных рек, озер и иных водоемов, во внутренних морских водах и в

Таблица 1

Задачи ФСВНГ, закрепленные:

	а) Указом Президента РФ от 05.04.2016 № 157 (ред. от 15.05.2018) «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации»	б) Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
1	участие совместно с органами внутренних дел Российской Федерации в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения;	участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;
2	участие в борьбе с терроризмом и в обеспечении правового режима контртеррористической операции;	охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений на коммуникациях в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации;
3	участие в борьбе с экстремизмом;	участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом;
4	участие в территориальной обороне Российской Федерации;	участие в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции;
5	охрана важных государственных объектов и специальных грузов в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации;	участие в территориальной обороне Российской Федерации;
6	оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации;	оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы Российской Федерации;
7	осуществление федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере оборота оружия и в сфере частной охранной деятельности, а также осуществление вневедомственной охраны.	федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и в области частной охранной и частной детективной деятельности, а также за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, за деятельностью подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны;
8		охрана особо важных и режимных объектов, объектов, подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии, в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации, охрана имущества физических и юридических лиц по договорам
9		обеспечение по решению Президента Российской Федерации безопасности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации) и иных лиц.

территориальном море РФ». Все это – территория деятельности Федеральной пограничной службы, и никто ее заменить не может.

ВНГ не могут принимать самостоятельных решений по охране границ, не могут самостоятельно появляться на государственной границе и подменять собой органы охраны Государственной границы. В соответствии с Федеральным законом «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ, ВНГ могут, при необходимости, сделать это только на основе отдельного решения Президента Российской Федерации, принятого «в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами».

Как явствует из формулировки закона, «оказание содействия пограничным органам федеральной службы безопасности в охране Государственной границы» носит «точечный» и краткосрочный характер. Главным действующим лицом в охране Государственной границы остаются ФПС ФСБ РФ, и ФСБ РФ, так же, непосредственно подчиняющаяся президенту России. А это значит, что конкретные формы «оказания содействия» должны решаться в законодательном порядке. На наш взгляд, для выработки мер «оказания содействия» решением Правительства РФ должна быть создана согласительная комиссия. Затем решение комиссии должно быть оформлено Постановлением Правительства, совместными приказами ФПС ФСБ РФ и ФСВНГ, положениями и т.п. Дополнительные меры взаимодействия ВНГ и ФПС ФСБ РФ должны вырабатываться на территории отдельных федеральных округов, субъектов федерации.

Во исполнение Постановления Правительства об организации взаимодействия ВНГ и ФПС ФСБ РФ, на уровне командования округов НГ и региональных управлений погранвойск, должны разрабатывать отдельные планы взаимодействия, объявленные совместными приказами. В которых должны отражаться региональные особенности оказания содействия в охране государственной границы.

При выработке конкретных форм участия ВНГ в «оказании содействия» необходимо исходить из общих полномочий Росгвардии, закрепленных в ст. 9 ФЗ «О Росгвардии».

На наш взгляд, у ФСВНГ есть ряд преимуществ по сравнению с ФПС ФСБ РФ. Прежде всего это широчайший перечень полномочий, изложенных в ст. 9. ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации».

В соответствии с указанным законом к числу основных полномочий ВНГ относятся:

1) требовать от граждан соблюдения общественного порядка;
2) требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий;
3) пресекать преступления, административные правонарушения и противоправные действия;
4) проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, либо если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом;
5) осуществлять производство по делам об административных правонарушениях в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях;
6) принимать необходимые меры по охране места происшествия до прибытия представителей органов следствия или дознания, требовать от граждан покинуть место происшествия;
7) доставлять граждан в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) в целях решения вопроса о задержании гражданина; установления личности гражданина, если имеются основания полагать, что он находится в розыске как скрывшийся от органов дознания, следствия или суда либо как уклоняющийся от исполнения уголовного наказания; защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни или здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом;
8) производить досмотр транспортных средств, плавучих средств (судов), нарушивших правила, установленные на охраняемых войсками национальной гвардии объектах и др.;

9) производить в пунктах пропуска личный досмотр работников охраняемых войсками национальной гвардии важных государственных объектов.

Эти полномочия можно разбить на целый ряд групп. Прежде всего – общие полномочия ФСВНГ как исполнительного органа государственной власти. Затем – полномочия войск национальной гвардии. И далее – полномочия структурных подразделений ФСВНГ, каждое из которых выполняет свой комплекс задач.

При правильной организации взаимодействия между ФСВНГ и ФПС ФСБ РФ значительная часть этих полномочий может быть использована в интересах охраны государственной границы. Прежде всего, на территории приграничных субъектов федерации, в кризисных и этнических регионах, где население «сдержанно» относится к деятельности органов пограничной охраны.

ВНГ обладают мощным и разнообразным перечнем сил и средств, часть из которых может быть использована для охраны государственной границы. На момент создания, в 2016 году, войска национальной гвардии включали:

- 3 дивизии оперативного назначения;
- 20 бригад оперативного назначения;
- 2 специальные моторизованные бригады;
- 102 полка и отдельных батальона, в том числе специальных моторизованных;
- 11 отрядов специального назначения;
- 4 авиаполка, 9 эскадрилий и др. [7].

Наряду с авиацией, в структуре войсковых формирований имеются подразделения: водолазов, парапланеристов, беспилотной авиации; огнемётные, зенитно-минометные; разведывательные; инженерно-саперные; гаубичные; катера и береговое подразделение с РЛС и прожекторами; морские подразделения и др.

Значительная часть этих сил и средств находится на территории кризисных, приграничных субъектов федерации. Эти силы могут быть использованы как в интересах защиты государственной границы от «внешнего натиска», так и для ликвидации угроз государственной границе, исходящих от различных групп населения на территории приграничных субъектов федерации.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, наличие авиационного парка в составе ВНГ. Так, непосредственно Главному штабу ВНГ подчиняются: 70-й отд. смешанный авиаполк особого назначения, в/ч 3694 (Калужская обл., п. Ермолино): 6 Ми-8МТВ-2, 4 Ми-24П, 3 Ми-26, 6 Ил-76, Ан-12, Ан-26; 3-я отд. смешанная эскадрилья СН, в\ч 3553 (Московская обл, Щелковский р-н, г Щелково, аэродром Чкаловский): 4 Ми-8МТВ-2, 1 Ан-72, 3 Ту-134, 3 Ту-154.

Авиационный отряд СН «Ястреб» ЦСН СР оказывает поддержку операциям ЦСН СР: транспортировка боевой группы к месту проведения спецоперации, воздушная разведка и патрулирование. На вооружении отряда самолеты «Суперджет-100», вертолеты Ми-8 и AS-355 Ecureuil, БПЛА вертолетного и самолетного типа.

Авиационные отряды СН (АОСН) по субъектам РФ. АОСН имеют на вооружении вертолеты и БПЛА вертолетного и самолетного типа. Они предназначены для авиационного обеспечения деятельности подразделений спецназа при проведении мероприятий, связанных с охраной общественного порядка, борьбой с преступностью, противодействием экстремизму и терроризму.

В составе АОСН 40 авиационных отрядов специального назначения по Москве, Кемеровской, Воронежской, Свердловской, Мурманской, Ростовской, Нижегородской, Астраханской, Самарской, Челябинской, Тюменской, Омской, Новосибирской, Амурской, Московской области, Санкт-Петербургу и Ленинградской области; Забайкальскому, Приморскому, Красноярскому, Камчатскому, Краснодарскому, Ставропольскому, Пермскому, Алтайскому, Хабаровскому, краю; Республике Саха (Якутия), Дагестан, Адыгея, Ингушетия, Татарстан, Башкортостан, Хакасия, Тыва, Крым, Коми, Северная Осетия – Алания, Чеченской, Кабардино-Балкарской Республике, космодрому «Байконур».

При правильном решении вопросов взаимодействия ВНГ и ФПС ФСБ РФ, пограничная охрана может, в необходимых случаях, использовать авиационный потенциал ФСВНГ для обеспечения пограничной безопасности***.

Таким образом, в лице ВНГ пограничная охрана (при правильной организации взаимодействия), может получить дополнительный резерв для охраны государственной границы России.

Примечания

* Отдельные эксперты смотрят по- иному на создание ФСВНГ. Они предполагают, что войска национальной гвардии предназначены для решения следующих, основных задач:

1) Обеспечить охрану власти от массовых народных выступлений; волнений народа, попыток государственного переворота;

2) Подготовиться к силовому подавлению массовых народных выступлений и волнений, которые в условиях кризиса возможны среди бюджетников, к которым относятся силовики (в т.ч. военнослужащие, полицейские и др.).

3) Создать хорошо вооруженные и обеспеченные войска, подчиненное лично президенту, демонстративно ослабив другие силовые структуры, в т.ч. МВД [С32].

** Важной составляющей Пограничной службы является Береговая охрана, которая контролирует Северный и Тихий океаны, Черное, Балтийское и Каспийское моря, границу на реке Амур и на Псковско-Чудском озере. Ежедневно на охрану морской границы России выходит более 300 сторожевых кораблей, катеров и вспомогательных судов.

В настоящее время пограничный флот пополняется новыми пограничными сторожевыми кораблями, которые вводятся в строй во Владивостоке, Мурманске, Новороссийске.

Современная погранслужба располагает и собственной авиацией. В распоряжении погранслужбы находится около 50 патрульных и транспортных самолетов, несколько десятков вертолетов. Специально для погранслужбы сделан новый вертолет Ка-62. Он может летать в условиях высокогорья, при разряженном воздухе и жарком климате. При высокой скорости в 300 км/ч, вертолет обладает высоким уровнем бесшумности.

Стоящие на вооружении российских пограничников БПЛА дают возможность вести эффективный контроль охраняемого участка границы в любое время суток. Комплекс может находиться в воздухе более двух часов, при скорости до 120 км/ч. За это время он более десятка раз способен облететь и отсканировать участок границы в 20-40 километров [С49; С50].

*** Непосредственно, по округам войск НГ, авиапарк выглядит следующим образом. 1) Центральный округ войск НГ (Москва): 11-я отд. смешанная авиационная эскадрилья СН, в/ч 3734 (г. Воронеж): 6 Ми-8МТВ-2, Ми-26Т. 2) Северо-Западный округ войск НГ (Санкт-Петербург): 7-я отд. эскадрилья, в/ч 3693 (Пушкин): 6 Ми-8МТВ-2; 3) Приволжский округ войск НГ (Нижний Новгород): 675-й отд. смешанный авиаполк, в/ч 3797 (с. Ближнее Борисово, Нижегородская обл.): 6 Ми-8МТВ-2, 6 Ил-76; 8-я отд. эскадрилья, в/ч 3731 (Саратовская обл., Энгельс): 6 Ми-8МТВ-2. 4) Приволжский округ войск НГ (Нижний Новгород): 685-й отд. смешанный авиаполк особого назначения, в/ч 3686 (г. Ростов-на-Дону): 6 Ми-8МТВ-2, 4 Ми-24П, Ми-26Т, Ан-26Б; 142-й отд. смешанный авиаполк, в/ч 5592 (г. Моздок): 14 Ми-8МТВ-2, 4 Ми-24П, 1 Ми-26Т; 6-я отд. эскадрилья СН, в/ч 3692 (г. Краснодар): 6 Ми-8МТВ-2; 5) Уральский округ войск НГ (Екатеринбург): 9-я отд. эскадрилья, в/ч 3732 (Екатеринбург): 6 Ми-8МТ-2, Ан-26; 6) Сибирский округ войск НГ (Новосибирск): 2-я отд. эскадрилья, в/ч 3543 (Чита): 6 Ми–8МТ; 10-я отд. эскадрилья, в/ч 3733 (Новосибирск): 6 Ми-8МТВ-2, Ан-26; е) Восточный округ войск НГ (Хабаровск): 1-й морской отряд, в/ч 3800 (Хабаровск); 1-я отд. эскадрилья, в/ч 3524 (Хабаровск): 2 Ан-26, 5 Ми-8МТ, 2 Ми-8МТВ-2.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. « 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 17. – Ст. 594.
2. Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 (ред. от 15.05.2018) «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.
3. Абезгильдин Р.Р. Миграция в России и сетевые структуры // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 80-93.
4. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
5. Англия – серийный убийца русских царей? // http://kolokolrussia.ru/duh-istorii/angliya--seriyny-ubiyca-russkih-carey
6. Артамонов О.В. Единый рынок труда в рамках Евразийского экономического союза. Тезисы выступления на Третьем Санкт-Петербургском Международном форуме труда (28 февраля – 1 марта 2019 года) // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 100-102.
7. Бараш Ю. Рогсвардия: новые опричники России. Часть 1 // http://opk.com.ua/

8. Бунин С.В. Современные угрозы внутренней безопасности Российской Федерации // Академический Вестник. Внутренние войска МВД России. – 2009. – № 1. – С. 12-16.
9. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
10. Гер О.Е., Сальников М.В., Сальников С.П., Шелепова М.А. Национальная идея и патриотизм // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 128-144.
11. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
12. Граница и ее охрана// http://stud24.ru/administrative-law/granica-i-ee-ohrana/12168-30248-page1.html
13. Границы России // http://www.grandars.ru/shkola/geografiya/granicy-rossii.html
14. Гутман М.Ю., Сальников В.П. Навеки в памяти народной (к 625-летию Куликовской битвы) // История государства и права. – 2005. – № 9. – С. 2-7.
15. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
16. Епифанов И.Е. Безопасность страны начинается с безопасности границ // Вестник Академии военных наук. – 2003. – № 4(05)/200.
17. Журавель В.П., Литвинов Н.Д. Суверенитет стран Арктического совета в Арктике: проблемы и механизмы обеспечения // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 129-141.
18. Захарцев С.И., Сальников П.П., Кондрат Е.Н., Числов А.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: современные проблемы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 128-132.
19. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение военной безопасности // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 120-139.
20. Захарцев С.И., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Сальников М.В., Третьяков И.Л. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение национальной безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 69-94.
21. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
22. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
23. Золотарев Л.Л. Нелегальная миграция в современной России: некоторые актуальные проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 64-68.
24. Золотов В.В. От внутренней стражи к войскам национальной гвардии: развитие системы управления военно-правоохранительных формирований в России // Академический вестник войск национальной гвардии РФ. 2016. № 2. – С. 8-21.
25. Зуева А.С., Хабибулин А.Г., Современная российская государственность в условиях реформирования миграционной политики // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 31-36.
26. Идеологические ориентиры России (Основы новой общероссийской национальной идеологии): В 2 т. / С.В. Алексеев, В.А. Каламанов, А.Г. Черненко; под общ. ред. С.В. Степашина. – М.: Книга и бизнес, 1998.
27. Имомов А. Укрепление государственности и создание гражданского общества в Таджикистане. – Душанбе, 2003.- 363 с.
28. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
29. Каратаев О.Г. Арктический проект. Русская национальная элита. Академия морской пехоты // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 158-162.
30. Кистанов В.В. Объединение регионов России: преимущества для управления и предпринимательства: к реформе территориального устройства. – М.: Экономика, 2007. – 139, [11] с. : ил., табл.
31. Козлов Е.Н., Козлова Л.Е. Миграционная политика в Северо-Западном регионе // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
32. Косарева В.В. Социальная природа и правовая сущность миграционных отношений // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 118-123.
33. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17-32.
34. Леденева В.Ю. Государственная политика в сфере социальной адаптации и интеграции иностранных граждан

// Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 121-125.
35. Лисицын П.П. Привлечение иностранной рабочей силы в Россию // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 100-104.
36. Литвинов Н.Д. Гиперборея – Даария – Арктида – Арктика в геополитическом противоборстве Запада и России // Мир политики и социологии. – 2018. – № 3-4. – С. 123-142.
37. Мазурин С.Ф. Государственная идеология и общественное самосознание // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 25-28.
38. Мигранты готовятся к боям на улицах российских мегаполисов // http://kolokolrussia.ru/sreda-obitaniya/migrant-gotovyatsya-k-boyam-na-ulicah-rossiyskih-megapolisov)
39. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
40. Основные проблемы обеспечения охраны Государственной границы РФ // https://cyberpedia.su/12xbe99.html
41. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Золотова. – М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2018. – 160 с., ил.
42. Пиров М.Т. Борьба с рабством: международно-правовые аспекты // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 146-151.
43. Пиров М.Т. Работорговля в современном глобальном мире: социальный и криминалистический аспекты // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 120-134.
44. Полномочия государственных органов и войск по защите государственной границы // https://cyberpedia.su/8x23c3.html
45. Садовников М., Шаманов В., Маресьев В. Легендарный Маресьев. – Бологое – Камышин, 2016. – 272 с.
46. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
47. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
48. Сальников В.П., Брылева Е.А. Критерии «правильной миграционной политики»: отечественный и зарубежный опыт // Миграционное право. – 2018. – № 3. – С. 25-28.
49. Сальников В.П., Гутман М.Ю. «И была брань крепкая и сеча злая» (к 625-летию Куликовской битвы) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. С. 104-109.
50. Сальников В.П., Романовская В.Б. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
51. Сальников В.П., Силантьева В.А. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Миграционное право. – 2017. – № 3. – С. 13-17.
52. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
53. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
54. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С Войска национальной гвардии современной России и их предназначение // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 130-145.
55. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии Российской Федерации – начало большого пути // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 121-125.
56. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 147-153.
57. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Право и порядок применения физической силы, спецсредств, оружия, боевой и специальной техники военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 117-125.
58. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Правовая основа и принципы деятельности войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 136-149.
59. Сальников В.П. Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Проблемы содействия войскам национальной гвардии в выполнении возложенных на них задач, обеспечение полетов воздушных судов войск национальной гвардии // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 142-148.
60. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Прокурорский надзор за деятельностью войск национальной гвардии и заключительные положения // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 128-136.
61. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Специальные полномочия войск национальной гвардии: задержание, вскрытие транспортного средства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12.

– С. 148-155.
62. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
63. Сальников В.П., Эбзеев Б.С., Хабибулин А.Г. Классики современной российской теории государства и права. К 75-летию доктора юридических наук, профессора Валерия Васильевича Лазарева // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С 11-19.
64. Сальников С.П., Прокофьев К.Г., Силантьева В.А., Клименко О.А., Силантьева Н.В. Суверенитет Российской Федерации: современные угрозы и обеспечение духовной безопасности // Мир политики и социологии. – 2018. – № 1. – С. 139-150.
65. Семенов В. Жизнь и победа. Герой Советского Союза Михаил Владимирович Ашик. Страницы биографии. – СПб.: Петроцентр, 2015. – 192 с. – Серия книг «Писатели о войне», посвященная 70-летию Победы.
66. Сивков К. США и НАТО готовят военную интервенцию в Россию // http://kolokolrussia.ru/geopolitika/ssha-i-nato-gotovyat-voennuu-intervenciu-v-rossiu
67. Силкин Н.Н., Шелепова М.А. Воспитание патриотизма на примере героев Великой Отечественной войны // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 151-158.
68. Сокирко В. Граница на замке: новая техника на вооружении пограничников // https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201705280944-qtse.htm
69. Соломин И.В. Правовые основы деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации // Академический Вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С 27-30.
70. Степанов А.М. Транснациональные практики и проблема интеграции трудовых мигрантов из республик Средней Азии в России // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. – С. 106-112.
71. Теоретические и практические аспекты «гибридных войн» в современном геополитическом противоборстве. Информационный обзор. ФСВНГ. – М., 2017.
72. Фролова Н. Пятая волна отъезда: разочарованные // https://newtimes.ru/articles/detail/152010
73. Хабибулин А.Г. Идеология – основополагающий фактор общественного развития // Мир политики и социологии. – 2019. – № 6. – С. 21-24.
74. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
75. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.
76. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

БОБОДЖОНЗОДА Исрофил Хусейн
(Бабаджанов Исрофил Хусейнович),
Председатель Международного Коммерческого Арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник Института философии, политологии и права имени А. Баховадинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

ПУЛОДИ Мавджуда Комил,
судья Верховного Суда Республики Таджикистан, соискатель Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Республика Таджикистан)
E-mail: pulodim@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ПОНЯТИЕ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Аннотация. *Анализируется понятие морального вреда, который является одним из основных способов гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав. Приводятся основные нормативные документы Республики Таджикистан, составляющие правовую основу компенсации морального вреда, раскрываются понятия физических и нравственных страданий, выделяются степени негативных нравственных переживаний.*

Ключевые слова: *моральный вред; компенсация морального вреда; физические страдания; нравственные страдания; моральная травма.*

BOBOJONZODA I.Kh.
PULODI M.K.

THE CONCEPT OF MORAL HARM IN CIVIL LAW AND ITS MAIN FEATURES

The summary. *The concept of moral harm, which is one of the main ways of civil protection of personal non-property rights, is analyzed. The main regulatory documents of the Republic of Tajikistan are presented, which constitute the legal basis for compensation for moral harm, the concepts of physical and moral suffering are revealed, the degrees of negative moral experiences are highlighted.*

Key words: *moral harm; compensation for non-pecuniary damage; physical suffering; moral suffering; moral trauma*

Долгое время проблема возмещения морального вреда в литературе носила дискуссионный характер. В прошлом главным вопросом было юридическое признание или непризнание претерпевания нравственных и физических страданий как юридического факта, порождающего отношения ответственности в форме компенсации.

Н.С. Малеин указывал на три подхода решения этой проблемы:

- полное отрицание морального вреда;
- компенсация лишь в отдельных, определенных законом случаях;
- компенсация во всех без исключения случаях [27, стр. 32].

В Гражданском кодексе Республики Таджикистан (далее – ГК РТ) моральному вреду посвящены ст. 174, 1115-1116. Гражданский кодекс подчеркивает денежный характер компенсации морального вреда. Гражданское законодательство определяет моральный вред как причинение физических и нравственных страданий.

Возникает вопрос: а что же восстанавливается посредством компенсации? Во-первых, происходит восстановление правопорядка, социальной справедливости. Во-вторых, нормализуется психологическое состояние потерпевшего. В-третьих, применение норм гражданско-правовой ответственности свидетельствует о реализации возможности потерпевшего защитить свои права и свободы, а следовательно, и о торжестве закона, восстановлении его авторитета.

Актуальной проблемой является определение суммы компенсации морального вреда. Здесь велика роль судебного усмотрения. Это касается не только размера, но и самого факта компенсации. Практике известны случаи, когда необоснованно занижался размер компенсации и, наоборот, когда она назначалась в отсутствие всяких к тому предпосылок [40, стр. 280-281].

На сегодняшний день моральный вред является одним из основных способов гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав. Данный вопрос имеет важное значение: во-первых, имущественные взыскания в качестве средства защиты применимы к этим правам лишь в законом установленных случаях, а во-вторых, в ряде случаев нарушенные личные права невосстановимы. Так, если нарушена тайна личной жизни, неприкосновенность жилища, переписки, телефонных переговоров, врачебная тайна, то они перестают быть тайной, и удовлетворением потерпевшего в подобных случаях призвана стать компенсация нравственного ущерба [27, стр. 34].

Как известно, действующее оперативно-розыскное законодательство и в России, и в Таджикистане предусматривает возможность вторжения субъектов оперативно-розыскной деятельности в личную жизнь, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [24], а также контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений [25; 41], прослушивание телефонных переговоров [11], снятие информации с технических каналов связи [18; 22], компьютерных систем [2; 3; 4] и проведение иных оперативно-розыскных мероприятий [20; 21; 23; 36; 37].

Соответственно возникает опасность причинения морального вреда гражданину путем нарушения его личных неимущественных прав.

Возмещение морального вреда нередко (как в некоторых приведённых ситуациях) является единственным способом защиты, хотя в других случаях может и сопутствовать другим (например, возмещению материального ущерба, если таковой имеется).

Моральный вред есть вред неимущественный. Под неимущественным вредом учёные понимают такие последствия правонарушения, которые не имеют экономического содержания и стоимостной формы [29, стр. 47].

Как указывают учёные, посягательства на неимущественные блага могут вызвать не только неблагоприятные последствия по отношению к жизни, здоровью, чести, достоинству и деловой репутации. Вред, причиненный таким деянием лицу, может быть выражен и в виде лишения возможности осуществлять какие-либо права, утраты духовных ценностей, лишения свободного совершения определённых действий и поступков [15, стр. 13].

Компенсация неимущественного вреда как способ защиты применима исключительно к гражданам-потерпевшим и для защиты прав юридических лиц не используется (кроме защиты права на деловую репутацию). Хотя попытки бывают.

Роль компенсации состоит в сглаживании, смягчении неблагоприятных последствий правонарушения для пострадавшего. Сам факт защиты законом достоинства личности посредством

компенсации морального вреда имеет положительное влияние на психическое состояние потерпевшего, вселяет веру в справедливость. Наоборот, если право оставляет без защиты нравственные переживания, то это дополнительно травмирует психику потерпевшего. Что касается правонарушителя, то для него обязанность компенсировать причинённый им нравственный ущерб является мерой ответственности. При этом он также может претерпевать нравственные страдания.

Возложение на нарушителя обязанности компенсировать моральный вред производится в трёх случаях:

- посягательство на нематериальные блага (жизнь, здоровье, честь, имя и др.);
- посягательство на личные неимущественные права, связанные с имущественными (право авторства);
- нарушение имущественных прав, если компенсация за их нарушение специально предусмотрена законом (например, как это сделано в ст. 15 Закона РТ «О защите прав потребителей»).

Каждая конкретная ситуация может иметь свои особенности. При рассмотрении конкретного дела суд, определяя размер компенсации морального вреда, исходит из характера нарушений прав и негативных последствий, наступивших.

Моральный вред, как институт гражданского права представляет собой совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих отношения по поводу возмещения нематериального вреда, причиненного действием (бездействием), посягающими на нематериальные блага или нарушающими личные неимущественные права (и в порядке исключения нарушающими имущественные права) гражданина.

Возможность возмещения морального вреда в материальном виде (денежном выражении) была установлена Законом СССР от 12 июня 1990 года «О печати и других средствах массовой информации». В статье 39 было указано: «Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, задевающих честь и достоинство гражданина либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами. Размер возмещения морального (неимущественного) вреда в денежном выражении определяется судом».

В Республике Таджикистан право на компенсация морального вреда был предусмотрен в Законе РТ «О печати и других средствах массовой информации», принятом 14 декабря 1990 г. В ст. 38 говорится: «Моральный (неимущественный) вред, причиненный гражданину в результате распространения средством массовой информации не соответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство гражданина, либо причинивших ему иной неимущественный ущерб, возмещается по решению суда средством массовой информации, а также виновными должностными лицами и гражданами. Размер возмещения морального (неимущественного) вреда в денежном выражении определяется судом».

Становление института возмещения морального вреда характеризует общую тенденцию национального законодательства на расширение прав и свобод личности [7].

Важный шаг в этом направлении сделан в Постановлением Совета Министров Республики Таджикистан от 20 марта 1994 года № 134 «О вопросах возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного работникам, увечьем, профессиональным заболеванием, либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением трудовых обязанностей» и Правилам возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием, либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением трудовых обязанностей.

Правовую основу компенсации морального вреда как гражданско-правового способа защиты гражданских прав, в том числе и права на здоровье, закладывают нормы ст.ст. 171, 1115, 1116 ГК РТ. Данные нормы предусматривают основания и способы компенсации морального вреда, а также устанавливают основание и критерии определения размера компенсации морального вреда. Данные вопросы достаточно сложны и объемны. В настоящее время имеется ряд фундаментальных исследований в этой области [14; 47]. Особое внимание стоит уделить особенностям компенсации при

причинении вреда такому нематериальному благу как здоровье.

Статья 171 ГК определяет моральный вред по существу так же, как и Основы гражданского законодательства 1991 [1]; а именно как причинение гражданину физических или нравственных страданий. Более развернутое определение понятия «моральный вред» дал Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»:

«Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с Законом об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с потерей родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, задевающих честь, достоинство или деловую репутация гражданина, временным ограничением или лишением каких – либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.» (п. 2).

Все многообразие правонарушений, причиняющих гражданину «физические или нравственные страдания» и «порочащих честь, достоинство или деловую репутацию» гражданина или юридического лица предусмотреть в законе невозможно, соответственно, как и все случаи возникновения права на возмещение морального вреда, поэтому особенно актуально стоит проблема совершенствования конструкций гражданского законодательства, которые должны в наиболее развернутом варианте относительно других законодательных актов, закрепляющих право на возмещение морального вреда, определять правонарушение и возникающие в связи с данным правонарушением право на возмещение морального вреда.

Ст. 171 ГК РТ предусматривает, что если гражданину причинен моральный вред (физические и нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Их перечень приведён в ст. 170 ГК РТ: жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право на авторство, иные личные неимущественные права, и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Как видим, данный способ вполне применим при нарушении права на здоровье. Более того, можно сказать, что моральный вред – это и есть вред здоровью. Здоровье – это не только отсутствие болезней, но и состояние душевного комфорта (а его нарушение как раз и заключается в моральном вреде). Именно поэтому такой способ защиты как компенсация морального вреда является непосредственным способом защиты конституционного права на охрану здоровья.

Правом на компенсацию морального вреда при повреждении здоровья обладают непосредственно потерпевшие. Право на компенсацию морального вреда является строго личным и не может переходить в порядке как сингулярного, так и универсального правопреемства. Однако признание права на компенсацию непосредственно за потерпевшим вследствие причинения вреда здоровью или иным нематериальным благам конкретного лица, не должно ограничивать право на компенсацию его родственников, которые могут иметь в связи с этими обстоятельствами свое основание для компенсации. Нарушение личных неимущественных прав, посягательство на личные неимущественные блага гражданина и компенсация морального

вреда после смерти человека является дискуссионным. По этому поводу А.В.Воробьев отмечает: «Статья 152 ГК говорит именно о возможности защиты чести и достоинства умершего. Следовательно, если буквально трактовать эту норму права, то именно труп, естественно, не способный чувствовать вообще, должен каким-то образом внутренне определить, страдает ли его достоинство от неких распространенных сведений. Но это – нонсенс» [12, стр. 131].

Мы поддерживаем того мнения, что защита чести и достоинства умершего возможна лишь в случае, если нарушение или угроза нарушения прав возникли при жизни гражданина.

Итак, возникновение права на возмещение морального вреда является следствием совершенного правонарушения, характерной особенностью которого, в соответствии с определением закона, выступают причинение «физических или нравственных страданий» в отношении граждан, а также распространение сведений, порочащих «честь, достоинство или деловую репутацию» граждан или юридических лиц.

Под моральным вредом в науке и законодательстве понимаются причиненные правонарушителем физические и нравственные страдания. Суть содержания морального вреда заключается в том, что действия причинителя вреда находят свое негативное отражение в сознании потерпевшего, вызывают негативную психическую реакцию.

Как уже отметили, закон под моральным вредом понимает «физические или нравственные страдания» (ст. 171 Гражданского кодекса РТ).

Определение морального вреда как страдание заслуживает внимание. Ясно, что в страданиях (физических или нравственных) выражается реакция на неправомерные действия, влекущие за собой изменения состояния здоровья. Здоровье определяется в преамбуле устава Всемирной организации здравоохранения как «состояние полного физического, духовного и социального благополучие, а не только отсутствие болезней и физических дефектов», а Конституцией РТ здоровье признается одним из нематериальных благ. Следовательно, компенсация будет подлежать моральный вред, заключенный как в бесспорном ухудшении состояния здоровья (например, обострение болезни, гипертонический криз), так и в эмоциональном напряжении, переживаниях, связанных с резким изменением обстоятельств, чувством собственной ненужности. Нравственные переживания могут возникать в связи с утратой родных и близких, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной или личной тайны, врачебной тайны, невозможностью образовать семью, изменением места жительства, образа жизни, распространением сведений, не соответствующих действительности, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью в связи с увечьем, иным повреждением здоровья или в связи с заболеванием, возникшим в результате пережитых нравственных страданий и др.

Следует остановиться на соотношении понятий «физический вред» и «моральный вред». Дело в том, что в правовой литературе предлагается именовать моральный вред психическим вредом [39, стр. 13]. Несмотря на то, что понятие «моральный вред» и соответствующее словосочетание нельзя признать удачными, трудно согласиться с предлагаемым термином. Во-первых, психический вред – это разновидность расстройства здоровья (психическое расстройство), которое может быть вызвано не только страданием от гибели близких людей или от иных обстоятельств подобного рода, но и воздействием на организм человека ряда вредоносных факторов, влекущих органическое или функциональное расстройство центральной нервной системы (ушиб или сотрясение мозга, кровоизлияние в мозг, действие отравляющих веществ и т.п.). В этом смысле, психический вред можно с определенной долей условности определить как разновидность физического вреда. Во-вторых, именно психический вред может исключать возможность компенсации морального вреда, если психическое расстройство достигло той степени, при которой потерпевший уже не может испытывать нравственных, а иногда и физических страданий [13, стр. 136].

Также отметим здесь, что понятие «физические страдания» не совпадает по своему содержанию и с понятиями «физический вред» или «вред здоровью». Физический вред представляет собой любые негативные изменения в организме человека, препятствующие его благополучному биологическому функционированию, которое есть нормальное с медицинской точки зрения протекание всех психофизиологических процессов в организме человека [46, стр. 19].

Негативные изменения в организме, вызванные действием внешних факторов, ведут как к необходимости восстановления нормальной функциональности (лечение), так и к возмещению психических (вызванных увечьем) и физических (каковые есть как последствие травмы, так и результат процесса лечения) страданий. Для поддержания нормальной жизнедеятельности больной может обращаться к дополнительным платным услугам, реализуя своё право на полноценную и достойную жизнь. Эти расходы, в совокупности с возможным упущением выгоды и т. п. составляют реальный ущерб, убытки, подлежащие возмещению по ст. 15 Гражданского кодекса. Возмещение морального вреда отличается своей направленностью на устранение или сглаживание переживаний и страданий, связанных с причинением вреда человеку.

Необходимо отметить, что само название «моральный вред» было не единственным, применяемым в теории. В качестве синонимов использовались такие названия, как нравственный, нематериальный, имматериальный, неимущественный, духовный и даже психический вред [9; 16]. Мы их сегодня с долей условности рассматриваем как синонимы. Несмотря на таких многих вариантов названия, в точном смысле рассматриваемого понятия все они имеют недостатки.

В современной правоведческой литературе в основном сложилось единое понимание того, что должно входить в содержание понятия «физические и нравственные страдания». Это очень удачно и удобно проиллюстрировано на примерах в форме таблицы Т.П. Будяковой [10, стр. 19] (Таблица 1).

Легальное определение физических и нравственных страданий как унижения, раздражения, подавленности, гнева, стыда, отчаяния, физической боли, ущербности, дискомфортного состояния и т. п. дано в Особенной части Гражданского кодекса Республики Казахстан (п. 1 ст. 951). Все же, это не сняло трудностей в его практическом применении.

Разными авторами признаки понятий «физические» и «нравственные страдания» определены по-разному, что видно из приведенной таблицы. Исходя из этого А.М. Эрделевский пошел по пути отказа от рассмотрения содержательной стороны физических и нравственных страданий.

Он, в частности, пишет, что «для определения размера компенсации следует учитывать не вид (характер) нравственных или физических страданий, а характер и значимость тех нематериальных благ, которым причинен вред, поскольку именно их характер и значимость для человека определяют величину причиненного морального вреда» [44, стр. 130-131]. Для разрешения проблемы он предложил ввести в оборот зарубежную концепцию среднего разумного человека [6, стр. 61], согласно которой средний человек в сравнимых обстоятельствах должен испытывать определенные страдания. Сами страдания, а также их интенсивность, при этом презюмируются. Ученый разработал также специальную таблицу, согласно которой сумма компенсации за моральный вред коррелирует с системой штрафных санкций, предусмотренных за преступления, в результате совершения которых может возникнуть моральный вред.

В таблице показаны определенные на основе предлагаемого ученым метода размеры компенсации презюмируемого морального вреда для различных видов правонарушений. Поскольку отдельные виды правонарушений не влекут уголовную ответственность, размер компенсации презюмируемого морального вреда, причиненного ими, принимались в таблице равным размеру компенсации того же вреда для видов преступлений, вызывающих, по его мнению, страдания сходной глубины [43, стр. 195-197].

По таким основаниям Т.П. Будякова считает, что подход А.М. Эрделевского представляется привлекательным. Во-первых, несмотря на трудности в оценке собственно физических и нравственных страданий, он не призывает отказываться вообще от этого признака в определении морального вреда, как это делают некоторые другие ученые, а предлагает ввести правило презюмирования страданий при нарушении личных неимущественных прав. Во-вторых, задаются объективные критерии для расчета справедливой суммы компенсации морального вреда: судейское усмотрение получает материальную опору в виде специальных расчетных таблиц. В-третьих, предусматриваемое правило презюмирования морального вреда позволяет сделать менее напряженной этико-психологическую проблему описания потерпевшим своих страданий [10, стр. 20].

Главным моментом в праве на возмещение морального вреда является отыскание денежного

Таблица 1

№ п/п	Ф. И. О. автора	Год издания соответствующей работы	Содержание понятий «физические» и «нравственные страдания»
1	Малеин Н.С. [27, стр. 33]	1993	Физические и нравственные страдания: унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, физическая боль, ущербность, дискомфортное состояние
2	Эрделевский А. М. [44, стр. 130]	1997	Физические страдания: негативные ощущения: боль, удушье, тошнота, зуд, головокружение и иные болезненные симптомы Нравственные страдания: страх, стыд, унижение, другие негативные эмоции или иное неблагоприятное в психологическом аспекте состояние
3	Голубев К.И., Нарижный С.В [14, стр. 93-94]	2000	Физические страдания: головные боли, боли в желудке, гипертония и т. д. Нравственные переживания: отрицательные эмоции, возникающие в человеческой психике: отвращение, страх, грусть и т. д., а также более глубокие последствия на психическом уровне в виде неврозов и невротических реакций
4	Малеина М.Н. [29, стр. 48]	2001	Физические страдания: физическая боль Нравственные страдания: испытываемый страх, унижение, беспомощность, стыд, разочарование, переживание иного дискомфортного состояния в связи с утратой родственников, потерей работы и др.
5	Анисимов А.Л. [5, стр. 48]	2001	Физические и нравственные страдания: унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, дискомфортное состояние и т. д.
6	Гущин Д. И. [17, стр. 165]	2002	Физические страдания: боль, удушье, тошнота, зуд, жжение и т. д. Нравственные страдания: обида, страх, возмущение, горе, чувство утраты

эквивалента нарушенному личному неимущественному благу гражданина или юридического лица, а точнее сама постановка вопроса о возможности компенсировать причинение морального вреда.

В доктрине отечественного гражданского права предлагаются и иные концепции методики определения размера причиненного вреда. Однако ряд из них основывается на методике А.М. Эрделевского.

Так, М.Н. Малеина предлагает к числу критериев определения размера компенсации за причинение морального вреда отнести общественную оценку фактического обстоятельства (обстоятельств), вызвавшего вред, и область распространения сведений о происшедшем событии. При причинении физического вреда – вид и степень тяжести повреждения здоровья, длительность или кратковременность расстройства здоровья, степень стойкости утраты трудоспособности и т. д. [29].

А.В. Шичанин к исследуемым критериям относит силу причиненного вреда, материальное и социальное положение сторон, а также местные условия и нравы [42].

В.Я. Понаринов, в свою очередь, предложил внедрить два самостоятельных метода оценки морального вреда: «поденный» и

«по-санкционный» [34]. Посанкционный метод основывается на соотношении размера компенсации морального вреда со степенью меры наказания преступника, что соответствует методу А.М. Эрделевского.

Суть же поденного метода сводится к принятию судом во внимание количества дней в году и учету доли ежемесячного заработка (дохода) виновного, приходящегося на один день. Если суд придет к выводу о необходимости взыскания с ответчика суммы денег в размере семнадцатидневного дохода, то, зная его доход, приходящийся на один день, легко определить и общую сумму, подлежащую взысканию с виновного в качестве компенсации морального вреда.

Далее раскроем понятия «физических страданий» и «нравственных страданий».

Согласно буквальному толкованию ст. 1116 ГК РТ, учет индивидуальных особенностей потерпевшего может осуществляться только после определения характера его физических и нравственных страданий. Индивидуальные особенности потерпевшего и фактические обстоятельства причинения морального вреда являются факторами, уточняющими характер переживаемых страданий.

В законе не дано определение рассматриваемого понятия.

«Страдание» – категория, достаточно разработанная в теории этики, но для наших целей надо раскрыть ее психологического понимания. В традиционных психологических исследованиях не используется такой термин, как «страдание». Однако есть другие психологические понятия, которые можно считать его аналогами. Совершенно очевидно, что речь идет об эмоциональной сфере личности человека и о ее нарушениях, связанных с травматическими воздействиями на нее. В психологии, изучающей кризисные состояния человека, выработан специальный терминологический аппарат, с помощью которого обозначаются элементы кризисных состояний. К ним относятся, во-первых, понятие психической травмы, под которой понимается своеобразный психологический феномен, проявляющийся в дезорганизующей вредности воздействия на личность человека, характеризующийся определенной функциональной организацией и определенным отношением к другим элементам сознания [8, стр. 28]. Это тяжелые, иногда сверхсильные, для личности переживания, сопровождающиеся отрицательными эмоциональными реакциями [30, стр. 24]. В психоаналитической литературе этот феномен называется личностным комплексом.

Другим понятием, характеризующим кризисное состояние человека, можно считать термин «психотравмирующая ситуация», под которой понимается необычное событие, способное вызвать тяжелый психологический стресс, сопровождающийся чувствами страха, ужаса, беспомощности, униженности и т. д.

Психотравмирующая ситуация может стать источником как нравственных, так и физических страданий.

В научной литературе встречается также термин «моральные потери», под которым понимается умаление личных неимущественных прав и (или) нематериальных благ [26, стр. 306].

Таким образом, «моральная травма» – это факт умаления личных неимущественных прав и (или) нематериальных благ; «психическая травма» – это результат негативного морально-психологического или физического воздействия, фиксирующийся в психике человека в виде психических переживаний.

Использование категории «психическая травма» позволяет оценить физические и нравственные страдания с точки зрения их силы, а также определить характер этих страданий, различающихся, как правило, в зависимости от вида личностного комплекса, ставшего продуктом моральной травмы. Вместе с тем вид образовавшегося комплекса напрямую связан с индивидуальными особенностями потерпевшего, такими, например, как пол, возраст, социальное положение, социальный статус и т. д., что, в свою очередь, облегчает установление связи характера переживаемых страданий с индивидуальными признаками потерпевшего.

Сила переживаемых страданий будет разной в зависимости от того, что стало результатом моральной травмы: простая эмоция, которая со временем забывается, или глубокий личностный комплекс, коррекция которого требует больших душевных затрат и специальной квалифицированной психологической помощи. Кроме того, каждый вид комплекса обладает своей степенью тяжести с точки зрения глубины образуемой психической травмы. Также важно иметь в виду, что одна и та же ситуация может порождать у потерпевшего два и более личностных

комплексов, увеличивая степень его страданий. Все эти моменты надо учитывать при характеристике вида страданий человека, претерпевшего моральный вред.

В свете вышесказанного можно уточнить содержание понятия «нравственное страдание», придав ему необходимый юридико-психологический смысл, облегчающий его применение в юридической теории и практике. Нравственное страдание – родовой термин, обозначающий негативные эмоции и эмоциональные состояния (например, личностные комплексы), вызванные неправомерным вторжением в сферу нравственного сознания личности.

Общее определение комплекса в наиболее развернутом виде дано у К.Г. Юнга: «Комплексы – это психические величины, которые лишены контроля со стороны сознания. Они отщеплены от него и ведут своего рода существование в темной сфере души, откуда могут постоянно препятствовать или же содействовать работе сознания. Комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае, комплексам присущи признаки: конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные точки» [48, стр. 101].

Самый негативный результат наличия комплекса состоит в том, что аффективные переживания, связанные с моральной травмой, возникают каждый раз, когда что-либо даже косвенно напоминает о психотравмирующей ситуации и человек многократно повторно претерпевает физические и нравственные страдания [10, стр. 31-32]. Далее автор рассматривает наиболее типичные комплексы (комплекс неполноценности, личностного образца, авторитета) возникающие вследствие моральных травм.

Можно выделить три степени нравственных страданий в зависимости от их характера:

1) уровень простых эмоций: обиды, стыда, страха и т.д., которые носят кратковременный и легкоизживаемый характер;
2) нравственные страдания в виде личностных комплексов, которые обладают большим стрессогенным зарядом, закладываются в структуру личности на длительное время и все это время оказывают патогенное деформирующее влияние на нее;
3) уровень разрушения психологических защит, когда результатом психотравмирующего воздействия становится психическая болезнь или психические расстройства в форме пограничных психических состояний (психогений) или такая степень переживаний, которую Г. Селье назвал дистрессом (в отличие от стресса) [38, стр. 30].

На этом уровне сознание человека еще способно к нравственным переживаниям, сопоставимым с переживаниями нормального человека. Следующая степень психической травмы приводит к такому разрушению личности человека, что можно говорить только о болезненных переживаниях, имеющих особый характер.

Такое понимание в подходе к решению изучаемой проблемы в общем виде просматривается и в зарубежном праве. Так, в гражданском законодательстве Израиля дается легальное определение малозначительных действий, которые не должны «рассматриваться как незаконные действия, в отношении которых обычный разумный человек в данных обстоятельствах не подал бы жалобу в силу их малозначительности» (пункт 4 части Б Ордонанса о возмещении вреда) [33, стр. 373-438]. Тем самым высказывается отношение к компенсации малозначительного, в том числе малозначительного морального, вреда, который, по мнению законодателя Израиля, не может быть предметом рассмотрения.

В английском гражданском праве за незначительный моральный вред присуждается символическая плата [35, стр. 59-60].

В зарубежной судебной практике при оценке степени последующих переживаний встречается также критерий психической травмы, возникшей у потерпевшего в результате причиненного психического вреда. Степень причиненного психического вреда различается в зависимости от значительности его воздействия на психику человека: «psychological injury» (психический вред), который не деформирует сознание и личность человека, и «psychiatric injury» (психиатрический вред), продуктом которого являются патологические изменения в личности человека. Различаются также «ordinary shock» (обыкновенный шок, обыкновенное потрясение), когда нет значимых психологических изменений в психике и личности потерпевшего, и «nervous shock» (нервный шок, нервное потрясение), когда воздействие на психику человека приводит к

серьезным нервным расстройствам.

Согласно праву Великобритании и всех штатов США, аналогом морального вреда является «психологический вред» (psychological damage), который определяется как «физические и психические страдания» (physical and mental sufferings), причем под психическими страданиями англо-американская судебная практика понимает негативные эмоциональные реакции (emotional reactions) [45, стр. 2].

Особой проблемой является вопрос о возможности компенсации психического вреда лицам, у которых в результате психотравмирующего воздействия произошел распад личности и они в силу этого уже не способны адекватно отражать окружающую действительность [44, стр. 11, 22, 54].

Разрешение проблемы об определении понятия «нравственные страдания» имеет еще один аспект, обсуждавшийся в научной литературе. Некоторые авторы предлагают вместо понятия «моральный вред» ввести в оборот термин «психический вред», мотивируя это тем, что «моральный вред находит выражение в негативных психических реакциях потерпевшего» [44, стр. 11]. Другие авторы по тем же основаниям считают более правильным использовать термин «эмоциональные страдания» [19, стр. 126]. Но основная дискуссия развернулась вокруг сравнения преимуществ двух терминов: «неимущественный» и «психический вред». Оппоненты разделились в основном на два лагеря. Одни считают более приемлемым термин «неимущественный вред», другие – «психический» [29, стр. 48; 32, стр. 35-36].

По мнению М.Е. Матросовой более целесообразно пользоваться термином, который закреплен в действующем законодательстве (т. е. «моральный вред»), так как это позволит избежать дополнительных трудностей в правоприменительной деятельности и судебной практике, является более целесообразным [31, стр. 152]. Термин «моральный вред» имеет более благородное звучание, и в этом смысле он практически более приемлем [10, стр. 40].

Иное мнение у А.М. Эрделевского. По его мнение понятие «моральный вред» было введено в гражданское законодательство для сохранения терминологической преемственности с уголовно-процессуальным законодательством. «Принимая во внимание установленное законодателем содержание этого понятия (нравственные и физические страдания), название «моральный вред» вряд ли может быть признано удачным, поскольку понятие «мораль» применительно к личности означает совокупность представлений об идеале, добре и зле, справедливости и несправедливости» [45, стр. 1].

Нельзя не согласиться с М.Н. Малеиной о том, что понятия «моральный» и «неимущественный» вред нельзя считать тождественными [28, стр. 27], так как не каждый неимущественный вред является моральным.

Мы допускаем использования понятия «моральный вред» с долей условности. Сложившаяся практика и широкое распространение нас склоняет к этому.

Т.П. Будякова условно выделяет четыре степени негативных нравственных переживаний:

- 1-я степень – легкие страдания;
- 2-я степень – страдания средней тяжести;
- 3-я степень – тяжкие страдания;
- 4-я степень – особо тяжкие страдания.

Однако очевидно, что далее требовалась бы расшифровка того, чем отличаются легкие страдания от средних и т. д. Здесь был бы недостаточен показатель силы и длительности негативных переживаний, так как иногда даже вроде бы чрезмерные страдания в дальнейшем не оставляют в психике человека какого-либо значительного следа. С этой точки зрения более продуктивным был бы показатель, отражающий не только силу и длительность переживания, но и его уровень, т. е. фиксирующий качественные различия в воздействии на психику человека. Характер нравственных страданий как раз и является таким комплексным показателем. Это понятие как более широкое по объему включает в себя ряд существенных для оценки морального вреда признаков:

а) силу страданий;
б) их длительность;
в) их уровень и содержание (например, вид личностного комплекса, так как разные личностные комплексы имеют разную перспективу и трудности в их коррекции).

Для сравнения она привела критерии определения степени психического вреда, заложенные в Тарифной схеме компенсаций за вред, причиненный преступлением, действующей в Великобритании с 1994 г., которых цитирует по книге А.М. Эрделевского.

В основу оценки положено два основных признака:

а) длительность расстройства;

б) степень утраты жизненной активности,

т.е. учитываются не только количественные (длительность), но и качественные изменения в деятельности потерпевшего.

В целом можно констатировать, что с учетом характера нравственных страданий можно выделить следующие их степени.

- 1-я степень – легкие страдания, выражающиеся в обычных ситуативных нравственных эмоциях; кратковременные и не оставляющие глубокого следа.
- 2-я степень – страдания средней тяжести, длительные по продолжительности, оказывающие влияние на психическое и физическое благополучие личности в ситуациях, вызывающих воспоминание о вредоносном воздействии, не приводящие к болезненным психическим изменениям.
- 3-я степень – тяжкие страдания, имеющие симптоматику пограничных психических расстройств, требующие специального психолого-психиатрического лечения.
- 4-я степень – особо тяжкие страдания, приводящие к трансформации личности человека (психическая болезнь с возможными моментами ремиссии или частичным осознанием произошедшего).
- 5-я степень – страдания заблокированы ситуацией полного распада личности.

Индивидуальные особенности потерпевшего и фактические обстоятельства причинения вреда оказывают влияние на характер нравственных страданий следующим образом:

а) в зависимости от значимости для конкретной личности произошедшего у нее в качестве психологической реакции может возникнуть или обычная эмоция, или личностный комплекс, или пограничное нервное расстройство, или психическая болезнь; для другой личности, с иными индивидуальными особенностями, это может быть другой уровень нравственных реакций;

б) фактические обстоятельства причинения вреда, например его публичность, могут изменить характер страданий, по сравнению с иными случаями, например, вместо обычной эмоции может возникнуть личностный комплекс и т. д.

Оценку степени и характера нравственных страданий, а также их зависимость от индивидуальных особенностей потерпевшего и фактических обстоятельств причинения вреда можно производить с помощью судебно-психологической, судебно-психиатрической, комплексной судебной психолого-психиатрической и судебно-патопсихологической экспертиз. [10, стр. 42-45]

Содержание понятия «физические страдания» как негативных ощущений в виде боли, тошноты, дискомфорта и т. п. является установившимся в литературе [10, стр. 45-57]. В качестве одного из признаков морального вреда указывается боль. В зарубежной судебной практике к физическим страданиям также относят головные боли, потерю сна и т. п. Рассматривается вопрос о вторичных физических страданиях как результат нравственных страданий и болезненных изменений в организме как продукте развития заболевания на почве первичных физических страданий [43]. В то же время остается без внимания значение термина «характер физических страданий». Можно согласиться с М.Н. Малеиной в том, что при оценке степени испытываемых потерпевшим физических страданий при нанесении вреда здоровью можно использовать критерии, применяемые в уголовном праве.

Боль является охранительной реакцией организма на неблагоприятные изменения в нем. Выполняя сигнальную функцию, боль, кроме информации о факте негативных изменений, сигнализирует и об их силе. Аналогичную роль в жизнедеятельности организма выполняют и иные негативные ощущения: тошнота, физический дискомфорт, удушье и т. п.

Однако оценка физических страданий только в соотнесении с критерием причиненного физического вреда является недостаточной, если речь идет не об обычном человеке. Здесь не учитываются индивидуальные особенности потерпевшего, например, индивидуальная повышенная или пониженная чувствительность к боли. Поэтому нельзя, как это предлагают некоторые исследователи, отождествлять термины «физические страдания» и «физический вред», подменяя один другим (см.выше об их соотношений).

Физический вред является многоплановым показателем, включающим как негативные изменения в телесной организации человека,

так и биохимические, термодинамические, нервно-гуморальные и иные неблагоприятные изменения в органах и тканях индивида. Это продукт воздействия на человека как представителя биологического вида. В уголовных кодексах разных стран аналогами этого понятия являются: «телесное повреждение» (УК ФРГ; УК Японии); «вред здоровью» (УК РФ); оба вышеприведенных признака «телесное повреждение и иной вред здоровью» (УК Австрии; УК Швейцарии; УК Аргентины; УК Республики Молдова). В Уголовном кодексе Испании уточняется, что под вредом здоровью понимается вред как физическому, так и психическому здоровью (ст. 147). В Уголовном кодексе Австралии психическая болезнь признается психическим вредом.

В медицине давно известны случаи, когда моральные травмы делали человека инвалидом.

Определенная специфика в оценке степени морального вреда присутствует в ситуации, где потерпевший претерпевает одновременно как физические, так и нравственные страдания, поскольку один вид переживаний может увеличивать степень другого переживания.

Представляется, что в таких случаях надо отдельно определять степень как физических, так и нравственных страданий, а сумма компенсации должна представлять собой общий итог от сложения суммы за физические и нравственные страдания. В то же время результаты судебно-медицинской экспертизы, оценивающей физический вред, и судебно-психологической, которой подлежит оценка физических и личностных переживаний, должны соотноситься друг с другом и дополнять одна другую. Судебно-психологическую экспертизу такого рода, по нашему мнению, должны выполнять медицинские психологи.

Список литературы

1. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.
2. Алексанин А.С. Использование результатов получения компьютерной информации в уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2. – С. 130-135.
3. Алексанин А.С. О понятии и содержании оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1. – С. 153-159.
4. Алексанин А.С., Захарцев С.И. Введено новое оперативно-розыскное мероприятие: «получение компьютерной информации» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 5. - С. 145-149.
5. Анисимов А.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. – 224 с.
6. Афанасьева Е.Г. Деликтная ответственность за причинение вреда пациентам по праву США (научно-аналитический обзор) // Реферативный журнал. – 1995. – № 1.
7. Бабаджанов И.Х. Рецензия на монографию Менглиева Ш. «Возмещение морального вреда». - Душанбе, 1998. - 132 с. // Правовая жизнь. – 2019 – № 2(26). – С. 262-270.
8. Бассин Ф.В., Рожнов В.Э., Рожнова М.А. Психическая травма (к современному пониманию ее природы и общих принципов ее психотерапии) // Руководство по психотерапии / Под ред. В.Е. Рожнова. – Ташкент: Медицина, 1979. – 192 с.
9. Беляцкин С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. – М.: Городец: LIBE, 1997. – 75 с.
10. Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 249 с.
11. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 128 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
12. Воробьев А.В. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 179 с.
13. Воробьев В.А. Право человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, по законодательству Российской Федерации (гражданско-правовой аспект): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008. – 207 с.
14. Голубев К.И., Нарижний СВ. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ

личности. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 327 с.
15. Горшенков Г.Г. Моральный вред и его компенсация по российскому законодательству: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1996. – 18 с.
16. Гуссаковский П. Н. Вознаграждение за вред, причиненный недозволенными деяниями // Журнал министерства юстиции. – 1912. – № 8. – С. 1-50.
17. Гущин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред. – СПб. Юридический центр Пресс, 2002. – 163, [3] с.
18. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности
19. Ермолаева О.Н. Нематериальные блага и их защита. Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 150 с.
20. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
21. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 320 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
22. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы: Монография. Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
23. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
24. Игнащенков Ю.Ю. Правовая регламентация обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
25. Игнащенков Ю.Ю., Захарцев С.И. Об истории возникновения и развития контроля почтовых отправлений // История государства и права. – 2006. – № 3. – С. 22-23..
26. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве: Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1994. – 435 с.
27. Малеин Н.С. О моральном вреде // Государство и право. – 1993. – № 3. – С. 32-39.
28. Малеина М.Н. Компенсация за неимущественный вред // Вестник Верховного Суда СССР.– 1991. – № 5. – С. 27-29.
29. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. – М.: МЗ Пресс, 2001. – 244 с.
30. Матвеев В. Ф., Гройсман А. Л. Профилактика вредных привычек школьника. – М.: Просвещение, 1987. – 96 с.
31. Матросова М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис.... канд. юрид. наук. – М., 1997. – 211 с.
32. Нарижный С.В. Компенсация морального вреда: уголовно-процессуальный аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 206 с.
33. Ордонанс о возмещении вреда (новая редакция) 1968 г. // Гражданское законодательство Израиля. – СПб.: Юридический центр Пресс 2003. – 631 с.
34. Понаринов В. Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1994. – 192 с.
35. Райкин В., Санникова Л. Обязательства из причинения вреда в английском праве // Российская юстиция. – 2001. – № 4. – С. 59-60
36. Рахимзода Р.Х. Законодательство и оперативно-розыскная политика государств – участников СНГ // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 133-146.
37. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность: История и современность – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 320 с.
38. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1982. – 124 с.: ил.
39. Табунщиков А.Т. Проблемы компенсации морального вреда в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Белгород, 2005. – 26 с.
40. Хохлов В. А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. – Тольятти: ТолПИ, 1997. – 318 с.
41. Шахматов А.В., Захарцев С.И. Вопросы возникновения и развития правового регулирования контроля почтовых отправлений в сфере содействия борьбе с преступностью // Правовые вопросы связи. – 2005. – № 1. – С. 47-48

42. Шичанин А. В. Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – 34 с.
43. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики – М., 1999.
44. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Форум: ИНФРА-М, 1997. – 239 с.
45. Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания. Научно-практическое пособие. – М.: ВЕК, 1998, – 188 с.
46. Эрделевский А.М. Моральный вред: соотношение с другими видами вреда. // Российская юстиция. – 1996. – № 6. – С. 19-21.
47. Эрделевский А.М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве: Дис.... докт. юрид. наук. – М., 2000. – 348 с.
48. Юнг К. Г. Аналитическая психология. – М.: Ювента, 1995. – 360 с.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

СТАРОВОЙТОВА Ольга Эдуардовна,
профессор кафедры теории и истории права и государства Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: profstarovoitova1@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

К ВОПРОСУ ПЛОДОИЗГНАНИЯ В СВЕТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА

Аннотация. *Дан краткий анализ развития российского законодательства в вопросах, связанных с плодоизгнанием, абортами, детоубийством в свете Судебной реформы 1864 года. Отмечается, что практика применения законодательства Российской империи поставила на рубеже XIX века вопрос о нецелесообразности и бесполезности закона о плодоизгнании.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *Судебная реформа 1864 года;Устав уголовного судопроизводства; плодоизгнание; аборт.*

STAROVOITOVA O.E.

TO THE ISSUE OF FRUIT EXPULSION IN THE LIGHT OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

The summary. *A brief analysis of the development of Russian legislation in matters related to fetal expulsion, abortion, infanticide in the light of the Judicial Reform of 1864 is given. It is noted that the practice of applying the legislation of the Russian Empire at the turn of the 19th century raised the question of the inappropriateness and futility of the law on fruitful exile.*

The article is being published in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *Judicial Reform of 1864; Charter of Criminal Procedure; fruiting; abortion.*

Основой проекта Устава уголовного судопроизводства, при проведении реформы 1864 года, послужил французский Кодекс предварительного расследования 1808 года (Code d"instruction criminelle 1808). По мнению С.В. Познышева, Судебные Уставы представляют собой законодательный памятник, стоящий выше многих законодательных работ Европы [12, стр. 8]. Необходимо отметить, что вышеуказанный кодекс действовал до 1958 года и послужил моделью для многих европейских стран. Тем не менее, составители Устава уголовного судопроизводства не ограничились лишь переводом статей французского уголовного кодекса, а, по мнению Г.А.Джаншиева, «придумывали комбинации, которые могли бы обеспечить непреложное и неискаженное исполнение [8, стр. 4-8]. Так, например, российское уголовное право использует в своем обороте понятие l"action publique, т.е. публичный иск. Но, по мнению Л.В.Головко [7, стр. 7], это не принципиально.

Прежде, чем рассматривать вопрос о плодоизгнании, или об охране жизни нерождённых детей в свете Устава уголовного судопроизводства, следует отметить следующие исторические аспекты.

Устав князя Ярослава сурово наказывал женщин, которые при муже «детяти погубять», грозя им пострижением в монашество. Еще строже карались аборты. Ряд церковных постановлений предусматривал защиту здоровья беременной, роженицы и ее ребенка.

Законодательные акты Древней Руси не предусматривали наказания за данный вид преступления, однако, церковь разрешала мужьям самим казнить жен, совершивших детское «душегубство», «исказивших» в себе ребенка, использовавших всякие «зелья». Но суровое наказание за детоубийство и плодоизгнание предусматривалось не только для женщин, но и для мужчин, причинивших вред беременной, роженице или ее ребенку, которое приравнивалось к убийству [13, стр. 94-95].

В канонических источниках мы можем прочитать суждение Василия Великого: «Умышленно погубившая зачатый в утробе плод подлежит осуждению как за убийство». С начала средних веков данные идеи проникли в светское законодательство различных европейских государств. Вестготское законодательство VII века в качестве наказания за изгнание плода установило смертную казнь. Впоследствии, в 1649 г., смертная казнь за плодоизгнание была введена и в России. Влияние христианской морали и законов в XV, XVII веках исключили аборт как медицинскую операцию из врачебной деятельности [6]. Поворотным становится 1852 г. Вслед за этим медицинская наука начинает отстаивать медицинские показания к искусственному аборту, в тех случаях, где беременность угрожает жизни матери. Смертная казнь за плодоизгнание вытесняется из законодательств европейских государств, но при этом сохранив за собой статус преступления «против жизни, против семьи и общественной нравственности».

В русском уголовном кодексе 1832 года изгнание плода упоминается среди смертоубийства. В соответствии со ст. ст. 1461, 1462 Уложения о наказаниях 1885 года искусственный аборт наказывался четырьмя-пятью годами каторжных работ, либо лишением прав состояния, или, ссылкой в Сибирь на поселение.

В период правления империи законодательные основы определяют изгнание плода как преступление, противозаконное, сознательное и волевое умерщвление плода, воспринимаемое как убийство.

Вопрос о точном ограничении детоубийства от умерщвления плода в период Российской империи относится к спорным. Так, Н.С. Таганцев, полагал, что различие плодоизгнания и детоубийства заключается в следующем: «пока зародыш существует утробною жизнью, он может быть объектом первого преступления, как скоро получил он внеутробное самостоятельное бытие, посягательство на него является или детоубийством, или просто убийством, смотря по тому, кем и когда оно совершается» [18, стр. 263].

В более поздний период М.М. Боровитинов, изучив указанную проблему, обратил внимание на различные мнения в судебной практике при разрешении вопросов об отграничении детоубийства и плодоизгнания. Согласно первому, с момента начала родов младенец должен был рассматриваться не как зародыш или плод, а как живой человек, и лишение его жизни должно признаваться убийством. Другое мнение предлагает обратить внимание на то, когда последовало приложение силы – в утробе или вне утробы, что послужит основанием в определении истребления плода, его умерщвления даже во время

родов, такими действиями, которые прекращают его жизнь еще в утробе матери, или детоубийству – умерщвление вне утробы. Третье, основополагающее мнение – начало дыхания. Следует признавать детоубийством, а не истреблением плода [5, стр. 16].

Безнаказанности лиц, совершивших плодоизгнание, способствовало невозможное установление факта избавления от нежелательной беременности. А.С. Игнатовский отмечал, что до суда доходит только незначительное количество случаев, большая же часть их скрывается; да и те дела, которые расследуются судом, возбуждаются большей частью случайно, редко вследствие доноса потерпевшего, а чаще благодаря доносу конкурентов этого же ремесла [10, стр. 342].

Установление умысла виновного в совершении избавления от беременности представляло собой сложную задачу, которая стояла перед судом присяжных при разрешении дел о плодоизгнании. В связи с этим, юристы пытались дать подробную классификацию группам средств для произведения уничтожения плода или выкидыша. Так, например, Н.С. Таганцев выделял две группы средств: психические (сильный испуг, сильное нервное потрясение) и физические (излишнее употребление спиртных напитков, через меру частое совокупление, непосильная ходьба и работа, побои, кровопускания, приставление пиявок к половым органам, механические) [18, стр. 275].

Эксперт (врач), должен был доказать наличие причинной связи, установив, что выкидыш был вызван действиями виновного, то есть.

Но проблема другого характера заключалась в том, что истребление плода, как убийство, могло быть совершено и по неосторожности, что по законодательству периода империи являлось не наказуемым. Основанием служило доказательство того, что виновный знал или мог знать сам факт беременности.

К трудноразрешимым вопросам относился и сам факт установления виновного лица. Кроме того, выкидыш мог быть произведен и специалистами, получившими медицинское образование, например, врачом, акушеркой, аптекарем и для таких лиц наказание усиливалось. А.С. Игнатовский обращает внимание, «что по факту, ответчиками перед законом являются исключительно повивальные бабки, врачи же большей частью ускользают от суда, так как они сами в большинстве случаев не производят выкидыша, а дают только указания» [10, стр. 343].

При установлении виновности в совершении плодоизгнания или убийства рожденного ребенка большое значение имел место мотив, которым руководствовалась женщина при избавлении от нежелательной беременности. Оправдательными являлись для женщины виновной в намеренном изгнании плода следующие мотивы: стыд, страх, нужда. Страх, по мнению А.С. Игнатовского «обуславливался также нуждой – боязнью лишения места. С другой стороны, богатые нередко производили выкидыш, чтобы подольше сохранить свежесть лица и молодость» [10, стр. 342].

К концу XIX в. суды Российской империи в делах по преднамеренному прерыванию беременности в большинстве случаев оправдывали лиц, которым инкриминировалось данное деяние.

И.Б. Фукс объяснял это сложностью в большинстве случаев возможности определения, имело ли в данном казусе место плодоизгнание и, к тому же, преступное оно или нет, а так же «трудность выяснения того, что эмбрион до употребления абортивных средств был еще жив и что изгнан был не мертвый плод или что изгнание плода произошло вследствие деяний законом преступными не признаваемых, как, например, употребление лекарств, плодогонных свойств которых беременная не знала и принимала которые в иных целях или поднятия тяжести» [19, стр. 17].

Можно сказать, что законодательство периода Российской империи, практика его применения поставили на рубеже XIX века, вопрос о нецелесообразности, бесполезности закона о плодоизгнании, и, как следствие, вопрос о совершенном его упразднении.

Таким образом, Судебными уставами 1864 года создавалась эффективная система правосудия с оригинальными способами судебного производства.

Сегодня эта проблема продолжает оставаться актуальной. Она все чаще привлекает внимание исследователей [16; 17]. Представляется, что к ее исследованию и решению необходимо подходить с более широких философско-правовых позиций, с учетом политических, теоретико-правовых, этических подходов, задач, стоящих

перед российским обществом, государством, и методологией изучения правовой реальности [2].

В крайние годы в этом направлении сделаны серьезные шаги. Мы имеем прорывные достижения в области биомедицинских технологий [1; 3; 4; 9; 14] и биоюриспруденции [15].

Нужны новаторские исследования в области философско-правовой оценки данных достижений. Они способны существенно повлиять и на биомедицину, и на биоюриспруденцию, а в конечном счете - на нашу правовую реальность. Применительно к соматическим правам человека об этом ведет речь профессор В.В. Крусс уже с конца XX века [11].

Список литературы

м1 Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).

1. Боровитинов М.М. Детоубийство в уголовном праве. – С.-Петербург: типолитография С.-Петербургской тюрьмы, 1905 г., – 29 с.
2. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лябов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX вв. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
3. Головко Л.В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. – М.: СПАРК., 1995. – 130 с.
4. Джаншиев Г.А. Основы судебной реформы) к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. – М. : Тип. М. П. Щепкина, 1891. – XVI, 364, 52 с.
5. Игнатовский А.С. Судебная медицина. Выпуск 1. – Юрьев: типография К. Маттисена,1911. – [2], XII, [2], 424 с.: ил.
6. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М.: Г.А. Лемана, 1913. – 337 с.
7. Пушкарева Н.Л. Женщины древней Руси. – М. : Мысль, 1989. – 286,[1] с., [16] л. ил.
8. Старовойтов В.Н. Соматические права человека: право на аборт // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 201-209.
9. Старовойтова О.Э. Детоубийство как следствие кризиса общественного сознания // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 153-169.
10. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. Том II. – С.-Пб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. – 524 с.
11. Фукс И. Б. Проблема преступности плодоизгнания. – Харьков: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1910. – 22 с.

м2 Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.

м3 Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – Серия: «Право и медицина».

м3 Болсуновский В.А., Заславский Г.И., Сальников В.П., Сальников М.В., Чёрный Я.А. Совершенствование законодательной и нормативной базы отечественной гомоимплантации // Юридическая наука: история и современность. - 2019. - № 3. - С. 94-103.

м3 Болсуновский В.А., Заславский Г.И., Сальников В.П., Толмачев И.А., Чёрный Я.А. Российское законодательство, регулирующее использование тела, органов и тканей умершего человека: некоторая научная оценка // Мир политики и социологии. - 2019. - № 6. - С. 113-118.

м3 Бабаджанов И.Х. (Бободжонзода И.Х.), Стеценко С.Г. Медицинское право Республики Таджикистан: Учебник для медицинских и юридических вузов / Предисловие: В.П. Сальников и Ш.Т. Тагайназаров. – Душанбе: Дониш, 2019. – 737 с.

м3 Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. - 2013. - № 11. - С. 163-170.

м4 Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 43-50.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (г. Москва, Россия),
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ КНИГА О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ. Рецензия на монографию Н.А. Бобровой «Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 544 с.»

Аннотация. *Рецензируется монография «Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности». Рецензенты приходят к выводу о значимости и фундаментальности этой книги для юридической науки.*

Исследование будет полезно профессорско-преподавательскому составу и студенчеству. Кроме того, монография вызывает несомненный интерес и у широкого круга читателей.

Ключевые слова: *право; юриспруденция; юридическая наука; отрасли права; юридическая ответственность.*

ZAKHARTZEV S.I.
SAL'NIKOV M.V.

FUNDAMENTAL BOOK ON LEGAL LIABILITY. Review of the monograph by N.A. Beaver “General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility: a monograph. – M .: Yurlitinform, 2019. – 544 p."

The summary. *The monograph “General Theoretical and Intersectoral Aspects of Legal Responsibility” is reviewed. Reviewers come to the conclusion that this book is significant and fundamental for legal science.*

The study will be useful to faculty and students. In addition, the monograph is of undoubted interest in a wide range of readers.

Key words: *law; law; legal science; branches of law; legal responsibility.*

В 2012-2014 году были проведены обширные исследования правового прогресса – проблемы, которая длительное время была в тени мировой философии права [11; 19; 20; 22]. В результате исследования удалось обосновать и выделить такие основные критерии правового прогресса:

- достижение справедливости в правовых решениях, защищенность человека правом;
- понятность нормативно-правовых актов, простота их изложения;
- четкий правовой механизм реализации норм;
- уровень правосознания и правовой культуры, уровень доверия к праву;
- наличие разумного баланса между интересами личности, общества и государства [14; 16; 17; 18].

Предложенные выводы оказались востребованы мировой юридической наукой. Так, одна из монографий была переведена на несколько языков и издана даже в Кембридже [25]. Несмотря на современную откровенную нелюбовь ко всему русскому, по упомянутой монографии сейчас учатся английские студенты!

Для правового прогресса всем очевидна важность научной юридической литературы. Ведь именно в монографиях растолковываются и делаются понятными нормативно-правовые акты, разъясняются и разрабатываются четкие механизмы реализации норм, обосновываются пути достижения справедливости при применении права и т.д.

А если еще юридические книги написаны красивым русским языком, их чтение доставляет искреннее удовольствие не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Именно такие замечательные слова мы слышали от разных, в том числе незнакомых нам людей, в адрес недавно вышедшей в свет монографии Н.А. Бобровой под названием «Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности» [8].

Ознакомление с названной работой показало полную справедливость таких положительных слов. Книга, как следует из ее названия, посвящена одной из сложнейших тем юриспруденции – юридической ответственности. И профессор Н.А. Боброва в лучших традициях русской литературы смогла с одной стороны глубоко, а с другой стороны предельно доступно изложить в книге заявленную тему. Более того, содержание самой книги украшают отрывки стихов русских поэтесс [8, стр. 4, 20]. Такие новеллы органично дополняют поставленные в книге вопросы ответственности в праве.

Очевидно, что именно благодаря анализируемой монографии повышается уровень правовой культуры, правосознания и просто уровень доверия к праву [24].

С точки зрения чисто юридической науки книга Н.А. Бобровой написана безупречно. Она подготовлена на богатом научном материале: для ее написания использовано более 500 источников, в том числе более 150 монографий [8, стр. 500-538]!

Исследование проведено объективно и беспристрастно, с учетом комплексного анализа разных мнений специалистов.

Собственно, автор рецензируемой монографии Н.А. Боброва, являясь признанным ученым, всегда пишет на высочайшем уровне [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 9]. Не удивительно, что ее труды публикуются в «Юрлитинформе» – признанном лидере среди современных российских юридических издательств.

В выводах проведенного исследования Н.А. Боброва на примере юридической ответственности изучает вопрос о методологической роли теории государства и права по отношению к отраслевым видам юридической ответственности и возникших у некоторых представителей отраслевых юридических наук сомнений относительно этой роли. Этот вопрос крайне актуален в современной юридической науке, особенно в контексте иногда наблюдаемого своеобразного соревнования между «чистыми» теоретиками и «приземленными» отраслевиками относительно того, кто из них качественнее реагирует на современные вызовы. При этом, как верно отмечает Н.А. Боброва, в проблеме юридической ответственности накопилось достаточно много стереотипов, штампов и примитивизмов, на преодоление которых также направлена данная книга [8, стр. 382].

С Н.А. Бобровой нужно согласиться в том, что первой среди отраслевых видов ответственности следует назвать конституционную (конституционно-правовую) ответственность. Но при этом помнить, что конституционная ответственность является не единственным видом ответственности в механизме реализации конституционных норм. Более того, как точно

заметила автор, реализация многих конституционных запретов напрямую зависит от эффективности уголовной и иных видов ответственности. Именно на примере юридической ответственности наиболее ярко проявляется своеобразное научное противоборство между конституционалистами и представителями иных отраслевых дисциплин относительно роли различных отраслей права и обеспечения конституционного правопорядка [8, стр. 382-383].

Другие сформулированные в монографии выводы также следует поддержать.

Книга Н.А. Бобровой стала фундаментом изучения наукой юридической ответственности. Мы поздравляем автора с названным достижением.

Традиции науки не позволяют публиковать рецензии без замечаний. Следуя традициям отметим, что эффективное применение юридической ответственности не возможно без оперативно-розыскной деятельности. Выскажем доброе пожелание: больше учитывать труды по оперативно-розыскной деятельности в ходе дальнейших научных изысканий [10; 12; 13; 15; 21; 23].

Однако сделанное замечание-пожелание нисколько не снижает значимость и качество проведенного Н.А. Бобровой исследования.

Н.А. Боброва, несомненно, является авторитетным ученым, широко известным в науке и практике. Представленная ей книга имеет фундаментальный характер и уже стала настоящим научным событием! Мы рекомендуем рецензируемую книгу профессорско-преподавательскому составу, студентам, а также широкому кругу читателей.

Список литературы

1. Боброва Н. Конституция в зеркале учёных и политиков. Настольная книга политиков и конституционалистов. – СПб.: Алетейя, 2016. – 256 с.
2. Боброва Н.А. «Аркадий, не говори красиво!», или некоторые недостатки науки конституционного права (на примере публикации о парламентской ответственности) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 71-75.
3. Боброва Н.А. Дума о Думе: дневники и мемуары депутата четырех созывов. К 25-летию Самарской Губернской Думы. – Самара: СНЦ, 2019. – 195 с.
4. Боброва Н.А. Конституционализация или политизация позитивного права? По итогам Санкт-Петербургской конференции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 58-65.
5. Боброва Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 264 с.
6. Боброва Н.А. Мысли на острие. Яркие высказывания о политиках и политике. – Самара: Книга, 2011. – 344 с., илл.
7. Боброва Н.А. О номинальном и реальном целеполагании некоторых конституционных законов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 57-62.
8. Боброва Н.А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности. – М., 2019. – 542 с.
9. Боброва Н.А. Реформа местного самоуправления и ее итоги // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 111-117.
10. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 128 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
11. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с.
12. Захарцев С.И. Оперативно-розыскные мероприятия в России и за рубежом: Монография / Под общ. ред. В.П.Сальникова. – С.-Пб.: Фонд «Университет», 2004. – 256 с.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Вненаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193-199.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.

15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: новое направление исследования права // Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20-35.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
21. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
22. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
23. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
24. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
25. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия) (г. Москва, Россия),
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

СЛЕДСТВЕННОМУ КОМИТЕТУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НУЖНЫ СОБСТВЕННЫЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

Аннотация. *Обосновывается необходимость создания в рамках Следственного комитета Российской Федерации оперативно-розыскных подразделений: управления собственной безопасности и управления оперативного сопровождения расследований.*

Ключевые слова*: уголовный процесс; уголовное дело; Следственный комитет; оперативно-розыскная деятельность.*

ZAKHARTZEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.

THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION NEEDS ITS OWN OPERATIONAL INVESTIGATIVE UNITS

The summary. *The necessity of creating within the framework of the Investigative Committee of the Russian Federation the operational-search units: the department of own security and the department for operational support of investigations is substantiated.*

Key words: *criminal trial; criminal case; Investigative committee; operational-search activity.*

Как все мы помним, в 2011 году был создан Следственный комитет Российской Федерации. Решение о его создании органично вписывалось в реформирование уголовного судопроизводства, было совершенно логичным и обоснованным. Всем очевидно, что функция расследования преступлений должна быть строго отделена от функции надзора за расследованием преступлений и поддержанием обвинения.

Следственный комитет стал самостоятельным государственным органом и начал эффективно работать. Далее просто напрашивалось решение создать в Следственном комитете два подразделения: управление собственной безопасности и управление оперативного сопровождения расследования уголовных дел. Эти подразделения жизненно необходимы для функционирования названного органа.

Управление собственной безопасности, как минимум, должно проверять кандидатов на назначение на должности следователей и в аппарат указанного органа, а также бороться с коррупцией.

Управление оперативного сопровождения расследований должно пресекать попытки оказания любого давления на следователей, а также в рамках УПК выполнять отдельные поручения следователей и оказывать организационную помощь в расследовании. К организационной помощи относится, например, обеспечение следственных действий понятыми, когда они необходимы, обеспечение явки свидетелей и т.д. Все специалисты хорошо знают, как из-за этих казалось бы мелочей срывается производство следственных действий, тормозится расследование, теряются важнейшие доказательства. Названное управление должно также осуществлять оперативный контроль за обвиняемыми, находящимися не под стражей. Нередко бывает, что такие обвиняемые, пользуясь тем, что находятся на свободе, пытаются всячески противодействовать расследованию. Крайне важно зафиксировать их преступную деятельность и получить новые доказательства. Будем объективны: смиренно ожидают суда, пожалуй, только люди, совершившие в состоянии душевного волнения бытовое убийство и потом сильно раскаивающиеся об этом.

Однако указанные подразделения не появились в Следственном комитете до сих пор. И причина тому только одна: при создании указанных подразделений Следственный комитет станет органом, которому будет разрешено осуществление оперативно-розыскной деятельности (субъектом ОРД). Несмотря на очевидную необходимость, делать Следственный комитет субъектом ОРД не хотят.

Надо сказать, что органов, правомочных осуществлять ОРД, в России немного:

- органы внутренних дел Российской Федерации (ОВД).
- органы федеральной службы безопасности (ФСБ).
- федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны (ФСО).
- таможенные органы Российской Федерации.
- органы службы внешней разведки Российской Федерации (СВР).
- органы федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН)
- оперативные подразделения органа внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации (ГРУ).

Причем количество этих органов постоянно меняется. Статья 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающая какие органы относятся к субъектам ОРД, корректировалась (в чем парадокс!) едва ли не чаще других. Буквально недавно к субъектам ОРД относилась федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Были самостоятельными органы федеральной пограничной службы и агентства правительственной связи и информации. А о том, что когда-то в России существовали органы налоговой полиции многие современные юристы уже и не знают. Плюс к тому, половина субъектов ОРД изменила свое название, а структурные изменения произошли, кажется, вообще во всех!

Настала пора включить в число субъектов ОРД и названные подразделения Следственного комитета. В настоящее время, с учетом объективно имеющейся коррупции, наличие управления собственной безопасности в таком государственном органе как следственный комитет необходимо. Причем это управление должно иметь надлежащие возможности по проведению внутри следствия необходимых оперативно-розыскных мероприятий: негласного обследования помещений, прослушивания, получения компьютерной информации и т.д.

Противники включения Следственного комитета в субъекты ОРД мотивируют свое мнение тем, что не хотят совмещать следственную и оперативно-розыскную функции в одной структуре.

Однако практический опыт убедительно показал, что когда оперативные и следственные функции находятся в одном ведомстве, то вопросы сопровождения уголовных дел решаются лучше, повышается и качество расследования. Причем в полиции и в ФСБ имеются как следственные, так и оперативные подразделения. Следственные и оперативные подразделения существовали в расформированных органах налоговой полиции и органах наркоконтроля.

Во многих зарубежных странах оперативные и следственные подразделения объединены в одной государственной структуре, что только улучшает работу. Более того, немало стран где вообще в уголовном процессе следственные и оперативные функции объединены в одном должностном лице. Яркий пример – США, где агент полиции может выполнять как оперативную, так и следственную деятельность [11; 13; 15].

Практический опыт России и зарубежных стран свидетельствует, что наличие следователей и оперативных подразделений в одном ведомстве не создает условия для нарушения прав человека и не препятствует расследованию.

Поэтому ничего опасного в том, что в Следственном комитете будет оперативное подразделение, не имеется.

Введение оперативно-розыскных подразделений в Следственный комитет не будет препятствовать и другим субъектам ОРД. Более того, у законодателя есть положительный опыт правовой регламентации деятельности субъекта ОРД и недопущению перекрещивания полномочий с другими субъектами. В частности такой опыт имеется по ГРУ.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [1], орган военной разведки проводит оперативно-розыскные мероприятия только в целях обеспечения безопасности указанного органа внешней разведки и в случае, если проведение этих мероприятий не затрагивает полномочий поименованных в законе других субъектов ОРД.

И все отлично работает. Почему бы аналогичные формулировки не добавить в закон для Следственного комитета? Единственное уточнить, что оперативные подразделения Следственного комитета проводят оперативно-розыскные мероприятия только в целях обеспечения безопасности указанного органа и сопровождения расследования и только в случае, если проведение этих мероприятий не затрагивает полномочий поименованных в законе других субъектов ОРД.

Есть еще один важный вопрос, о котором необходимо сказать. Наличие оперативных подразделений внутри Следственного комитета позволит следователям быть более нацеленным на установление именно объективной истины.

Ведь право неразрывно связано с такой категорией как справедливость [9; 10; 16; 18; 19]. Предназначение права заключается в справедливом регулировании общественных отношений, справедливом разрешении правовых споров, справедливом наказании за правонарушение. Без справедливости право теряет смысл. Но, очевидно, невозможно справедливо разрешить спор без точного уяснения того, что произошло, установления действительных обстоятельств произошедшего или содеянного. Без понимания реальной картины события, говорить о справедливом или несправедливом решении просто неразумно, так как невозможно объективно оценить малоизученный предмет. Иными словами, для принятия справедливого решения по делу должна быть установлена объективная реальность произошедшего, то есть объективная истина. Под объективной истиной традиционно понимают знание, объективно отражающее реальную действительность.

О необходимости установления объективной истины в уголовном судопроизводстве писали многие известные дореволюционные специалисты: И.Я. Фойницкий, С.И. Викторовский, В.К. Случевский. Их позиция была поддержана и в советское время. Так, М.С. Строгович указывал, что истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть объективная истина, называемая материальной. Это полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц [14, стр. 132]. На данное обстоятельство обращается внимание и в современных

публикациях [3; 4; 5; 7].

До принятия нового УПК РФ, как отметил С.А. Шейфер, большинство исследователей склонялось к мысли о том, что целью доказывания является установление объективной (материальной) истины и что эта цель достижима, несмотря на возникающие перед субъектом доказывания трудности и препятствия. Считалось, что одним из принципов уголовного процесса является нацеленный на установление объективной истины принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела следственными и судебными органами, выявление ими как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого, а также смягчающих и отягчающих его ответственность обстоятельств. Уголовно-процессуальный кодекс РФ не воспроизвел этих положений [17, стр. 37-38].

Однако. о чем мы не раз писали, и при таких достаточно сумбурных требованиях УПК РФ, при его противоречивости цель установления объективной истины по делу, даже не будучи ясно и четко регламентированной, по-прежнему является гарантией законности и соблюдения прав человека [2; 6]. Нас поддержали в этом абсолютное большинство практиков. Одной из крайних об этом написала судья И.П. Попова. Соглашаясь с нами, она подчеркнула, что постоянное достижение справедливости выступает одним из главных критериев оценки правового регулирования, именно справедливость даёт уверенность в защищённости человека правом от противоправных действий [12, стр. 49].

И когда следователи и оперативные сотрудники будут с разных сторон стремиться к достижению объективной истины, справедливому расследованию и разрешению уголовного дела, то это будет основой доверия к правоохранительной системе России. К слову, в 2016-2017 гг. нами проведен опрос 1100 оперативных сотрудников со стажем работы более одного года. 1023 (93%) из них считают необходимым устанавливать именно объективную истину [8, стр. 368].

Важно и то, что следователи и оперативные сотрудники в своем стремлении к достижению объективной истины будут взаимно контролировать друг друга, что укрепит режим законности при расследовании преступлений.

Таким образом, мы ждем от законодателя продолжения уголовно-процессуальной реформы, укрепления законности и совершенствования работы Следственного комитета путем включения в его структуру указанных оперативных подразделений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 6 июля 2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
2. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Классики отечественной юридической науки. Объективная истина: нужна ли она в уголовном процессе? К юбилею члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Строговича // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 76-82.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 35-43.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
8. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность / Под ред. С.И. Захарцева: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
9. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели

(Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
11. Полиция США (сравнительно-правовой анализ) / Под общ. ред. В.П. Сальникова; А.С. Батышев, В.П. Сальников, В.А. Сергевнин, И.Ч. Шушкевич, Д.А Задорская. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 224 с. – (Серия: «Полицеистика: прошлое, настоящее и будущее»).
12. Попова И.П. К вопросу об автоматизации уголовного судопроизводства и защите конституционных прав его участников // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – № 4 (12). – С. 46-51.
13. Свон Р.Д. Эффективность правоохранительной деятельности и ее кадровое обеспечение в США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 2000. – 288 с.
14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. – М.: Наука, 1968.– 468 с.
15. Чарльз М.Т. Профессиональная подготовка сотрудников полиции (милиции) США и России: Научное издание / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 2000. – 224 с.
16. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.
17. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. – М.: Инфра-М, 2009. – 240 с.
18. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
19. Экимов А.И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 2(307). – С. 51-61.

ПОБЕДКИН Александр Викторович,
начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

НАУКА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. *Анализируется отечественная наука уголовного процесса, ее предмет, используемые методы, процесс зарождения и история развития. Приводятся важнейшие научные работы, которые внесли существенный вклад в изучение крупных проблем уголовного судопроизводства. Отмечается, что в настоящее время реальная потребность в фундаментальных исследованиях не становится меньше, и требует поиска баланса между классическими и новейшими формами научной работы*

Ключевые слова: *уголовный процесс; наука уголовного процесса; уголовное судопроизводство; фундаментальные научные исследования.*

POBEDKIN A.V.

CRIMINAL SCIENCE

The summary. *The domestic science of the criminal process, its subject, the methods used, the process of nucleation and the history of development are analyzed. The most important scientific works that have made a significant contribution to the study of major problems of criminal proceedings are presented. It is noted that at present the real need for basic research is not becoming smaller, and requires a search for a balance between classical and modern forms of scientific work.*

Key words: *criminal trial; criminal science; criminal proceedings; fundamental research.*

Профессия юриста предполагает знание хотя бы основных средств из инструментария научных исследований, научной работы. Без умения работать с научными источниками, а иногда и проводить научные исследования, невозможно качественное законотворчество, а правоприменительная деятельность, не имеющая связь с наукой, на определенном этапе непременно столкнется с неразрешимыми проблемами, ответы на которые не удастся найти ни в законе, ни в правовых позициях Конституционного Суда РФ, ни в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ.

Отечественная наука уголовного процесса прошла сложный путь и в настоящее время в полной мере вмещает всю остроту дискуссий относительно дальнейшего ее развития, совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Наука уголовного процесса, конечно, связана с развитием уголовно-процессуального законодательства, предмет научных исследований во многом зависит от содержания уголовно-процессуального закона. Однако наука не должна утратить прогностическую функцию, должна идти впереди законодателя, определять векторы развития уголовно-процессуального закона. Игнорирование научных достижений – прямой путь к регрессу закона.

История развития уголовно-процессуального законодательства сопровождается и развитием науки уголовного процесса. Наука уголовного процесса – юридическая наука, то есть направление деятельности человека по выявлению и изучению закономерностей общественных отношений, возникающих в связи

с их урегулированностью нормами права. Применительно к уголовному судопроизводству речь идет о закономерностях, возникающих в ходе производства, которое урегулировано нормами уголовно-процессуального права.

Науку уголовного процесса следует отличать от уголовно-процессуальной теории. Теория представляет собой совокупность взглядов, идей, выводов, раскрывающих закономерности существования какого-либо предмета и явления. **Теория – наиболее развитая форма организации научного знания**, позволяющая получить целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Главная задача теории – дать научное описание и объяснение предмета познания. Наука же предполагает динамический поступательный процесс познания, включает способы его организации, то есть представляет собой деятельность. Иначе говоря, теория – результат научной деятельности.

Предметом науки уголовного-процесса является, во-первых, деятельность участников уголовного судопроизводства, общественные отношения, возникающие в связи с этой деятельностью. Однако указанные общественные отношения являются правоотношениями, урегулированы нормами уголовно-процессуального права. Таким образом, наука уголовного процесса изучает уголовно-процессуальную деятельность сквозь призму уголовно-процессуального права, которое также является предметом науки уголовного процесса. Однако этим предмет науки уголовного процесса не исчерпывается. Наука предполагает создание и совершенствование теорий, а также методов самого научного познания (методологии науки). В этой связи теоретические проблемы, а также вопросы методологического характера также составляют предмет науки.

Предмет науки тесно связан с ее системой, задачами и методом. **Система науки** – упорядоченное представление учеными основных ее проблем, находящее отражение в определенных направлениях научного поиска. Система науки уголовного процесса во многом обусловлена системой уголовно-процессуального законодательства и в то же время оказывает на нее обратное влияние. В науке уголовного процесса могут быть выделены общая и особенная части.

Задачей науки уголовного процесса является совершенствование уголовно-процессуальной деятельности посредством ориентации правоприменительной практики на правильное применение уголовно-процессуальных норм, а также выявления недостатков процессуальной регламентации производства по уголовным делам и выработки предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Большое значение в уголовно-процессуальной науке имеют вопросы **методологии**, то есть системы научных взглядов на совокупность правил, требований, ориентирующих субъекта в его познавательной и предметно-образующей деятельности применительно к выбору способа, средства и необходимых операций, которые должен совершить субъект деятельности, чтобы достичь поставленной цели [10].

Методы, используемые наукой уголовного процесса, характерны для общественных наук вообще и ряда правовых наук, в частности.

Общим методом научного познания является **диалектический метод**, который предполагает изучение проблем производства по уголовным делам в развитии изучаемого объекта, с учетом этапов его эволюции, в связи с другими проблемами и конкретными условиями функционирования. Диалектический метод не заменяет частные методы познания, а организует их, ориентирует на правильное использование методов и адекватное осмысление результата. При этом немаловажное значение имеет сочетание диалектического метода с **общенаучными** (социологическим, историческим, логическим, системного и структурного анализа и др.) и **частно-научными методами** (сравнительно-правовым, формально-логическим, формально-юридическим, историко-правовым и др.).

Важнейшие периоды развития науки уголовного процесса в целом соответствуют основным этапам развития отечественного уголовно-процессуального законодательства. В то же время научные результаты оказывали и обратное воздействие на законотворческий процесс, последовательно обусловливая совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Наука уголовного процесса тесно связна с иными юридическими и неюридическими науками и учебными дисциплинами. Наиболее тесная взаимосвязь прослеживается с *философией* (в части методологических проблем познания) с *формальной логикой* (в части использования в доказывании выявленных

формальной логикой закономерностей организации мышления, например, законов тождества, достаточного основания, исключенного третьего и т.д.); с *диалектической логикой* (изучающей законы и формы отражения в мышлении процессов, происходящих в реальной действительности, организацию конкретных мыслительных процессов и операций).

В числе юридических наук, с которыми наука уголовного процесса тесно взаимодействует – такие науки как *теория права*, исследующая закономерности правовых явлений, категорий. Наука уголовного права исследует правовые понятия, которые используются в нормах уголовно-процессуального права (вина, мотивы преступления, способ совершения преступления; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; последствия преступления и т.д.). Кроме того, наука уголовного права во многом исследует закономерности и обстоятельства, которые выявляются и устанавливаются посредством уголовно-процессуальной деятельности. Тесная связь науки уголовного процесса прослеживается с *криминалистикой, наукой оперативно-розыскной деятельности*. Собирание, исследование и оценка доказательств, которые также включаются в определение предмета криминалистики, изучаются и наукой уголовного процесса, однако с точки зрения процессуальной формы, в то время как криминалистика изучает специальные средства и методы этой деятельности, обеспечивая ее оптимальность в рамках процессуального права [13]. Наука же оперативно-розыскной деятельности изучает формы и методы получения информации в ходе гласных и негласных оперативных мероприятий, а также возможные пути использования полученной информации в уголовно-процессуальном доказывании [8; 11].

Тесно связаны между собой науки, изучающие процессуальную деятельность, урегулированную нормами права различных отраслей. Речь идет о науках *уголовного процесса, гражданского процесса, арбитражного процесса, административно-юрисдикционного процесса*. Особенно очевидна взаимосвязь в области проблем доказывания, поскольку закономерности познавательной деятельности в различных видах юридического правоприменительного процесса большей частью одинаковы.

Говорить о зарождении самостоятельной отрасли науки российского уголовного процесса можно лишь с момента систематизации уголовно-процессуальных норм в Своде законов Российской Империи 1832 г. В тот период в России господствовал инквизиционный уголовный процесс с совмещением процессуальных функций в одном лице и формальной системой доказательств, когда их юридическая сила определялась законодателем априори. Научные труды в этот период в основном представляли собой объяснение существующей системы судопроизводства. Однако уже в то время можно выделить крупных ученых-процессуалистов, среди которых профессор Московского университета С.И. Баршев. Примерно до середины 1850-х годов он являлся сторонником розыскной формы уголовного процесса, отвергал необходимость реформирования судопроизводства, урегулированного Сводом законов, однако к концу 1850-х годов стал сторонником реформ, введения в уголовное судопроизводство многих демократических начал, которые затем нашли отражение в Уставе уголовного судопроизводства [9, стр. 8].

Полноценное оформление науки уголовного судопроизводства самостоятельной отрасли научного знания состоялось после Судебной реформы 1864 г., в ходе которой вступил в действие Устав уголовного судопроизводства, закрепивший состязательные начала процесса с его подразделением на предварительное и окончательное производство, гласность и устность процесса, суд присяжных, оценку доказательств по внутреннему убеждению. Поистине произошел всплеск научных исследований, идей, рожденных видными специалистами: К.К. Арсеньевым, Н.А. Буцковским, С.И. Викторским, Л.Е. Владимировым, М.В. Духовским, Г.А. Джаншиевым, А.А. Квачевским, А.Ф. Кистяковским, А.Ф. Кони, П.И. Люблинским, С.В. Познышевым, В.К. Случевским, В.Д. Спасовичем, Д.Г. Тальбергом, А.П. Чебышевым-Дмитриевым, И.Я. Фойницким, Г.С. Фельдштейном и др.

Труды этих ученых до настоящего времени во многом представляют собой образцы научных исследований в плане глубины изучения проблемы и ясности формулировок. Кроме того, работы этих ученых не потеряли актуальности и в связи с идеями о необходимости возвращения к лучшим достижениям дореволюционного уголовного процесса.

После 1917 года отечественная наука уголовного процесса развивалась в направлении обоснования существования особого типа уголовного судопроизводства – социалистического уголовного процесса, который направлен на защиту интересов трудящихся. Вместе с тем, по форме отечественный уголовный процесс являлся процессом смешанной формы с состязательным судебным разбирательством, но с предварительным расследованием, предполагающим неравенство прав следователя и обвиняемого по осуществлению процесса доказывания, ограничение гласности, преобладание письменности. Однако нельзя не указать, что гарантии прав подозреваемого и обвиняемого в послереволюционном уголовном процессе последовательно развивались, что было результатом, в том числе и проводимых научных исследований. Факты нарушения законности, распространенные в известные периоды репрессий, нисколько не снижают значимости развития процессуальной формы в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и проводимых научных исследований, направленных на развитие процессуальных гарантий.

Следует отметить две блестящие работы с анализом развития науки послереволюционного периода, увидевшие свет соответственно в 1960 и 1980 годах. Это труд Н.Н. Полянского «Очерк развития советской науки уголовного процесса» и работа коллектива авторов Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев «Очерк развития науки советского уголовного процесса».

Первый этап развития послереволюционной науки уголовного процесса характеризовался борьбой за право на существование социалистического государства. К этому периоду относятся декреты советской власти о суде (1917-1918) [5; 6; 7], первый послереволюционный Уголовно-процессуальный кодекс (УПК РСФСР 1922 г. [3]), УПК РСФСР 1923 г [4]. Последний документ действовал на протяжении почти четырех десятилетий.

31 октября 1924 г. в связи с образованием СССР (1922) и принятием Конституции СССР (29 октября 1924 г.) были разработаны и утверждены Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [2], установившие общие принципы уголовного процесса в масштабе Союза ССР. В это время предпринимаются первые шаги в направлении научного обобщения государственно-правовой деятельности в области уголовного судопроизводства. Это труды А.Я. Вышинского, Н.М. Полянского, М.А. Чельцова-Бебутова, М.С. Строговича.

Конституция СССР 1936 г. законодательно закрепила демократические принципы судопроизводства: гласность судебного разбирательства, обеспечение обвиняемому права на защиту, независимость судей и подчинение их только закону и др. В области уголовно-процессуальной политики этот этап характеризуется активным развитием науки уголовного процесса – прежде всего применительно к проблемам доказательственного права. Выходят в свет монографии А.Я. Вышинского «Теория доказательств» (1941), М.С. Строговича «Учение о материальной истине в уголовном процессе (1947), «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (1955) и ряд других работ.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., а затем и Конституция СССР 1977 г. закрепили линию на расширение и более надежную охрану прав личности в уголовном процессе. Принятый в 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (вступил в силу с 1 января 1961 года [1]) воспроизвел и развил положения Основ уголовного судопроизводства по поводу прав личности в уголовном процессе. Соответственно, наука уголовного процесса того периода развивалась в направлении изучения проблемы гарантий прав и законных интересов личности. Этим проблемам посвятили свои исследования В.З. Лукашевич («Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду», 1966 г.); Э.Ф. Куцова («Гарантии прав личности в советском уголовном процессе», 1972 г.) и др.

В этот период в науке уголовного процесса активно изучаются фундаментальные вопросы судопроизводства: сущность процесса, его цели и задачи, процессуальные гарантии, уголовно-процессуальные правоотношения, уголовно-процессуальный закон, процессуальная форма, процессуальные решения, процессуальные акты и т.д. Этим вопросам посвящены, в частности, работы Б.А. Галкина («Советский уголовно-процессуальный закон», 1962 г.); В.И. Каминской («Уголовно-процессуальный закон», 1965 г.); П.С. Элькинд («Сущность советского уголовно-процессуального права». 1963 г.); Я.О. Мотовиловкера («Вопросы теории

советского уголовного процесса», 1971 г.); В.Н. Шпилева («Содержание и формы уголовного судопроизводства», 1974 г.); В.П. Божьева («Уголовно-процессуальные правоотношения», 1975 г.); П.А. Лупинской («Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы», 1976), М.С. Строговича, Л.Б. Алексеевой, А.М. Ларина («Советский уголовно-процессуальный закон, проблемы его эффективности», 1979 г.); И.Л. Петрухина, Г.П. Батурова, Т.Г. Морщаковой («Теоретические основы эффективности правосудия», 1979 г.) и др.

Непревзойденной работой по охвату исторического материала стал труд М.А. Чельцова-Бебутова «Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах» (1957 г.).

Выраженный всплеск наблюдается в исследованиях проблем доказательственного права. В 1966 г. опубликована двухтомная монография «Теория доказательств в советском уголовном процессе», переизданная в 1973 году и по сей день являющаяся одним из основополагающих научных исследований в области доказательственного права. Общие проблемы теории доказательств, доказательственного права, предмета доказывания, собирания доказательств в период действия УПК 1960 г. глубоко исследовались В.Д. Арсеньевым, В.А. Баниным, Ф.Н. Фаткуллиным, А.И. Трусовым, Г.Ф. Горским, Л.Д. Кокоревым, Н.П. Кузнецовым, П.С. Элькинд, Ю.К. Орловым, Р.С. Белкиным и С.А. Шейфером и многими другими учеными.

Важнейшее значение для успешного решения задач уголовного процесса имеет широкое, но основанное на законе применение в процессуальной деятельности современных научно-технических средств. Вопросам использования научно-технических средств в процессе доказывания посвятили свои работы Н.И. Порубов, Л.М. Карнеева, А.А. Леви, А.Я. Палиашвили, В.А. Панюшкин, В.А. Серов и др.

Уголовное судопроизводство не может быть эффективным, не будучи сопряженным с применением к отдельным его участникам мер государственного принуждения, необходимых для обеспечения нормального хода уголовного судопроизводства. В этом смысле важнейшей задачей уголовно-процессуальной науки является выработка оснований, условий и порядка их применения. Значительный вклад в развитие этого научного направления внесли Б. Б. Булатов, В.Н. Григорьев, А.П. Гуляев, И.М. Гуткин, В.А. Михайлов, И.Л. Петрухин, О.И. Цоколова и др.

Большой прорыв состоялся в исследовании уголовно-процессуальных проблем исполнения приговора, ранее привлекавших внимание только отдельных ученых (И.Д. Перлов) в середине 60-х годов XX века. Прорывной стала докторская диссертация В.В. Николюка «Уголовно-исполнительное производство в СССР», 1990 г.).

В начале 90-х годов XX века Россия оказалась в периоде нестабильности, поиске самостоятельного пути. Неорганизованные должным образом процессы демократизации в отдельных случаях приводили к хаосу, массовым беспорядкам. Уголовно-процессуальная наука реагировала на изменение основ жизни общества, пыталась ориентировать правоприменителя в новых условия работы. Самый характерный пример – докторская диссертация В.Н. Григорьева «Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: правовое обеспечение, организация, методика», 1993), ставшая основой для последующей научной разработки проблем процессуальной деятельности в чрезвычайных условиях.

Курс на правовую реформу, в том числе в области уголовного судопроизводства, нашел отражение в ряде нормативных актов и, прежде всего, в Конституции 1993 г., где прямо закреплены важнейшие принципы уголовного процесса (состязательность, обеспечение права на защиту; уважение чести и достоинства личности, охрана прав и свобод человека и гражданина; неприкосновенность личности, частной жизни, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на обжалование и др.).

22 ноября 2001 года был принят УПК РФ, который в основной своей части вступил в силу 1 июля 2002 г. УПК РФ привнес в судопроизводство ряд нетрадиционных для отечественного уголовного процесса институтов: предварительный судебный контроль, судебное рассмотрение жалоб на действия и решения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование; особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.

В этой связи в первом десятилетии XXI века преобладали научные исследования вопросов применения новелл УПК РФ в практической деятельности, возможностей использования зарубежного опыта в отечественном судопроизводстве.

Объективно возникла необходимость научного изучения места и роли суда в уголовном судопроизводстве на его различных стадиях, соотношению процессуальных полномочий сторон и суда с принципом состязательности. Об этих проблемах писали в своих работах С.Д. Шестакова («Состязательность уголовного процесса», 2001 г.); В.М. Лебедев («Судебная власть в современной России», 2001), Н.Н. Ковтун («Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России», 2002 г.); О.В. Химичева («Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства», 2004 г.), Н.А. Колоколов («Судебная власть как общеправовой феномен: Дис. … докт. юрид. наук», 2007 г.) и др.

Изучалось и меняющееся досудебное производство. Заметным научным явлением стала работы Г.П. Химичевой («Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности», 2003 г.).

Следует отметить, что неясность концепции развития уголовно-процессуального права, его нестабильность в начале нынешнего века затрудняли проведение фундаментальных научных исследований, в силу чего многие институты нового российского уголовного процесса не были обеспечены серьезными монографическими исследованиями и глубокими научными разработками. В условиях динамики законотворческой деятельности меняются и формы научных работ: востребованы материалы круглых столов и конференций, научные статьи и др. Однако, реальная потребность в фундаментальных исследованиях не становится меньше, она требует поиска баланса между классическими и новейшими формами научной работы [14, стр. 76].

Сегодня вновь возник научный интерес к фундаментальным проблемам уголовного судопроизводства. Слабость фундаментальной науки всегда – причина мелкотемья, несвязности научных результатов, рассредоточенности научного потенциала.

Существенный вклад в изучение важнейших крупных проблем уголовного судопроизводства фундаментального характера на современном этапе внесли такие ученые как А.В. Агутин «Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании», 2005 г.), И.А. Антонов (Нравственно-правовые начала уголовно-процессуальной деятельности: теоретические идеи и правоприменительная практика, 2005 г.), А.С. Барабаш («Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление», 2005 г.), А.С. Бахта «Механизм уголовно-процессуального регулирования», 2011 г.), С.С. Безруков («Принципы уголовного процесса», 2016 г.), А.С. Гриненко («Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях», 2001 г.), Э.К. Кутуев (Уголовно-процессуальное принуждение в досудебных стадиях, 2004 г.), А.В. Победкин (Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании, 2005 г.) и др.

В настоящее время активно обсуждаются концептуально основы уголовной политики в Российской Федерации, что предполагает возможность существенных концептуальных перемен и в уголовном судопроизводстве [12; 15]. Это значит, что потребность в научных исследованиях по фундаментальным вопросам будет только возрастать.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
2. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.
3. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-процессуальном кодексе» // https://www.lawmix.ru/sssr/17859.

4. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // https://www.lawmix.ru/docs_cccp/7955
5. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 № 1 «О суде» // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – ст.50.
6. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // СУ РСФСР. – 1917-1918. – № 20. – Ст. 347.
7. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 № 3 «О суде» // СУ РСФСР. – 1917-1918. – № 52. – Ст. 589.
8. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 196 с. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
9. Головко Л.В., Ивасенко К.В. О кафедре уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С 7-48.
10. Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. – 2003. – № 9. – С. 54-60.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
12. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
13. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. – М.: Экзамен, 2014. – 255 [1] с.
14. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В.Головко. – М.: Статут, 2016. – 1276, [1] с.
15. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mail@tretyakov.su

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

МОТИВ И ЦЕЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Дается определение мотива и цели преступления. Рассмотрены наиболее известные и общепринятые подходы (психологические, уголовно-правовые, криминологические и др.) к пониманию мотивов преступного поведения. Уточнены роль и место мотивов в процессе формирования общей мотивации поведения. Предлагается краткий анализ природы потребностей человека. Раскрывается значение мотивов преступного поведения для квалификации преступлений и оценки личности преступника.*

Ключевые слова: *мотив; мотивация; мотив преступления; цель преступления; потребности, побуждения; умышленное преступление; преступление с косвенным умыслом, «заинтересованность»; степень общественной опасности; низменные мотивы.*

TRETYAKOV I. L.

MOTIVE AND PURPOSE OF THE CRIME. LECTURE

The summary. *The lecture reveals the concept of motive and purpose of the crime. The most well-known approaches (psychological, criminal law, criminological, etc.) to understanding the motives of criminal behavior are considered. The role and place of motives in the process of forming the General motivation of behavior are specified. A brief analysis of needs is given, which are described as the most important internal motivations of a person to be active. The author reveals the significance of motives for criminal behavior for the qualification of crimes and the assessment of the criminal's personality.*

Key words: *motive; motivation; motive of the crime; purpose of the crime; needs; motives; intentional crime; crime with indirect intent; «interest»; degree of public danger; base motives.*

Первые попытки ответить на вопросы, связанные с установлением истинных причин человеческих поступков, природы влечений и побуждений, с «зарождением» механизмов целеполагания предпринимались во времена античности. Например, для Гераклита было важно во всем соблюдать умеренность, сдерживать свои побуждения, желания, т.е. самоконтроль являлся обязательным условием достижения внутренней гармонии. Сократ полагал, что поступки людей определяются степенью их осведомленности о самих себе, о добродетели. Платон считал, что порочность, несовершенство, глупость человека связаны с преобладанием в нем низменных побуждений; по мнению философа, власть страстей и эмоций приводит к эгоизму, в результате чего, люди перестают руководствоваться разумом, истиной и справедливостью [35, стр. 59-64].

На протяжении последних ста лет мотивационная сфера является предметом исследования

целого ряда наук, что (ввиду отсутствия системного подхода, несформированности общепринятого понятийного аппарата) усложняет работу ученых. Указанные обстоятельства приводят к тому, что на практике далеко не всегда удается выделить четкие психологические, юридические или клинические (медико-биологические) ориентиры, границы такого интегрального образования как мотив.

О чрезвычайной неоднозначности природы мотивов, о научной «разноголосице» в данном вопросе говорили многие ученые, в частности, еще в 1906 году психолог, невролог и психиатр А.Ф. Лазурский (ученик В.М. Бехтерева) констатировал: «Попытка точно сосчитать число мотивов, действующих в каждом данном случае, заранее должна быть признана несостоятельной. Затруднение увеличивается еще и тем, что каждый мотив не представляет из себя чего-нибудь простейшего, неразложимого, а очень часто является сложным комплексом, в состав которого входит целая группа чувств и влечений, более или менее тесно между собою связанных» [24, стр. 194].

В узком смысле мотив следует рассматривать как промежуточное звено между потребностью и действием, как основной источник активности человека. Именно мотивам природа отвела ведущую, «побудительную» роль в процессе разрешения «потребностных ситуаций», связанных с удовлетворением, насыщением потребностей, кроме того, мотивы демонстрируют явные и скрытые наклонности личности, интересы, духовные устремления (если таковые имеются). В то время как вина является достаточно абстрактным понятием, в котором отражается субъективная оценка преступником своего деяния, то мотив (в широком понимании) «олицетворяет» собой неразрывную связь объективных (социальных) и субъективных (индивидуально-личностных) факторов, обуславливающих деятельность индивида, запускающих механизмы принятия решений [7, стр. 102-105; 19, стр. 97-103; 39, стр. 6-17].

Некоторые ученые поддерживают мысль о том, что не следует ставить знак равенства между мотивами и побуждениями, так как последние являются «потенцией» мотивов и сигнализируют о состоянии готовности к воплощению в жизнь задуманного, при этом начало деятельности в немалой степени зависит и от благоприятного стечения обстоятельств (условий), а также от конкретной ситуации. Личностные реакции на ту или иную ситуацию – строго индивидуальны (уникальны) [34]. Если вторая часть тезиса не вызывает сомнений, то первая (о соотношении мотивов и побуждений) выглядит надуманной, не подкрепленной ни какими аргументами, наблюдениями, экспериментальными данными. Среди практических работников (юристов) не вызывает возражения позиция тех авторов, которые настаивают на синонимичности таких понятий как мотив, побуждение, заинтересованность.

Благодаря «расшифровке» мотивов, удается с определенной долей вероятности установить: «почему совершены те или иные действия … в чем их смысл для данного индивида, какие его нужды при этом удовлетворяются… на что направлена активность лица, ради чего выбран именно этот вариант поведения, а не другой, то есть понять мотив как причину, определяющую направленность поведения» [5, стр. 140]. Схожие высказывания о мотивах часто встречаются в работах отечественных дореволюционных юристов. Так, известный ученый-правовед, публицист, общественный и политический деятель М.П. Чубинский в 1900 г. предлагал рассматривать мотив в качестве внутренней силы, «которая порождает волевой процесс» [37, стр. 25], спустя несколько лет, он писал о мотиве уже более подробно: «… налагая свой отпечаток на деяние и давая последнему известное освещение, мотив деяния дает нам возможность судить и о деятеле, особенно в случаях, когда мотив является типичным, характерным для данного индивида, то есть последний обычно действует по подобным мотивам» [36, стр. 68].

Предпосылки для формирования «устоявшихся» мотивов (как стержневых черт личности и, прежде всего, характера) создаются на протяжении длительного периода жизни субъекта. Однако нельзя игнорировать относительно кратковременные эмоциональные реакции на внешние раздражители, стресс-факторы и т.д., которые могут «спровоцировать» появление ситуативных, ситуативно-импульсивных и импульсивных побуждений. Также следует признать, что мотив далеко не всегда является достоверным отражением в психике индивида тех знаковых систем, импульсов и «стимулов-средств», которые заставляют его рефлексировать.

Мотивы обладают различной степенью

осознанности, что в ряде случаев позволяет говорить о, так называемых, «бессознательных» мотивах. Один из классиков отечественной психологии С.Л. Рубинштейн писал: «Психологическое содержание человеческой личности не исчерпывается мотивами сознательной деятельности. Оно включает в себя также многообразие неосознанных тенденций – побуждений его непроизвольной деятельности» [30, стр. 312]. В свою очередь, патопсихологи (Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник, С.Я. Рубинштейн и др.), используя материалы собственных исследований, пришли к выводу, что изменения (искажения) мотивационной сферы обнаруживаются как у здоровых людей, так и у лиц с когнитивными нарушениями, при этом, даже у субъектов с выраженной патологией центральной нервной системы четко прослеживается весь путь формирование побуждений, «при котором действуют механизмы, во многом общие с механизмами нормального развития» [20, стр. 160-161, 180-181].

Профессор Е.П. Ильин считает, что недостаточно осознаваемые, неадекватные, «немотивированные», лишенные логики поступки в действительности таковыми не являются – все они продиктованы потребностями и возникающими на их почве желаниями. Разница между «бессознательными» импульсивными действиями и автоматизмами состоит в том, что в первом случае «глубинные» импульсы в следствие чрезмерного возбуждения «прорываются» сквозь внутренний фильтр, а во втором – участие внутреннего фильтра, как цензора, «игнорируется» вполне определенными стимулами и побуждениями [23, стр. 88]. В значительной мере второй способ реагирования был либо «унаследован», либо он сформировался на ранних этапах онтогенеза конкретного человека.

Побуждения, «вырвавшиеся» из недр подсознания (бессознательного), как правило, вносят хаос, дисбаланс в картину внутренней жизни, создают препятствия для функционирования человека в обществе, в привычном, «обыденном режиме», однако и столь специфические мотивы ограничены законами психической жизни (хотя, это происходит не так наглядно и очевидно, как, например, при реализации инструментальных мотивов). Эти мотивы успешно анализируются клиническими психологами, которые абсолютно правильно утверждают, что нет немотивированных преступлений, а есть определенные сложности, трудности с установлением мотива в каждом конкретном случае [31, стр. 41]. Данный тезис, требует пояснения – он не применим к лицам, которые в дальнейшем признаются невменяемыми (хотя и у душевнобольных возможна своя «инологика», специфическая патологическая мотивация).

Недостаточная теоретическая подготовка юристов приводит к упрощенному представлению о мотивах, к грубым ошибкам, неправильным выводам, поэтому высокая значимость дополнительных, обширных знаний, например, в области общей и судебной психологии, психиатрии, сексопатологии и т.д. не вызывает сомнений. Важную информацию об отклоняющейся (девиантной) мотивации можно почерпнуть из патопсихологических исследований; прежде всего, это могут быть сведения, касающиеся алгоритмов и критериев оценки нарушений опосредовательности деятельности человека, иерархии его мотивов, нарушений процесса смыслообразования.

Об этом, в частности, свидетельствуют результаты исследования различных форм девиации (преступность, алкоголизм, наркозависимость, самоубийство, проституция) в России, в том числе и в исторической ретроспективе. Интересны и социологические наблюдения за девиантным поведением [6; 13; 16; 18; 21; 29].

В специальной литературе значительное место отводится рассмотрению феномена скрытой мотивации, когда реальные мотивы поведения либо искажаются в процессе вербализации, либо умышленно «подавляются», вытесняются самим индивидом, чтобы дистанцироваться от «лишних волнений», мук совести, а также чтобы выработать криминальные стереотипы поведения, особые клише и навыки, довести их до автоматизма. В следственной практике чрезвычайно распространены случаи целенаправленного сокрытия своих преступных намерений, сопряженных с ними замыслов, когда индивид пытается «уберечь» себя от социального вмешательства, наказания и т.д., предоставляя ложную информацию правоохранителям (причем со временем, некоторые субъекты, преимущественно истерического склада так глубоко вживаются в роль, что сами начинают верить в свою «легенду») [11, стр. 89-94; 17, стр. 208-221].

Во избежание терминологической путаницы

внесем ясность в определение мотивации. Как показывает анализ различных источников, единства среди ученых в этом вопросе по-прежнему нет, однако в психологической литературе доминируют два подхода. Согласно первому – мотивацию следует рассматривать в качестве совокупности факторов и мотивов, согласно второму – мотивация является динамическим образованием, «процессом». Второй подход выглядит наиболее предпочтительным и имеет значительное число сторонников. При этом первый подход убедительно продемонстрировал свою востребованность в прикладном аспекте – «статические срезы» позволяют более внимательно рассматривать отдельные детали, фрагменты совокупных психических образований, побуждающих и направляющих поведение, изучать «архитектонику» иерархических структур мотивационной сферы [8, стр. 176-180; 9, стр. 26-29; 22, стр. 15-22; 32, стр. 91-95].

Для большей наглядности процесс мотивации целесообразно рассматривать в виде трех этапов:

1) этапа зарождения целевого мотива или первоначального осознания своих потребностей;
2) этапа появления и укрепления ориентирующего мотива;
3) этапа формирования технического мотива.

Важно уточнить, что на общепопуляционном уровне специфика человеческой личности, ее деятельности и направленности интересов определяется структурой мотивационной сферы, наличием тех или иных мотивационных детерминант, их иерархичностью.

В стремлении к получению конечного результата, в том числе и преступного, у человека происходит переподчинение множества второстепенных, факультативных (т.е. менее актуальных на данном этапе) побуждений одному – главному, ориентирующему, смыслообразующему побуждению или нескольким, наиболее выраженным, «магистральным» мотивам.

К сожалению, среди определенной части юристов (и довольно значительной) доминируют представления о целесообразности «чисто правового» понимания мотива. Подобную позицию следует признать ошибочной и недопустимой, так как мы имеем дело с психическими явлениями и умышленное игнорирование законов психологии неминуемо приведет к абсурду. «Рассмотрение вопроса о сущности мотивов преступного поведения должно осуществляться только при психологическом анализе произвольного поведения в целом» [32, стр. 57].

Не вызывает разночтений и позиция Верховного Суда РФ:

- «При оценке степени общественной опасности содеянного и назначения наказания следует учитывать цели и мотивы действий виновного» [1]. Это положение распространяется и на те деяния, в которых мотив и цель не являются общеобязательными элементами преступления.
- «При рассмотрении дел об убийстве, являющемся особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение самого строгого наказания из предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний, суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

  По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания» [2].
- «При рассмотрении дел о краже, грабеже и разбое, являющихся наиболее распространенными преступлениями против собственности, судам следует иметь в виду, что в соответствии с законом под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [3].
- «В силу требований статей 307 и 308 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) в приговоре следует указывать мотивы принятых решений по всем вопросам, относящимся к назначению уголовного наказания, освобождению от него или его отбыванию» [4].

Мотив самым тесным образом связан с целью и, хотя эти явления далеко не всегда совпадают, нельзя исключать возможности появления «мотива-цели» или плавного перехода цели в

мотив, или «сдвига мотива на цель» (подобные трансформации были отражены в работах советских психологов А.Н. Леонтьева, С.П. Манукяна и др.) [25, стр. 201; 26, стр. 3-18; 27, стр. 60-64].

Проблемы целеполагания (впрочем, как и мотивации) первыми стали рассматривать философы, в частности, Г.В.Ф. Гегелю принадлежат такие слова: «Мы… ставим себе в жизни цели. При этом мы размышляем о том, какими средствами мы можем их достичь. Цель есть здесь всеобщее, руководящее начало, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых мы определяем соответственно этим целям» [15, стр. 8].

В современных российских учебниках по уголовному праву и психологии термин «цель» трактуется однозначно – это мысленная модель желаемого результата (в тоже время следует помнить, что цели могут быть промежуточными, «пролонгированными» и т.д., то есть не являться конечными). По аналогии с мотивом выделяют цели продуманные (т.е. четкие, ясные, логически обоснованные) и недостаточно осознаваемые человеком. Цель позволяет индивиду «определиться» с объектом, предметом, лицом и т.д., на котором должно быть акцентировано внимание. Крайне важно помнить, что цель предшествует преступлению, так как отграничена от начала наступления общественно опасных последствий временными рамками [14, стр. 15; 40, стр. 748].

Мотив и цель позволяют относить те или иные деяния к разряду уголовно-наказуемых (если они являются обязательными признаками конкретных составов преступлений); мотив и цель учитываются при назначении наказания как смягчающие или отягчающие обстоятельства, и, наконец, мотив и цель (сформулированные в диспозиции норм Особенной части УК) являются квалифицирующими признаками.

Так, например, ч. 4 ст. 35 УК гласит: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». То есть, законодатель при определении признаков преступного сообщества (преступной организации) прямо указал на цель – совершение тяжких и особо тяжких преступлений. В свою очередь содержание ч.1 ст. 210 УК раскрывает цель создания преступного сообщества (преступной организации) – совместное совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, то есть фактически правоприменитель вновь обращается к ч. 4 ст. 35 УК.

Весьма показательно содержание ст. 41 УК. Согласно ч. 2 данной статьи, риск следует считать обоснованным: 1) если цель обладает очевидной общественной значимостью (является общественно полезной); 2) цель не могла быть достигнута не связанным с риском методом; 3) если «лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам».

Статья 61 УК РФ содержит перечень смягчающих обстоятельств, которые относятся к личности виновного, его семейному положению, обстановке и мотивам совершения преступления (в качестве примера можно привести мотив сострадания, предусмотренный п. «д» ч. 1 ст. 61 УК), а также касаются особенностей поведения потерпевшего.

Заслуживает внимания вопрос, связанный с назначением более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК). К сожалению, уголовный закон не дает исчерпывающего перечня исключительных обстоятельств, однако, из ч.1 данной статьи следует, что исключительные обстоятельства связанны с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и другими обстоятельствами, существенно уменьшающими степень общественной опасности преступления.

К обстоятельствам, отягчающим наказание, относятся следующие мотивы и цели:

- мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «е» ч.1 ст. 63 УК);
- стремление (цель) скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е1» ч.1 ст. 63 УК); в контексте сказанного уместно обратиться к п. «к» ч.2 ст. 105 УК;
- пропаганда, оправдание и поддержка терроризма (п. «р» ч. 1 ст. 63 УК).

Торговлю людьми следует признать более тяжким преступлением, если оно осуществляется «черными трансплантологами» в целях изъятия органов и тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 1271); также более тяжким преступлением признается умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК).

Совершение таких преступлений как кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой и т.д. предполагает наличие корыстной цели (а также корыстного мотива). Цель как основной признак преступления обозначена в ст. 187 УК, предусматривающей ответственность за неправомерный оборот средств платежей. Организаторы и участники незаконных вооруженных формирований действуют в целях, противоречащих интересам Российской Федерации (ч. 2 ст. 208 УК). В ст. 209 УК, которая предполагает ответственность за бандитизм, говорится о создании устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации. В ст. 211 УК также указана цель – «угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона». В ст. 227 УК указана специальная цель нападения на морское и речное судно – завладение чужим имуществом. Цель – обязательный признак ст. 279 УК, которая гласит, что преступление, а именно – вооруженный мятеж, совершается «в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности Российской Федерации». В ст. 321 УК, предусматривающей ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, цель и мотив (они являются конструктивными признаками специального состава преступления) сформулированы законодателем как воспрепятствование исправлению осужденного или мести за оказанное им содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы.

Как мы уже указывали, мотивы могут относиться к числу квалифицирующих признаков целого ряда преступлений, в качестве примера следует привести пп. «е1», «з», «и», «л» ч. 1 ст. 105 УК: по мотиву кровной мести; из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; из хулиганских побуждений; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Причинение тяжкого вреда здоровью может быть совершено: из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 111 УК); по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «е» ч. 2 ст. 111 УК).

Ст. 153 УК предусматривает ответственность за подмену ребенка из корыстных или иных низменных побуждений. Если под корыстными побуждениями понимается незаконное извлечение материальной выгоды, то под низменными – нужно понимать месть, зависть, желание подменить новорожденного по половому признаку и т.д. Мотив, в виде корыстных побуждений, является обязательным признаком субъективной стороны незаконного усыновления (удочерения) (ст. 154 УК), разглашения тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК).

Как правило, хулиганство совершается из хулиганских побуждений (это циничный и демонстративный вызов окружающим), однако, в п. «б» ч.1 ст. 213 УК имеется указание на мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также на мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Бессмысленными разрушениями зданий, сооружений, общественного транспорта и т.д. характеризуется вандализм (ст. 214 УК). Ч. 2 ст. 214 УК аналогична содержанию п. «б» ч.1 ст. 213 УК.

Достаточно дискуссионным представляется вопрос: могут ли мотивы присутствовать во всех умышленных преступлениях, независимо от вида умысла? Безусловно, при совершении преступления с косвенным умыслом, последний может быть «неконкретезирован», более того, цель может отсутствовать (цель характеризует преступления с прямым умыслом). Однако, исключить значение мотива при совершении преступлений с косвенным умыслом нельзя [33, стр. 347-348].

Цель и мотив не входят в число как обязательных, так и квалифицирующих признаков неосторожных преступлений. Это связано с тем,

что в отношении указанных деяний уместно говорить о мотивации поведения и целеполагании человека в целом, но никак не конкретного преступления. Уголовная ответственность за совершение неосторожных преступлений предусмотрена за общественно опасные последствия, к которым субъект не стремился.

Не вызывает сомнений, что преступная деятельность субъекта окрашена положительными или отрицательными эмоциями. Эмоции нередко рассматриваются как своеобразная форма отражения действительности. Эмоции протекают в виде переживаний, в них проявляется личная значимость происходящих внутри и вне индивида процессов, но прежде всего, они имеют самое непосредственное отношение к оценке того, как удовлетворяются потребности человека. Эмоциональное отношение к событию, как правило, возникает раньше, чем появляется и окончательно «фокусируется» мотив, определяется векторная направленность мотивации, прежде чем начинается рациональная, логически обоснованная оценка происходящего [10, стр. 44-45; 38, стр. 184-185].

При всей своей значимости эмоции не относятся к числу юридически значимых элементов субъективной стороны преступления, хотя, ряд уважаемых ученых (например, В.В. Вандышев, И.Ж. Искаков [12, стр. 279] и др.) придерживаются несколько иной точки зрения.

На выраженную взаимосвязь эмоции и мотивов обратил внимание в начале XX века великий русский правовед Л.И. Петражицкий, который выделил три типа мотивации:

1) чувствительно-эмоциональную;
2) интеллектуально-эмоциональную;
3) чисто-эмоциональную [28].

В современном российском законодательстве состояние сильного душевного волнения (аффекта) в момент совершения преступного деяния является обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 107 УК РФ и ст. 113 УК РФ.

Переходя к вопросу, касающегося классификации мотивов и целей преступления, наиболее авторитетной считается позиция А.И. Рарога, который пишет, что в уголовном праве должна использоваться классификация, содержащая и морально-этическую, и правовую оценку мотивов (целей), поскольку на основании такой оценки можно не только квалифицировать общественно опасные деяния, но и определить степень их морального порицания, назначить адекватное наказание. С учетом сказанного не вызывает сомнений целесообразность использования понятия «низменные побуждения» (исключительно в уголовно-правовом аспекте, т.е. если законодатель рассматривает их в качестве повышающих общественную опасность деяний) [40, стр. 740-745].

Подводя итог сказанному, отметим, что мотив преступления является тем обстоятельством, которое побуждает человека к совершению общественно опасного деяния. Цель преступления – мысленная (идеальная) модель желаемого результата. Средством (механизмом) реализации уже имеющихся потребностей, мотивов выступает мотивация (совокупная система процессов). Мотивация поведения человека не может рассматриваться в не его личности и различных форм жизнедеятельности (как социально приемлемых, так и девиантных, преступных). Внешние, наиболее значимые социальные причины и условия, детерминирующие направленность интересов, поведенческую активность «отражаются» в индивидуальном сознании в виде системы внутренних целей, мотивов, установок, этических ценностей. Мотив и цель – факультативные признаки субъективной стороны преступления. Однако, в тех случаях, когда мотив и цель указаны в конкретной статье УК, они являются обязательными и учитываются в качестве квалифицирующих преступление признаков. Мотив и цель учитываются в качестве смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств. Применительно к неосторожным преступлениям мотив и цель могут рассматриваться лишь в качестве дополнительных характеристик поведенческой активности (в число обязательных и квалифицирующих признаков они не входят). В основе классификации мотивов и целей лежит их морально-правовая оценка.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (с изменениями и дополнениями от 6 февраля 2007 г., 3 декабря 2013 г., 11 июня 2019 г.). «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 5.
2. Постановление Пленума ВС РФ от 27 января 1999 г. № 1 (с изм. и доп. от 6 февраля 2007 г., от 3 апреля 2008 г., от 3 декабря 2009 г. и от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве» // http://ппвс.рф/1999/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N01-ot-27.01.1999.html
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (с изменениями и дополнениями от 6 февраля 2007 г., 23 декабря 2010 г., 3 марта 2015 г., 24 мая 2016 г., 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (с изменениями и дополнениями от 29.11.2016, от 18.12.2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 2.
5. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. – М.: Наука, 1991. - 248 с.
6. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: Научно-популярное исследование. – М.: Амальтея, 1993. – 320 с.
7. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 366 с.
8. Арбузова Е.Н. Феноменологические аспекты исследование мотивации в отечественной и зарубежной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1(41). – С. 176-180.
9. Бакин А.А. К вопросу понятия мотива преступного поведения (историко-криминологический анализ) // Российский следователь. – 2010. – № 7. – С. 26-29.
10. Бакин А.А., Гусева В.Ю. Воззрения отечественных ученых-юристов начала XX века на социально-правовую природу эмоций (на примере работ А.Ф. Кони и Л.И. Петражицкого) // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 44-45.
11. Бражников Д.А., Шиян В.И. Выявление мотивов преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3(37). – С. 89-94.
12. Вандышев В.В. Субъективная сторона преступления // Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб.: МИЭП, СПбИГО, Книжный Дом, 2009. - 754 с.
13. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.; Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»),
14. Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Квалификация преступлений по мотиву и цели // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия «Право». – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 13-18.
15. Гегель Г.В.Ф. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 1. – М.-Л., 1929-1958. – СIII, 367, [1] с., [1] л. портр.
16. Гилинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. – СПб.: Алетейя, 2017. – 222 с.
17. Горинов В.В., Корзун Д.Н., Шеховцова Е.С. Мотивационная сфера личности и способность к саморегуляции обвиняемых с расстройствами личности // Психология и право. – 2019. Том 9. – № 2. – С. 208–221.
18. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
19. Жигарев Е.С. Механизм преступного поведения: модели и их сущность // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2018. – № 5. – С. 97-103.
20. Зейгарник Б.В. Патопсихология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 208 с.
21. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.
22. Иванников В.А. Порождение деятельности и проблема мотивации // Вестник Московского ун-та. Серия 14. Психология. – 2015. – № 2. – С. 15-22.
23. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб.: Питер, 2008. – 512 с: ил.
24. Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. – М. : Наука, 1995. – 271 с., [1] л. портр.
25. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат,1975. – 304 с.
26. Леонтьев Д.А. Понятие мотива у А.Н. Леонтьева и проблема качества мотивации. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – № 2. – С. 3-18.

27. Манукян С.П. Потребности личности и их место в педагогической концепции мотивов учения // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 60-64.
28. Петражицкий Л.И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. – СПб.: Тип Э.Л. Пороховщиковой, 1904. – [4], 75 с.
29. Проблемы девиантного поведения молодежи: Монография / Н.В. Блажевич и др.; под общ. ред. А.И. Числова, Н.В. Блажевича. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007.
30. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: Академия наук СССР, 1957. – 328 с.;
31. Ситковская О.Д., Конышева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы: – М.: Юрлитинформ, 2000. – 156 с. – (Библиотека криминалиста).
32. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 326 с.
33. Тяжкова И.М. Субъективная сторона преступления // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. 2-е изд. – М.: Статут, 2014. – 879 с.
34. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Пер. с нем.; Под ред. Б.М. Величковского; Предисловие Л.И. Анцыферовой, Б.М. Величковского..Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – 408 с.
35. Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. Антология / Сост. П.С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991. – 461,[2] с.
36. Чубинский М.П. Курс уголовной политики. 2-е изд. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. – [6], 426 с.
37. Чубинский М.П. Мотив преступной деятельности и его значение в уголовном праве. – Ярославль: типо-лит. Э.Г. Фальк, 1900. – [2], XX, 351 с.;
38. Штерн А.С. Введение в психологию: Курс лекций. 2-е изд. – М.: Флинта, 2006. – 309, [1] с. : ил., табл.
39. Щербаков Г.В., Лаврентьева И.В. Понятие преступного поведения: поиск различных направлений и несколько основных результатов исследований в области психологии преступного поведения. // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 1. – С. 6-17.
40. Энциклопедия уголовного права. Т.4: Состав преступления. – СПб.: Издание профессора Малинина,, 2005. – 748 с.

ВАШКЕВИЧ Алла Васильевна,
доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: all281@yandex.ru.

НИКИШКИН Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры специальных мероприятий и специальной техники Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: niksa78@yandex.ru.

СТЕПАНОВ Игорь Валерьевич,
доцент кафедры специальных мероприятий и специальной техники, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: bayker2009@yandex.ru.

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СТАТЬЕ 106 УК РФ «УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА»

Аннотация. *Рассматривается диспозиция статьи 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка» с точки зрения объекта данного преступления. Раскрываются понятия «новорождённый», «начало жизни человека». Делается попытка установления причинно-следственной связи между деянием и наступлением смерти новорожденного.*

Ключевые слова: *новорожденный; преступление против личности; незащищенная часть общества; начало жизни человека; медицинские критерии рождения; возрастные периоды; мать новорожденного; детоубийство; психотравмирующая ситуация.*

VASHKEVICH A.V.
NIKISHKIN A.V.
STEPANOV I.V.

DISCUSSION QUESTIONS OF QUALIFICATION OF A CRIME UNDER ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION “MURDER BY A MOTHER OF A NEWBORN CHILD”

The summary. *The disposition of article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation “Murder by a mother of a newborn child” is examined from the point of view of the subject of this crime. The concepts of “newborn”, “the beginning of a person’s life” are revealed. An attempt is made to establish a causal relationship between the act and the onset of death of the newborn.*

Key words: *newborn; crime against the person; unprotected part of society; the beginning of a person’s life; medical birth criteria; age periods; mother of a newborn; infanticide; a traumatic situation.*

В современном обществе большое значение уделяется вопросам семейной политики. Выступая на съезде родителей в Москве 9 февраля 2013 года, Президент РФ В.В. Путин отметил, что именно в семье мы должны видеть наше национальное состояние [4]. Семья, по нашему глубокому убеждению, исторически всегда являлась социальной ценностью российского общества и государства и является ею и сейчас [5; 6; 9; 10]. Но, к сожалению, в настоящее время совершается большое количество преступлений, затрагивающих интересы семьи, в том числе и против личности, а именно убийств. Зачастую жизни лишается самая незащищенная часть общества – ребенок.

В данной публикации рассматривается ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка». Лица, совершающие данные преступления, не позволяют развивать институт семьи и лишают жизни беззащитных и полностью зависящих от матерей индивидов – новорожденных.

Рассматриваемая статья уголовного закона является весьма дискуссионной, спецификой отличается и объект преступления – потерпевший новорожденный ребенок, специальный субъект преступления и его состояние, свои особенности имеют объективная и субъективная стороны преступления.

Стоит отметить, что убийство всегда связано с причинением смерти потерпевшему. Следовательно, необходимо определиться с объектом преступления.

В данном случае объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие жизнь новорожденного ребенка, а потерпевшим признается сам новорожденный.

В комментарии к УК РФ под редакцией профессора Н.Г. Кадникова читаем: «Непосредственным объектом данного преступления является жизнь новорожденного ребенка» [11, стр. 258].

Исследователи данной проблемы полагают, что важным в указанной ситуации выступает фигура потерпевшего. Несмотря на то обстоятельство, что законодатель конкретно определил признаки потерпевшего – по существу это только что появившийся на свет ребенок, ученые считают необходимым обращение к разъяснению по данному вопросу к Пленуму Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. (в редакции от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве» [2].

Вопрос об отнесении ребенка к понятию «новорожденный» остается открытым по сегодняшний день, а момент определения жизни человека имеет большое значения для установления аборта или причинения смерти новорожденному.

Н.С. Таганцев утверждал: «Если при убийстве взрослого медику редко приходится решать вопрос и представлять доказательства того, что убитый был жив до момента убийства, то при убийстве новорожденного, наоборот, жизнь ребенка должна быть доказана для того, чтобы нанесенные ему повреждения соответствовали основным условиям убийства» [14, стр. 24].

Начало жизни человека – протекающий процесс, а не определенный момент времени, поэтому существует сложность в его определении. Согласно ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ моментом рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов [1]. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» от 27 декабря 2011 г. № 1687 Н, установлены медицинские критерии рождения [3]:

1) срок беременности должен быть 22 и более недели;
2) масса тела ребенка при рождении должна быть равна или превышать 500 г;
3) длина тела ребенка при рождении должна быть равна или превышать 25 см;
4) для того чтобы ребенок считался живорожденным, он должен иметь признаки живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента).

Однако не стоит игнорировать тот, факт, что бывают случаи, когда выживают дети, не отвечающие данным критериям и даже после неудачно проведенного аборта.

Вызывают интерес и различные возрастные периоды отнесения ребенка к понятию «новорожденный»:

- в педиатрии период новорожденности равен одному месяцу;
- в акушерстве – одной неделе;

- в судебной медицине – одним суткам.

На первый взгляд, вопрос об определении специального субъекта преступления является очевидным – мать новорожденного. Однако, законодатель не дает конкретного определения термина «мать», а вопрос о данном субъекте преступления остается дискуссионным.

В уголовном законе определено, что субъектом убийства новорожденного ребенка выступает мать, достигшая 16 летнего возраста. Однако, как отмечают многие ученые, в современной демографической ситуации необходимо снизить возрастной барьер. Зачастую данные преступления совершают матери, еще не достигшие возраста уголовной ответственности.

Помимо этого, возникает вопрос о том, какую мать считать субъектом преступления – фактическую или юридическую. Ведь убийство в некоторых ситуациях (условия психотравмирующей ситуации или состоянии расстройства, не исключающего вменяемости) совершает мать, выносившая и родившая ребенка; суррогатная мать; женщина, усыновившая ребенка; женщина, которая выходила подброшенного новорожденного ребенка и выдала за своего. Главное – чтобы ребенок находился «в руках» матери, совершающей убийство.

Согласно диспозиции статьи субъектом может выступать мать, находящаяся в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, что представляет собой единственный случай учета в Особенной части УК РФ состояния ограниченной вменяемости в качестве привилегированного признака.

Немало вопросов вызывает и объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, которая выражена в форме общественно-опасного деяния, повлекшего смерть новорожденного ребенка. Причем деяние может выражаться как в форме действия (активное), так и бездействия (пассивное), не стоит забывать и об установлении причинно-следственной связи между деянием и наступлением смерти новорожденного. Значение придается и таким факультативным признакам как время, обстановка и способ совершения преступления.

Активное детоубийство может совершаться различными способами: удушение руками, закрытие наружных отверстий носа и рта, тугое пеленание, утопление в воде и т.д.

Пассивное детоубийство наиболее часто проявляется в форме непринятия мер к защите ребенка от воздействия низких температур, отказа от кормления и прочее.

Диспозиция статьи, рассматривает три промежутка времени совершения преступления: во время родов или сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации.

Представляется достаточно сложным определить родовой и послеродовой период, учитывая, что исследователи придерживаются различных точек зрения по данному вопросу. Одни считают, что послеродовой период исчисляется от 2-х до 4-х часов после выделения плаценты, другие определяют послеродовой период спустя 2-4 часа после окончания родового процесса, некоторые вовсе указывают на суточный срок с момента рождения ребенка. Подобного рода отсутствие единства в понимании временного периода «во время или сразу же после родов» не лучшим образом сказывается на правоприменительной судебной практике.

Что касается психотравмирующей ситуации, то общего понятия не существует. С точки зрения авторов, психотравмирующая ситуация – эмоциональная напряженность матери, вызванная беременностью и послеродовыми процессами, способная вызвать неадекватные реакции, которые образуют необходимое условие убийства новорожденного ребенка.

Такая эмоциональная напряженность, как правило, является следствием различных ситуаций социально-бытового характера, (негативные взаимоотношения с супругом, недостаточность материальных средств).

Относительно субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, необходимо отметить, что убийство совершается с умышленной формой вины (как с прямым, так и с косвенным умыслом). При этом, мотивы и цели побуждающие мать к совершению преступления могут быть различными. Чаще всего таковыми выступают тяжелое материальное положение матери, страх быть осужденной окружающими, нежелание ребенка в результате дезадаптации матери и другие. Также субъективная сторона характеризуется и особым эмоциональным состоянием матери, вызванным беременностью и родами.

Таким образом, рассмотренная норма уголовного закона несовершенна и применение ее в современных условиях достаточно

проблематично. Вопросы о применении таких понятий как «новорожденный ребенок», «мать», «во время и сразу же после родов» все чаще будут возникать у правоприменителей и необходимо дать более точное и общее понятие для всех исследователей.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» // ИПП ГАРАНТ: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/
3. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // https://legalacts.ru/doc/prikaz-minzdravsotsrazvitija-rf-ot-27122011-n-1687n/
4. Путин В.В. Выступление на проходящем в Москве 9 февраля 2013 года съезде родителей // http://www.kremlin.ru/events/president/news/17469
5. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
6. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
7. Антонов Ю.И., Боровиков В.Б., Галахова А.В. Оценочные признаки в Уголовном Кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: Научно-практическое пособие / Ю.И. Антонов, В.Б. Боровиков, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. – М.: Норма 2014. – 736 с.
8. Ветрова Е.В., Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Личность преступника – негативное влияние социальной микросреды на её формирование // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 139-142.
9. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
10. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
12. Лунева А.В. Уголовно-правовые аспекты детоубийства. – Хабаровск: Дальневосточный юридический ин-т МВД России, 2013. – 114 с.
13. Никишкин А.В., Вашкевич А.В. Специфика судебного правотворчества в Российской Федерации: теоретико-правовые основы // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 129-134.
14. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому уголовному праву. – С.-Пб.: Тип. Н.А. Неклюдова, 1870. – 466 с.
15. Уголовное право (Особенная часть): Курс лекций: учебно-методическое пособие / Под ред. Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко, С.Л. Никоновича. – Тамбов-СПб.- Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2015 – 303 с.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

ВОВК Настасья Дмитриевна,
магистрант Высшей школы государственного аудита (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
E-mail: nvovk96@mail.ru

Специальность 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ВЫВОЗУ КАПИТАЛА ЗА РУБЕЖОМ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

Аннотация. *Указывается, что большинство развитых стран, так же как и Россия сталкиваются с таким негативным для экономики страны явлением как незаконный вывоз капитала из страны. Незаконный вывоз капитала приводит к возникновению финансовой нестабильности государства, к ослаблению экономического потенциала страны. Противодействие незаконному вывозу капитала в зарубежных странах является актуальным в силу нестабильности в мире. Эффективный механизм борьбы с нелегальным вывозом капитала из других стран может послужить положительным опытом для противодействия незаконному вывозу капитала из России.*

Ключевые слова: *незаконный вывоз капитала; противодействие вывозу капитала из страны; угроза финансовой безопасности; нелегальный отток капитала; бегство капитала; легализация доходов, полученных преступным путем.*

VOVK N.D.

COUNTERACTION TO ILLEGAL EXPORT OF CAPITAL ABROAD (ON THE EXAMPLE OF FRANCE)

The summary. *Most developed countries, as well as Russia are faced with such a negative phenomenon for the country's economy as the illegal export of capital from the country. Illegal export of capital from the country leads to the emergence of financial instability of the state, the economic potential of the country. Counteraction to illegal export of capital in foreign countries is urgent due to instability in the world. An effective mechanism to combat the illegal export of capital from the country can serve as a positive experience to counter the illegal export of capital from Russia.*

Key words: *illegal export of capital; counteraction to the export of capital from the country; threat to financial security; illegal outflow of capital; capital flight; legalization of proceeds from crime.*

Незаконный отток капитала из страны оказывает негативное влияние на экономическую стабильность государства [7; 8; 11; 19; 31; 32; 33]. Ранее перемещение капитала между странами носило законный характер, то есть фактически денежные средства использовали

в качестве иностранных инвестиций, международной экономической помощи. Но со временем, кроме законного перемещения капитала, повышается использование нелегального движения денежных средств. Нелегальное движение капитала признается в качестве бегства капитала из страны [16; 17].

Ситуация с незаконным вывозом капитала наблюдается не только в России, но и в большинстве развитых зарубежных стран.

Большая часть компаний и частных лиц выводят свои денежные средства на банковские счета в другие государства с целью не только обогащения, но и избежания налогообложения. В результате этого экономика страны подвергается серьезным испытаниям и негативным последствиям. На современном этапе развития государств наблюдается ситуация с оттоком капитала из развитых стран в развивающиеся.

В связи с чем, бегство капитала признается в качестве процесса, в рамках которого участвуют две стороны, а именно, реципиент и экспортер капитала и принимающая страна, имеющая ресурсы для развития экономики [27].

Наиболее показательный анализ незаконного вывоза капитала и борьбы с анализируемым негативным явлением экономики, признающимся угрозой финансовой безопасности страны, стоит построить на таком развитом государстве, как Франция.

Франция – это показательная страна в развитии четкого финансового контроля за движением капитала не только внутри страны, но и за ее пределы. Глобальный валютный контроль выступает не просто развитым, но и детально проработанным, что позволяет держать бегство капитала под контролем. Заметим, что в большинстве развитых государств Европы проблеме незаконного вывоза капитала не уделяется достаточно внимания.

Контроль за финансовыми оттоками во Франции, как и в других странах Европы осуществляется с помощью специальных агентств, в частности, предотвращением отмывания капиталов занимается орган в составе Министерства экономики и финансов, который именуется Tracfin. Основной сферой деятельности данного органа признается борьба с отмыванием незаконного капитала, борьба с налоговым мошенничеством и финансовым терроризмом. Указанный орган начал функционировать во Франции с 1990 года. Функции Tracfin сводятся не только к сбору и анализу информации о бегстве капитала и финансовой составляющей экономики страны, но и распространением информации о совершении сомнительных сделок, которые могут указывать на совершение действий по отмыванию доходов, полученных преступным путем или осуществление финансирования преступной деятельности.

Эффективность государственной политики в области противодействия незаконному вывозу капитала из страны обусловлена тем, что государственная политика нашего Отечества в данном направлении начала развиваться еще в советский период времени, а если быть точнее, то после 1930 гг. До 1990 года государственная политика была направлена на снижение уровня оттока капитала из страны, а после 1990 года основной государственной деятельность в данной сфере является активная борьба с отмыванием денег [15; 30].

Помощь в установлении сведений о подозрительных финансовых операциях осуществляется различными финансовыми институтами, которые предоставляются в Tracfin. Контрольный орган обрабатывает представленную информацию. Такая политика эффективна, поскольку экономические агенты сами заинтересованы в своей защите от «грязного» капитала. Во французской нормативно-правовой базе по вопросам валютного регулирования присутствуют нормативные акты, требующие от тех или иных экономических агентов участвовать в контроле за финансовыми и валютными операциями.

Счета, открытые резидентами за границей, подпадают под финансовый контроль Министерства экономики и финансов Франции. Такое положение регламентировано на законодательном уровне уже в 2009 году. В 2013 году появился новый правовой акт, нормы которого направлены на борьбу с финансированием терроризма. В соответствии с принятыми законодательными актами Министерство финансов передает информацию о переводах денежных средств или электронных переводах в Tracfin, при условии, что объем денежных средств, переведенных указанными способами, превышает установленный лимит. Кроме того, законодатель Франции возлагает на банки, страховые компании, инвестиционные структуры, а также иные организации, которые взаимосвязаны с оборотом

валюты, а также отдельных должностных лиц организаций (например, бухгалтеров, юристов) быть бдительными при нелегальном характере сделок и при выявлении таких случаев незамедлительно обращаться в Tracfin с заявлением. Следовательно, указанные организации и должностные лица признаются в качестве органов, которые оказывают борьбу с оттоком капитала из страны и легализацией денежных средств, полученных преступным путем.

Статистические данные свидетельствуют о том, что 2017 год признают рекордным годом на количество поданных заявлений о подозрительных перечислениях денежных средств. В Tracfin поступило около 70 тысяч заявлений, что на 10% больше чем за 2019 и 2018 гг. Рост количества заявлений в 2017 году обусловлен изменение правового регулирования в данной сфере. Большую часть таких заявлений подают сотрудники банков, инвестиционных фирм, страховых компаний, а также нотариусы [34]. Банковский сектор составляет около 50% от общего количества поступивших заявлений. Значительная доля таких заявлений поступила от семи крупнейших банков Франции: BNP Paribas, Credit Agricole Group, Societe Generale, Groupe BPCE, Credit Mutuel-CIC, La Banque Postale и HSBC. Ужесточение политики надзора способствовало увеличению количества заявлений от банков о наличии подозрительных операций. Управление надзора осуществляет контроль за страховым и банковским сектором [35].

В процессе рассмотрения заявлений о подозрительных трансакциях Tracfin не только рассматривает сами документы о перечислении денежных средств, но и документы, связанные с задержанием финансовых активов, льготное налогообложение и другие.

При этом стоит отметить, что установить на 100% точность всех потоков бегства капиталов не представляется возможным в виду отсутствия полноценных данных. Определить отток капитала можно только с учетом платежного баланса страны, показателей теневой экономики, уклонения от уплаты налогов, а также отмывания денежных средств, оборота наркотических средств в стране и контрабанды, уровень финансирования террористической деятельности.

На высоком уровне во Франции развито международное взаимодействие с целью обмена информацией о незаконных трансакциях. Географическая направленность трансакцией определяется с помощью обмена данными с зарубежными партнерами государства. В рамках международного сотрудничества Tracfin отвечает на заявки о запросе совершения подозрительных операций, как физических лиц, так и юридических лиц, отвечает на запросы информации о наличии судебных разбирательств в отношении физических или юридических лиц на территории Франции. Tracfin осуществляет расследование случаев незаконных трансакций, в рамках которого запрашивает дополнительную информацию, с целью установления всех обстоятельств произошедшего при совершении сделки.

Как известно, во Франции существует уголовная ответственность не только физических, но и юридических лиц. В Российской Федерации сегодня по этому вопросу ведется ожесточенная дискуссия [2; 3; 4; 5; 9; 18; 21; 22; 23; 24; 25].

В целом получение информации от зарубежных партнеров имеет положительную динамику на сегодняшний день. Статистические данные свидетельствуют о том, что максимальное количество информации от зарубежных партнеров поступило в 2013 году. Обусловлено это тем, что система противодействия незаконному вывозу капитала во Франции постоянно развивается. В 2012 году разработан онлайн-сервис о направлении подозрительной информации по совершенным операциям. Для профессиональных участников финансового рынка данный сервис с 2013 года является обязательным [36].

Количество лиц и организаций, операции которых попали в число подозрительных, увеличивается с каждым годом. В большинстве своем подозрительные трансакции осуществляются в европейские страны, особенно страны Европейского союза.

Уровень чистых активов за последние годы увеличился, что свидетельствует о снижении уровня оттока капитала из Франции. Негативная ситуация со снижением уровня чистых активов наблюдалась во Франции в период с 2010 по 2014 год. Платежный баланс государства имел отрицательное значение.

Global Financial Integrity (GFI) занимается изучением анализа бегства капитала из развивающихся стран. Основной задачей данного агентства признается снижение уровня незаконных финансовых потоков в результате принятия соответствующих решений.

Проведенный анализ показал, что большая часть денежных средств убегает из страны в виду того, что владельцы таких денежных средств хотят укрыть свои доходы от различных рисков.

В целом можно отметить, что в стране система контроля за незаконным оттоком капитала является достаточно развитой и имеет положительные результаты в снижении бегства капитала в другие страны на сегодняшний момент.

В свою очередь в России наблюдается высокий уровень незаконного вывоза капитала, а также отмывание денежных средств, полученных преступным путем [6; 10; 12], что является глобальной угрозой для финансовой безопасности нашей страны [1; 13; 14; 20; 26; 28; 29]. Поэтому целесообразно использовать опыт зарубежного государства для ужесточения борьбы с бегством капитала из страны.

Список литературы

1. Анищенко В.Н., Хабибулин А.Г. Криминальные и финансовые угрозы реализации социально-экономических реформ и проектов в России (экономико-правовой анализ): Монография. – М.: Моск. ун-т, 2014. – 352 с.
2. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 421 с.
3. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: Сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. – М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. – С. 3-13.
4. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1. – С. 6-12.
5. Винокуров С.И., Чирков Д.К. К вопросу об актуальности введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 90-94.
6. Волеводз А.Г. Финансовые механизмы легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем, связанные с их переводом за границу // Банковское право. – 2012. – № 3. – С. 64-77.
7. Егоршин В.М. Проблемы обеспечения экономической безопасности в современной России (теоретико-правовые вопросы): Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
8. Жильская Л.В., Жильский Н.Н. Обеспечение экономической безопасности России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 172-179.
9. Захарцев С.И. О проблеме установления уголовной ответственности юридических лиц в России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5(16). – С 30-33.
10. Зубков В.А., Осипов С.К. Российская Федерация в международной системе противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Спецкнига, 2007. – 752 с.
11. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Степашин С.В. Экономическая безопасность России: концепция – правовые основы – политика. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия прав, экономики и безопасности жизнедеятельности – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 288 с.
12. Кондрат Е.Н. Кредитные организации и преступные схемы «обналичивания» денежных средств и вывода за рубеж // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 114-124.
13. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в современном мире. Теоретико-методологические аспекты: Монография. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФОРУМ, 2010. – 176 с.
14. Кондрат Е.Н. Финансовая безопасность России в условиях кризиса: Монография. – М.: Юстицинформ, 2011. – 214 с.
15. Котова С.А. Влияние отмывания доходов и вывоза капитала за границу на российскую экономику // Академическая публицистика. – 2018. – № 12. – С. 128-132.
16. Лепа Т.П. Незаконный вывоз валютных средств как глобальная угроза экономикам стран – членов ЕАЭС // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование: Материалы Международного Байкальского форума / Под научной редакцией Е.Р. Метелевой. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2018. – С. 259-265.
17. Мангасарян А.М. Современные проблемы вывоза отечественного капитала за границу и способы их решения // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XXVIII Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2019.

– С. 120-124.
18. Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В.С. Комиссаров. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 97-102.
19. Очередько В.П., Литвиненко А.Н., Полевой В.А. Механизм противодействия легализации теневых доходов в системе обеспечения экономической безопасности государства: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России. 2005. – 176 с.
20. Сальников В.П., Рохлин В.И., Финансовая безопасность и финансовые расследования // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 145-152.
21. Сидоренко Э.Л.. Князев А.Д. Международно-правовые основы ответственности юридических лиц // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 3. – С. 14-18.
22. Смирнов Г.К. Характеристика проекта закона Следственного комитета РФ об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: Материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред. Г.И. Богуш; науч. ред. У. Зибер, В.С. Комиссаров. – С. 110-119.
23. Федоров А.В. Оценка эффективности ответственности юридических лиц как одно из направлений партнерства государства и бизнеса в противодействии коррупции // Юридический мир. – 2015. – № 12. – С. 36-37.
24. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
25. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц: перспективы законодательной регламентации, мировой опыт // Академия права и экономики. Научный журнал. – 2017. – № 2. – С. 5-9.
26. Финансовая безопасность. Финансовые расследования: Учебное пособие / Под ред. А.Г. Хабибулина. – М.: Мос. ун-т, 2013. – 368 с.
27. Фитуни Л.Л. Адаптация бизнес-элит к глобальным режимам финансового контроя: анализ незаконных финансовых потоков из Африки // Ученые записки Института Африки РАН. – 2019. – № 1 (46). – С. 36-49.
28. Хабибулин А.Г. Финансовая безопасность России на современном этапе: проблемы обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 103-109.
29. Хабибулина А.А. Научное обоснование обеспечения финансовой безопасности России // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 106-113.
30. Хамаганова Л.Д., Михалева А.А. Механизм контроля за бегством капитала в развитых и развивающихся странах // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – № 4. – С. 616-626.
31. Числов А.И., Цишковский Е.А. Защита и реализация экономических интересов России как основные направления обеспечения ее экономической безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2006. – № 1. – С. 13-25.
32. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 1 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 608 с.
33. Экономическая безопасность Российской Федерации: Учебник для вузов. Часть 2 / Балакина А.П., Кваша Ю.Ф., Цыпин И.С., Кичеджи В.Н., Федоров А.В., Прокопчук А.В., Ковалев В.Н., Александров А.И., Волковский В.И., Васильев Н.Н., Кваша Л.Ф., Кульбюа А.В., Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Егоршин В.М., Галлиулин Д.Л., Зрелов А.П., Кормилицын А.С., Понизопа Е.В., Тамбовцев Д.Ю., Цыпин С.И., Михайлов В.М., Федоров А.В. / Под общ. ред. С.В. Степашина. Науч. ред. Ю.Ф. Кваша, В.П. Сальников. Консультант Г.С. Полтавченко. – М., СПб.: Всероссийская государственная налоговая академия; Санкт-Петербургский университет МВД России; Лань, 2001. – 640 с.
34. Activated Exchange Relationships for CRS Information // URL: http://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/exchange-relationships.
35. Rapport Annuel d'Activite de Tracfin 2016. P. 14. // URL: https://www.economie.gouv.fr/files/ra-tracfin-2016.pdf
36. Rapport Annuel d'analyse et d'activite 2012 Tracfin. P. 57. // URL: https://www.economie.gouv.fr/files/ files/directionsservices/tracfin/Publications/RAAA 2012 TRACFIN.pdf

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

ЗАСЛАВСКИЙ Григорий Иосифович,
заместитель председателя правления РОО «Врачебная Палата Ленинградской области», академик РАЕН, доктор медицинских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: gis1932@mail.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

КОВАЛЕВ Андрей Валентинович,
директор Российского центра судебно-медицинской экспертизы Минздрава России, заведующий кафедрой судебной медицины Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования Минздрава России, доктор медицинских наук, профессор (г. Москва, Россия)

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ЧЁРНЫЙ Ярослав Андреевич,
адвокат, директор центра независимой медицинской экспертизы и правовой защиты РОО «Врачебная Палата Ленинградской области», советник РАЕН (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mrcherny@bk.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. *Рассматривается организация служб собственной безопасности в подразделениях государственных судебно-медицинских экспертных учреждениях. Приводятся задачи службы собственной безопасности, признаки коррупционного характера судебно-медицинской экспертизы, меры по профилактике коррупционной составляющей при подготовке экспертных заключений. Анализируются основные типы нарушений, связанных с деятельностью экспертных учреждений.*

Ключевые слова: *судебно-медицинские экспертизы; государственные судебно-медицинские экспертные учреждения; служба собственной безопасности; противодействие коррупции.*

ZASLAVSKY G.I.
ZAKHARTSEV S.I.
KOVALEV A.V.
SAL'NIKOV M.V.
CHORNYY Ya.A.

ORGANIZATION OF PERSONAL SECURITY SERVICES IN STATE FORENSIC MEDICAL INSTITUTIONS

The summary.*The organization of private security services in units of state forensic medical institutions is considered. The tasks of the internal security service, signs of the corruption nature of the forensic medical examination, measures to prevent the corruption component in the preparation of expert opinions are given. The main types of violations associated with the activities of expert institutions are analyzed.*

Key words: *forensic medical examinations; state forensic expert institutions; own security service; anti-corruption.*

В настоящее время серьезно повышаются требования к государственной судебно-медицинской службе.

В соответствии с Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 73-ФЗ от 31.05.2001 г. ответственными за организацию и производство судебно-медицинских экспертиз являются государственные судебно-медицинские экспертные учреждения (далее – ГСМЭУ).

Деятельность Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения здравоохранения (СПб ГБУЗ) «Бюро судебно-медицинских экспертиз» осуществляется на основании Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 73-ФЗ) [3].

Согласно ст. 58 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЭ «Об основах охраны здоровья» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ) [1] медицинской экспертизой является проводимое в установленном порядке исследование, направленное на установление состояния здоровья гражданина, в целях определения его способности осуществлять трудовую или иную деятельность, а также установления причинно-следственной связи между воздействием каких-либо событий, факторов и состоянием здоровья гражданина. Одним из видов медицинской экспертизы является судебно-медицинская экспертиза.

Судебно-медицинская экспертиза проводится в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в медицинских организациях экспертами в соответствии с законодательством Российской Федерации о государственной судебно-экспертной деятельности (ст. 62 Федерального закона № 323-ФЗ).

Приказом Минздрава России от 06.08.2013 № 529н «Об утверждении номенклатуры медицинских организаций» бюро судебно-медицинских

экспертиз отнесены к организациям особого типа [7]. При этом специфика правового положения организаций «особого типа» действующим законодательством прямо не определена.

Приказом Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» (далее – приказ Минздравсоцразвития России № 346н) закреплены порядок организации и проведения ряда судебных медицинских экспертиз (трупа, живых лиц и др.), штатные нормативы учреждений и экспертных подразделений, стандарт оснащения таких экспертных учреждений и экспертных подразделений [9].

Согласно ст. 11 Федерального закона № 73-ФЗ государственными судебно-экспертными учреждениями являются специализированные учреждения федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, созданные для обеспечения исполнения полномочий судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей посредством организации и производства судебной экспертизы. Государственные судебно-экспертные учреждения в обязательном порядке производят судебную экспертизу для органов дознания, органов предварительного следствия и судов, расположенных на территории, которая определяется соответствующими федеральными органами исполнительной власти.

Однако перечисленные в указанной статье органы и лица дознания и следствия находятся в структуре органов исполнительной власти Российской Федерации, содержание и осуществление деятельности которых осуществляется за счет средств федерального бюджета. Суды входят в систему судебных органов, деятельность которых также финансируется за счет средств федерального бюджета.

ГСМЭУ находятся в ведении соответствующего органа исполнительной власти – Комитета по здравоохранению, и, соответственно, финансируются за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации.

Но в соответствии со ст. 11 Федерального закона № 73-ФЗ ГСМЭУ должны путем проведения судебно-медицинских экспертиз обеспечивать деятельность федеральных органов власти, находящихся в конкретном субъекте Российской Федерации, финансируемых за счет средств федерального бюджета.

Таким образом, средства бюджета Санкт-Петербурга направлены на обеспечение деятельности федеральных органов власти и судебных органов.

Исходя из основного назначения ГСМЭУ, заключающейся в судебно-медицинском сопровождении процессов предварительного расследования и судопроизводства, они вне зависимости от ведомственного подчинения фактически относятся к звеньям правоохранительной системы.

Этот фактор с учетом зависимости эффективного функционирования органов дознания, следствия и суда от достоверности судебно-медицинских экспертных исследований обуславливает необходимость организации в подразделениях ГСМЭУ служб собственной безопасности (далее – ССБ) по аналогии с правоохранительными органами.

Целью службы собственной безопасности ГСМЭУ является обеспечение противодействия коррупции и иных правонарушений на всех этапах организации и проведения судебно-медицинских экспертиз и исследований.

Задачами службы собственной безопасности являются:

- Предотвращение проникновения лиц, преследующих противоправные цели.

В первую очередь это касается санитаров моргов, которых привлекает перспектива личного обогащения путем поборов с родственников умерших за подготовку трупов к захоронению.

Не секрет, что в крупных судебно-медицинских моргах подбор кадров санитаров оказывается в руках так называемых «старших» санитаров, либо руководителей ритуальных компаний.

Перспективой поборов и иных противозаконных форм заработка руководствуются и некоторые судебно-медицинские эксперты, нередко кочующие из одного бюро судебно-медицинской экспертизы в другое.

Основными методами предотвращения проникновения указанных лиц является тщательное изучение их характеристики и связей, а так же пристальное наблюдение в период испытательного срока.

- Выявление и пресечение правонарушений, планируемых к совершению, совершенных, либо совершаемых сотрудниками ГСМЭУ, а также выявление их коррупционных

связей.

Эта группа правонарушений определяется возможным заказным характером проведения судебно-медицинских экспертиз со стороны органов предварительного расследования и суда, а также иных лиц, в том числе адвокатов.

При этом в ряде бюро возникают устойчивые связи между адвокатами и «своими» судебно-медицинскими экспертами, препятствующие эффективной экспертной деятельности учреждения.

Среди признаков заказного (коррупционного) характера судебно-медицинской экспертизы и(или) исследования можно отметить следующие.

- Несоответствие судебно-медицинского диагноза и выводов данным наружного и внутреннего исследования трупа, касающихся причины и давности наступления смерти, количества повреждений и механизма их образования, возможности их причинения собственной рукой.
- Игнорирование специалистами ГСМЭУ данных лабораторных исследований, принципиально не соответствующих результатам судебно-медицинского вскрытия, установленному диагнозу и выводам.
- Немотивированное, противоречащее объективным данным исследования, подтверждение судебно-медицинским экспертом предложенных органами предварительного и судебного следствия конкретных обстоятельств происшествия.
- Неиспользование, ошибочное толкование или упущение в тексте судебно-медицинского документа клинических данных, имеющих решающее значение для выводов, приведенных в заключении судебно-медицинской экспертизы и(или) исследования.
- Принципиальное изменение выводов первичной судебно-медицинской экспертизы повторной экспертизой, в том числе выполненной в другом экспертном учреждении;
- Привлечение адвокатом судебно-медицинского эксперта в качестве специалиста для решения вопросов по выполненной им же экспертизе;
- Не обоснованное изменение экспертом в судебном заседании своих выводов, влияющее на исход уголовного или гражданского дела.

Среди механизмов выявления заключений судебно-медицинской экспертизы и(или) исследования, обладающих признаками заказного (коррупционного) характера, можно отметить следующие.

- Визирование руководителем структурного подразделения, руководителем ГСМЭУ или его заместителем сопроводительного документа к заключению судебно-медицинской экспертизы и(или) исследования, согласно которому заключение направляется лицу, назначившему экспертизу, в случаях наличия обоснованных подозрений на криминальный характер смерти лица и (или) причинения лицу тяжкого вреда здоровью.
- Проведение плановых и внеплановых проверок экспертной документации ГСМЭУ, в том числе при тематическом рецензировании в ходе подготовки методических рекомендаций и аттестации с привлечением профессорско-преподавательского состава кафедр судебной медицины.
- Методом проведения повторных комиссионных судебно-медицинских экспертиз.
- Путем изучения письменных оценок следователями выводов судебно-медицинских экспертов.
- Методом анализа повторных комиссионных экспертиз и заключений специалистов, выполненных в других ГСМЭУ.
- Путем проведения служебных проверок, начатых руководителем ГСМЭУ на основании соответствующих представлений и(или) определений и(или) иных документов, направленных правоохранительными органами и судами в ГСМЭУ.
- Путем комиссионной аналитической работы и оценки обстоятельств нераскрытых убийств, проводимой специалистами ГСМЭУ и уполномоченными подразделениями правоохранительных органов на межведомственных площадках в формате совещаний, комиссий, рабочих групп.

Среди мер по профилактике коррупционной составляющей при подготовке заключений судебно-медицинской экспертизы и(или) исследований можно отметить следующие.

- Организация ГСМЭУ эффективной

многоуровневой постоянно действующей системы оценки качества экспертных исследований.
- Обеспечение личного участия руководителя ГСМЭУ, его заместителей, руководителей структурных подразделений и членов методического совета в проведении судебно-медицинских экспертиз по резонансным делам.
- Обеспечение контроля за формированием состава экспертных комиссий в целях исключения производства научно недостоверных или заведомо ложных заключений судебно-медицинских экспертиз и(или) исследований.
- Обеспечение контроля со стороны руководства ГСМЭУ за процессом формирования экспертных комиссий в целях исключения конфликта интересов между специалистами ГСМЭУ и(или) иными лицами, вовлеченными в процесс предварительного или судебного следствия, а также процесс рассмотрения дел судами всех уровней; исключения предпосылок к формированию коррупционных связей между участниками комиссий.
- Применением эффективных действий, направленных на разрушение коррупционных связей и привлечение виновных к ответственности в случаях их установления между специалистами ГСМЭУ и(или) иными лицами, вовлеченными в процесс предварительного или судебного следствия, а также процесс рассмотрения дел судами всех уровней.
- Обеспечение непрерывного информационного взаимодействия, включая письменные официальные обращения, между руководителями ГСМЭУ и органами Прокуратуры, Следственного комитета и судами по вопросам обоснованных сомнений руководящих сотрудников ГСМЭУ в достоверности судебно-медицинских экспертиз, произведенных специалистами ГСМЭУ, включая вопросы полноты исследований, их научной обоснованности, достоверности.

Среди мер, направленных на разрушение сформированных коррупционных связей между специалистами ГСМЭУ и(или) иными лицами, вовлеченными в процесс предварительного или судебного следствия, а также процесс рассмотрения дел судами всех уровней можно отметить следующие.
- Организация в ГСМЭУ деятельности, направленной на обеспечение потребностей лиц, вовлеченных в процесс предварительного или судебного следствия, а также процесс рассмотрения дел судами всех уровней, по подготовке заключений специалистов по вопросам, относящимся к компетенциям ГСМЭУ, путем предоставления платных устных и письменных консультаций на договорной основе.
- Обеспечение со стороны руководящих сотрудников ГСМЭУ контроля за всеми обращениями по поводу предоставления ГСМЭУ платных устных и письменных консультаций по вопросам, относящимся к компетенциям ГСМЭУ.
- Направление письменных консультаций (заключений) специалистов в адрес заказчиков данных услуг только на основании соответствующих сопроводительных документов, подписанных уполномоченными руководящими сотрудниками ГСМЭУ.
- Фиксация в специальных регистрационных журналах предмета обращения за устной консультацией и краткого содержания предоставленной устной консультации.
- Выборочный анализ ССБ письменных и(или) устных консультаций специалистов ГСМЭУ по судебно-медицинским экспертизам, выполненных ими лично или другими экспертами ГСМЭУ.
- Обязательная регистрация на контрольно-пропускных пунктах ГСМЭУ всех посетителей с указанием сотрудников бюро, которым посетитель следует.
- Выделение специального помещения для бесед с посетителями, оснащенного системой видеонаблюдения.

Источники и предпосылки возникновения коррупционных факторов и связей между сотрудниками ГСМЭУ и иными лицами. Методические рекомендации по их профилактике и предотвращению

Профилактика и выявление фактов, препятствующих независимости судебно-медицинских экспертов от органов дознания, предварительного следствия и суда, а также участников

судопроизводства независимо от их процессуального положения, заинтересованных в исходе дела.

Представляется, что наиболее опасными среди источников давления на ГСМЭУ, включая его руководство, а также ущемления права экспертного сообщества на независимость являются попытки давления со стороны органов исполнительной власти, включая сотрудников аппарата руководства субъекта Российской Федерации, а также территориальных подразделений органов, уполномоченных на осуществление надзора и контроля в сфере здравоохранения в целях получения желаемых результатов судебно-медицинской экспертизы по резонансным уголовным делам, а так же в случаях привлечения медицинских работников к уголовной или гражданско-правовой ответственности.

Как представляется, эффективной мерой по пресечению вышеуказанных противоправных деяний является обеспечение информационного взаимодействия между ССБ ГСМЭУ и правоохранительными органами, включая территориальные подразделения Генеральной прокуратуры России и УФСБ субъекта федерации.

Предотвращение, выявление и пресечение правонарушений, в том числе коррупционного характера, в организационной, хозяйственной и финансово-экономической деятельности

Среди указанных видов правонарушений можно выделить следующие.

- Искусственное завышение оплачиваемого объема экспертной нагрузки путем нерационального применения методов исследования и приписок количества исследованных объектов.
- Методологически и юридически необоснованное взимание вознаграждения с родственников умерших или погибших граждан за внеочередные или проводимые в нерабочее время судебно-медицинские вскрытия. Практика показывает, что зачастую сотрудниками ГСМЭУ заключаются с родственниками умерших/погибших притворные сделки (договоры) на проведение консультаций, связанных с причинами смерти, прикрывающими истинную природу взаимоотношений между сторонами, связанных с внеочередными вскрытиями. Данные правонарушения зачастую сопровождаются попытками скрыть истинную природу получения денежных средств от заинтересованных лиц, сопряженными с служебными подлогами, выражающимся в уклонении от фиксации сути предоставленных консультаций в отчетных документах и учетных журналах, необоснованном завышении трудоемкости предоставленных консультаций, которые по количеству рабочих часов превышают время, затраченное на исследование трупов.
- Юридически необоснованное взимание вознаграждения сотрудниками моргов (санитарами) за услуги по подготовке трупов к захоронению сверх стоимости, утвержденной на основании соответствующих прейскурантов на услуги.
- Противоправное взимание руководящими сотрудниками ГСМЭУ, включая сотрудников администрации ГСМЭУ, руководителей структурных подразделений, с сотрудников ГСМЭУ платы за предоставление внутреннего совместительства, а так же для хозяйственных целей, включая покупку подарков, проведение официальных мероприятий и пр.
- Грубые нарушения порядка проведения торгово-закупочных процедур при за-купке ГСМЭУ товаров, работ, и услуг.
- Внедоговорные противоправные финансовые отношения между ритуальными компаниями и сотрудниками ГСМЭУ.

Как представляется, эффективными мерами по предотвращению проанализированных нарушений являются следующие:

- Внеплановые проверки подразделений ГСМЭУ с привлечением членов методического совета и специалистов других экспертных учреждений.
- Контрольные беседы заведующих областными моргами и районными, межрайонными и городскими судебно-медицинскими отделениями, а так же сотрудников ССБ ГСМЭУ с родственниками умерших по имеющимся претензиям.
- Письменные или устные запросы ССБ ГСМЭУ родственников умерших по фактам возможных вымогательств с передачей негативной информации в органы прокуратуры.
- Взаимодействие ССБ ГСМЭУ с органами

исполнительной власти и специализированными подразделениями правоохранительных органов в целях предоставления информации, поступающей от граждан, о действиях сотрудников ГСМЭУ, обладающих признаками преступлений, в том числе предусмотренного ст. 163 УК РФ (вымогательство).

Обеспечение процессов по неукоснительному соблюдению принципов конфиденциальности сведений, предоставленных органами дознания, следствия и суда; данных, содержащихся в судебно-медицинских экспертизах; иных сведений, разглашение которых нарушает конституционные права граждан, а также сведений, составляющих государственную, коммерческую, медицинскую, банковскую или иную охраняемую законом тайну.

В целях реализации данного направления деятельности ССБ ГСМЭУ представляется необходимым проведения следующих организационных мероприятий.

- Разработка локальных нормативных актов ГСМЭУ закрепляющими перечень документов и сведений, разглашение которых влечет за собой уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность, доведение их до сотрудников ГСМЭУ и контроль за неукоснительным соблюдением.
- Разработка системы предоставления и ограничения доступа к указанным документам и сведениям неуполномоченных на их получение сотрудников ГСМЭУ.
- Обеспечение сохранности представленных материалов дознания, следствия и судебных дел и иных материалов, а так же объектов исследования.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить контроль со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ следующих направлений деятельности ГСМЭУ.

- Обеспечение на до экспертном этапе сохранности трупов, одежды и ее содержимого, а так же доставленных вместе с трупом иных объектов.
- Контроль соблюдения сотрудниками ГСМЭУ процессуальных и ведомственных нормативных документов, регламентирующих порядок проведения экспертизы, сохранности и хранения материалов дел и вещественных доказательств, содержащихся при них. Одним из условий обеспечения сохранности сведений и документации является использование специализированных электронных систем доступа в служебные помещения подразделений ГСМЭУ.

Предупреждение нарушений хранения и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Представляется, что среди эффективных механизмов предупреждения и пресечения названного вида нарушений можно отметить следующие.

- Проведение контрольных проверочных мероприятий службы собственной безопасности на предмет соблюдения уполномоченными сотрудниками химического отделения ГСМЭУ правил хранения и учета наркотических средств и психотропных веществ.
- Обеспечение информационного взаимодействия ССБ с территориальными подразделениями МВД России, уполномоченными на расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Обеспечение процессов по неукоснительному соблюдению требований законодательства в части осуществления медицинской деятельности на основании полученных лицензий, в том числе деятельности по судебно-медицинским исследованиям умерших.

Деятельность ГСМЭУ осуществляется на основании лицензий, выданных Комитетом по здравоохранению.

Вопросы создания служб транспортировки умерших в морги, а также перечни моргов, в которые должны доставляться умершие определяются нормативно-правовыми актами органов исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации. В соответствии с данными НПА прием покойных по направлению правоохранительных органов осуществляется по конкретно определенным адресам. Вместе с тем, зачастую умерших доставляют в морги, расположенные в городских больницах по другим адресам, по которым лицензии на право осуществления медицинской деятельности ГСМЭУ не оформлялись. Таким образом ГСМЭУ допускаются нарушения ст. 12 Федерального закона

от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [2], постановления Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности» [5].

Необходимо отметить, что осуществление ГСМЭУ медицинской деятельности по адресам, не предусмотренным лицензией, приводит к необоснованному и незаконному осуществлению трудовой деятельности сотрудниками ГСМЭУ по данным адресам и, как следствие, незаконному расходованию бюджетных денежных средств на оплату данного труда.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить контроль со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за осуществлением медицинской деятельности в соответствии с полученными ГСМЭУ лицензиями.

Кроме того, при установлении руководящими работниками ГСМЭУ и(или) ССБ фактов несоблюдения Комитетом по здравоохранению требований действующего законодательства по маршрутизации умерших, прием которых осуществляется по направлениям правоохранительных органов, а также невыполнению обязательств по организации проведения медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований в медицинских организациях, подведомственных Комитету, а также проведения судебно-медицинских экспертиз в части установления порядка доставки умерших вне стационаров в определенные медицинские учреждения для проведения судебно-медицинских экспертиз необходимо обеспечить предотвращение и исключение данных правонарушений и ответственность виновных в их совершении лиц.

Проведение на безвозмездной основе ГСМЭУ экспертных исследований для правоохранительных и судебных органов находящихся в регионах отличных от региона нахождения ГСМЭУ.

Медицинские услуги на платной основе предоставляются ГСМЭУ на основании Устава и локального нормативного акта – Положения о порядке организации предоставления платных медицинских услуг, утверждаемого начальником ГСМЭУ.

Потребителями платных медицинских услуг ГСМЭУ являются физические лица, а также предприятия, учреждения и организации всех форм собственности, в том числе: медицинские организации; страховые организации и компании; воинские части и подразделения МЧС РФ; правоохранительные и судебные органы других регионов РФ и СНГ; иностранные граждане, консульства, представительства и другие юридические лица.

Положениями о предоставлении платных услуг урегулируется, что услуги по подготовке судебно-медицинских экспертиз предоставляются для правоохранительных и судебных органов субъекта нахождения ГСМЭУ безвозмездно.

Правоохранительные и судебные органы других регионов России, отличных от региона нахождения ГСМЭУ, являются потребителями платных медицинских услуг.

Вместе с тем, зачастую отделами сложных экспертиз ГСМЭУ оказываются услуги правоохранительным и судебным органам других регионов Российской Федерации на безвозмездной основе, за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения государственного задания субъекта нахождения ГСМЭУ. В то же время государственными заданиями оказание услуги для правоохранительных и судебных органов других регионов России не предусмотрено.

При вышеуказанных обстоятельствах ГСМЭУ допускаются нарушения требований законодательства РФ, приводящие к тому, что ГСМЭУ недополучает доходы в размере необоснованно проводимых на безвозмездной основе судебно-медицинских исследований.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить контроль со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за указанной деятельностью.

Использование оборудования ГСМЭУ сотрудниками в личных целя, в том числе с извлечением дохода в условиях отсутствия законных к тому оснований и превышения должностных полномочий

Проверками проводимыми территориальными подразделениями Счетной палаты России (контрольно-счетными палатами субъекта РФ) зачастую устанавливаются нарушения в части использования сотрудниками ГСМЭУ в личных целях оборудования ГСМЭУ.

Так, например, устанавливаются факты незаконного использования в личных целя

рентгеновских комплексов, в результате которого сотрудниками ГСМЭУ извлекаются доходы, направляемые не в бюджет ГСМЭУ, а используемые для личного обогащения.

Данные нарушение зачастую сопровождаются занесением недостоверных сведений в соответствующие журналы лабораторий отделения лучевой диагностики, либо искажения этих сведений.

Важно понимать, что рентгеновские исследования, проведенные сверх государственного задания и им не предусмотренные должны были осуществляться на платной основе.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить контроль за этим направлением деятельности со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ.

Нарушения порядка обеспечения открытости и доступности сведений, содержащихся в документах, а, равно как и самих документов государственных учреждений, путем размещения на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Зачастую сотрудниками ГСМЭУ нарушаются требования законодательства по своевременному и полному отражению сведений в автоматизированной информационной системе бюджетного процесса – «Электронное казначейство», а также своевременному отражению изменений во внесенных ранее сведениях, чем нарушаются требования пункта 2 Приказа Минфина России № 81н и пункта 17 Порядка составления ПФХД – узнать у Заславского, при изменении показателей ПФХД. Кроме того, новые Планы финансово-хозяйственной деятельности на бумажном носителе не составляются. Поискать приказы

ГСМЭУ допускаются нарушения порядка обеспечения открытости и доступности сведений, содержащихся в документах, а, равно как и самих документов государственных учреждений, путем размещения на официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», чем нарушаются требования п. 3.5 ст. 32 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [4], п. 15 приказа Минфина РФ от 21.07.2011 № 86н «Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, ее размещения на официальном сайте в сети Интернет и ведения указанного сайта» [8], согласно которому ГСМЭУ, не позднее пяти рабочих дней, следующих за днем принятия документов или внесения изменений в документы, предоставляет через официальный сайт уточненную структурированную информацию об ГСМЭУ с приложением соответствующих электронных копий документов. Информация в установленные законом сроки должна размещаться на официальном сайте в сети «Интернет» (www.bus.gov.ru).

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить именно контроль за этим со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ.

Нарушения, связанные с нецелевым расходованием субсидий, предоставляемых региональными бюджетами субъектов Российской Федерации в рамках реализации программ по развитию здравоохранения

В целях обеспечения высокой доступности и качества медицинской помощи при рациональном использовании ресурсов здравоохранения и на основании соответствующих постановлений органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации реализуются программы по развитию здравоохранения.

В рамках данных программ из бюджета субъекта Российской Федерации выделяются целевые денежные средства (субсидии).

Вместе с тем, Комитетами по здравоохранению и уполномоченными органами ГСМЭУ в недостаточной мере обеспечивается процесс контроля за расходованием предоставленных денежных средств, что выражается в многочисленных нарушениях при проведении конкурсных процедур, направленных на покупку товаров, работ и услуг; в нарушениях, связанных с приемкой поставляемых товаров, работ и услуг, а также принятием эффективных мер сотрудниками ГСМЭУ, направленных на защиту его интересов в связи с нарушениями, допущенными поставщиками в части сроков поставки, комплектности товаров; нарушениях, связанных с документарным обеспечением поставки и приемки поставляемых товаров, работ и услуг, а также обоснованностью подписания актов приемки-передачи.

Данные нарушения приводят как к потерям

бюджетных денежных средств, так и к необоснованным убыткам ГСМЭУ, сотрудники которого подписывают акты выполненных работ или монтажа оборудования в условиях отсутствия данного факта, что неправомерно снижает срок гарантийных обязательств поставщиков товаров, работ и услуг, начинающих течь с момент подписания актирующей документации.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить контроль со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ.

Нарушения в области порядка формирования штатных расписаний ГСМЭУ и ведения кадровой политики ГСМЭУ; их влияние на достоверность отчетов ГСМЭУ о выполнении государственного задания

Порядок формирования штатных расписаний, устанавливается на основании соответствующих методик определения штатной численности работников государственных учреждений здравоохранения, финансируемых за счет средств бюджета. Данные методики разрабатываются территориальными Комитетами по здравоохранению. Изменения в штатные расписания подлежат согласованию с Комитетом по здравоохранению.

При отсутствии регулирования вопросов расчета штатных расписаний в Методике определения штатной численности и методических рекомендациях Комитета по здравоохранению, штатные расписания рассчитываются на основе штатных нормативов, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения.

Так, например, на основании Приказа Минздравсоцразвития России № 346н, Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 09.06.2003 № 230 «Об утверждении штатных нормативов служащих и рабочих государственных и муниципальных учреждений здравоохранения и служащих централизованных бухгалтерий при государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения» [10] (штатные нормативы Минздрава России) расчет потребности медицинского персонала производится ГСМЭУ с учетом рекомендуемых штатных нормативов государственных судебно-экспертных учреждений и экспертных подразделений системы здравоохранения на основании объемных показателей государственных заданий.

Сотрудниками ГСМЭУ подаются сведения в уполномоченные органы государственной власти о расчетных показателях потребности в медицинском персонале для выполнения государственных заданий, исходя из объемов заданий.

Вместе с тем нередки случаи, когда расчет штатной численности является недостоверным, что подтверждается следующим.

Ряд ГСМЭУ в условиях недоукомплектованного штата выполняют и даже перевыполняют государственное задание по проведению судебно-медицинских экспертиз, в том числе в части исследований трупов.

Сообщение недостоверных данных о потребности в в медицинском персонале для выполнения государственных заданий приводит к необоснованному расходованию бюджетных денежных средств.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за нарушениями, связанными с необоснованным применением коэффициентов специфики работы, процессами планирования деятельности ГСМЭУ в части формирования штатного расписания, определения потребности в расходах на оплату труда, а также соблюдения Методик определения штатной численности с учетом структуры ГСМЭУ, специализации и возложенных на него задач.

Нарушения, связанные с необоснованным применением коэффициентов специфики работы, повышающих размер заработной платы работников

В соответствии с приказом Минтруда России от 24.01.2014 № 33н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению» [6] выявление на рабочем месте факторов производственной среды и трудового процесса, источников вредных и (или) опасных факторов осуществляется путем изучения представляемых работодателем характеристик технологического процесса, должностной

инструкции и иных документов, регламентирующих обязанности работника.

Вместе с тем, в ряде случае устанавливаются нарушения в действиях сотрудников ГСМЭУ, связанных с включением категорий работников, работа которых не осуществляется в соответствии с их должностными инструкциями во вредных и опасных производственных факторах, либо осуществлялась в объеме менее 50 % рабочего времени.

Таким образом, ГСМЭУ нарушается порядок оплаты труда работников в результате установления коэффициента специфики работы за работу во вредных условиях труда персоналу по различным факторам вредности без документального подтверждения их работы во вредных и опасных условиях труда, что приводит к необоснованным выплатам заработной платы отдельным сотрудникам ГСМЭУ, и, соответственно, к потерям средств бюджета в данных суммах.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за указанными нарушениями.

Нарушения, связанные с оплатой труда совместителей, осуществляющих трудовую деятельность в ГСМЭУ

В соответствии со ст. 282 ТК РФ не допускается работа по совместительству лиц на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, если основная ра-бота связана с такими же условиями.

В нарушение ст. 283 ТК РФ прием Учреждением совместителей на работу с вредными и (или) опасными условиями труда в ряде случаев осуществлялся без предоставления работником справки о характере и условиях труда по основному месту работы.

В ряде случае отмечаются нарушения, связанные с отсутствием в ГСМЭУ справок о характере и условиях труда по основному месту работы у сотрудников, с которыми заключаются трудовые договоры на работу по совместительству.

В результате заключения трудовых договоров на работу по совместительству в нарушение трудового законодательства, ГСМЭУ производятся расходы по оплате труда совместителей без достаточных к тому правовых оснований.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за соответствующим направлением деятельности.

Нарушения, связанные с оплатой услуг специалистов, привлекаемых ГСМЭУ на основании гражданско-правовых договоров

В соответствии со ст.ст. 1 и 12 Федерального закона № 73-ФЗ государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами.

Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

Порядок проведения комиссионных судебных экспертиз регламентирован ст.ст. 21, 23 Федерального закона № 73-ФЗ и Приказом Минздравсоцразвития России № 346н, в соответствии с которыми комиссионная судебная экспертиза производится несколькими, но не менее чем двумя экспертами одной или разных специальностей; комиссионный характер судебной экспертизы определяется органом или лицом, ее назначившими, либо руководителем государственного судебно-экспертного учреждения. Организация и производство комиссионной судебной экспертизы возлагаются на руководителя государственного судебно-экспертного учреждения.

При производстве комиссионной судебной экспертизы экспертами разных специальностей (далее – комплексная экспертиза) каждый из них проводит исследования в пределах своих специальных знаний.

В соответствии с п. 15 Приказа Минздравсоцразвития России № 346н руководитель государственного судебно-медицинского учреждения изучает постановление или определение о назначении экспертизы, устанавливает вид, характер и объем предстоящей экспертизы и на этом основании определяет исполнителя (исполнителей), которому поручает производство экспертизы, в том числе эксперта-организатора при производстве комиссионной и комплексной экспертизы; а также порядок привлечения к проведению экспертизы или участию в процессуальном действии

экспертов иных экспертных, научных, образовательных и других учреждений, указанных в постановлении или определении о назначении экспертизы.

В соответствии с п. 93 Приказа Минздравсоцразвития России № 346н к производству комиссионных и комплексных экспертиз по делам о привлечении к ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения, а также связанным с необходимостью определения степени утраты профессиональной трудоспособности и степени тяжести вреда, причиненного здоровью в случаях прерывания беременности, потери производительной способности, возникновения психического расстройства, заболевания наркоманией либо токсикоманией, могут привлекаться эксперты – врачи соответствующих специальностей.

В соответствии со ст. 100 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЭ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1] право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации до 01.01.2026 имеют лица, получившие медицинское образование в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие сертификат специалиста; лица, имеющие медицинское или фармацевтическое образование, не работавшие по своей специальности более пяти лет, могут быть допущены к осуществлению медицинской деятельности в соответствии с полученной специальностью после прохождения обучения по дополнительным профессиональным программам (повышение квалификации, профессиональная переподготовка) и при наличии сертификата специалиста.

Вместе с тем в ряде случаев устанавливаются нарушения при осуществлении деятельности ГСМЭУ, связанные с отсутствием в их распоряжении документов, подтверждающих наличие сертификата специалиста или иных документов (о повышении квалификации и профессиональной переподготовке), а также права осуществления медицинской деятельности у врачей-специалистов, с которыми ГСМЭУ заключают договоры на оказание медицинских услуг по участию в производстве экспертиз и исследований по материалам уголовных и иных дел.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за соблюдением порядка ведения реестра привлекаемых специалистов и обеспечения получения у врачей-специалистов сертификатов и иных документов (о повышении квалификации и профессиональной переподготовке), предоставляющих им право осуществления медицинской деятельности, а также обеспечения надлежащего хранения данной документации в кадровых подразделениях ГСМЭУ.

Нарушения, связанные с проведением конкурсных процедур, направленных за закупку товаров, работ и услуг

Порядок проведения закупочных процедур в части регламентации порядка формирования начальной (максимальной) цены контракта определен соответствующими Методическими рекомендациями по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), утвержденными Приказом Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567.

В соответствии с положениями Методических рекомендаций по определению НМЦК:

- обоснование НМЦК заключается в выполнении расчета указанной цены с приложением справочной информации и документов с указанием реквизитов расчетов документов, на основании которых выполнен расчет (п. 2.1);
- одной из рекомендуемых процедур получения ценовой информации для определения НМЦК является направление заказчиком не менее 5 запросов поставщикам (подрядчикам, исполнителям), обладающим опытом поставок соответствующих товаров, работ, услуг (п. 3.7.1);
- не рекомендуется использовать для расчета НМЦК ценовую информацию, содержащуюся в документах, полученных заказчиком по его запросам и не соответствующих требованиям, установленным заказчиком к содержанию таких документов, а также не содержащую расчет цен товаров, работ, услуг.

Вместе с тем, указанные Методические рекомендации не всегда соблюдаются ГСМЭУ, что приводит к необоснованному завышению НМЦК.

Среди инструментов эффективного

противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ.

Нарушения, связанные с оформлением фактов хозяйственной жизни ГСМЭУ как экономического субъекта первичными учетными документами

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ первичный учетный документ должен быть составлен при совершении факта хозяйственной жизни, а если это не представляется возможным непосредственно после его окончания. Лицо, ответственное за оформление факта хозяйственной жизни, обеспечивает достоверность данных, отраженных в первичных документах.

Представленные исполнителем работы или услуги товаросопроводительные документы или акты оказанных работ (услуг) без оформленного, в установленном порядке финансового документа, например акта приема-передачи медицинских отходов, не соответствуют требованиям ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ.

ГСМЭУ допускаются нарушения требований, предъявляемых к оформлению фактов хозяйственной жизни экономического субъекта первичными учетными документами.

Так, например, данные нарушение происходят при приемке выполненных работ по вывозу медицинских отходов.

Обязанности по участию в процессе погрузки и вывоза контейнеров с отходами с территории ГСМЭУ, а также наблюдению за объемами производимых подрядчиком работ возлагаются как правило на дворников и закрепляются в их должностных инструкциях.

Вместе с тем, при проверке документации, представляемой ГСМЭУ при проведении соответствующих проверок устанавливается следующее.

Графиками работы дворников не предусматривается осуществление трудовой деятельности в выходные и праздничные дни. Вместе с тем, работы по вывозу отходов в данные дни осуществляются, что свидетельствует о невозможности осуществления контроля со стороны уполномоченных лиц ГСМЭУ за объемами вывозимых отходов.

На основании вышеизложенного очевидным становится вывод о недостоверности сведений, отражаемых исполнителями услуги в отчетной документации – актах, а также о недостаточности оперативного контроля за деятельностью подрядчиков со стороны сотрудников ГСМЭУ.

Кроме того, акты содержат и иные дефекты. Так, например, не указываются фамилии исполнителей в актах оказанных услуг, а проставляется лишь их подпись, что не отвечает требованиям достоверности, регламентированным ч. 3 ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ, предъявляемым к документам первичного бухгалтерского учета.

Вышеизложенного приводит к тому, что ГСМЭУ осуществляют приемку и оплату невыполненных работ, необоснованно расходуя денежные средства.

Аналогичные нарушения при актировании транспортных услуг допускаются сотрудниками ГСМЭУ при актировании и оплате данных услуг частично финансируемых за счет субсидий, а частично за счет собственных средств ГСМЭУ. Так, например, распространенных нарушением является оплата услуг без составления отчетов о фактическом использовании автомобилей, без надлежащего оформления путевой документации. Таким образом, ГСМЭУ допускается расходование бюджетных денежных средств на услуги, факт оказания которых в целях осуществления деятельности ГСМЭУ, установленной Уставом, документально не подтвержден.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за деятельностью по оформлению хозяйственной жизни управления каждого субъекта.

Неприменение мер ответственности (неустойки, пени, штрафов) к недобросовестным поставщикам (подрядчикам, исполнителям)

Согласно положениям требований ч. 8 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ Штрафы начисляются за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом, за исключением просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств (в том числе гарантийного обязательства), предусмотренных контрактом. Размер штрафа устанавливается контрактом в порядке, установленном Правительством Российской

Федерации, за исключением случаев, если законодательством Российской Федерации установлен иной порядок начисления штрафов.

Распространенным нарушением, допускаемым сотрудниками ГСМЭ является не начисление пени поставщикам за нарушение срока поставки, не направлением претензий в адрес поставщика с требованием оплатить неустойку за просрочку исполнения обязательств, что приводит к недополучению доходов ГСМЭУ в суммах применяемых мер ответственности.

Среди инструментов эффективного противодействия вышеуказанным нарушениям можно отметить необходимость обеспечения контроля со стороны должностных лиц ГСМЭУ и ССБ за обеспечением данного вида деятельности

Высказанные предложения связаны со многими процессами, происходящими в нашей стране и мире, в первую очередь с бурным развитием биомедицинских технологий на рубеже XX м XXI веков и внедрением их результатов в повседневную медицинскую практику [13; 19; 20]. В настоящее время различные медицинские практики, совсем недавно о которых даже не всегда писали фантасты. Наряду с трансплантацией органов и тканей человека [17; 18] все активнее используются изделия, изготовленные из тканей мертвого человека, например, гомографты Болсуновского [12]. Кроме того, на совершенно серьезно обсуждаются проблемы клонирования человека [11; 14; 15; 16].

Новые тенденции, связанные с активными развитием медицины и использованием в ней биомедицинских технологий, привлекают не только энтузиастов науки и медицинских практиков, но и порой тех, кто на этом желает нажиться преступным путем. По нашему мнению, введение службы собственной безопасности в ГСМЭУ позволит в значительной степени предупредить злоупотребления.

Выводы

1. В современных условиях для обеспечения противодействия коррупции и иных правонарушений на всех этапах организации и проведения судебно-медицинских исследований необходимо создание в структуре ГСМЭУ подразделений службы собственной безопасности..
2. Министерству здравоохранения Российской Федерации целесообразно поручить нескольким бюро судебно-медицинской экспертизы провести эксперимент по созданию службы собственной безопасности с разработкой временного положения и определения штатной численности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
2. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.
3. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.
4. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 145.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2012 № 291 «О лицензировании медицинской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 17. – Ст. 1965.
6. Приказ Минтруда России от 24.01.2014 № 33н «Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению» // Российская газета. – 2014. – № 71. – 28 марта.
7. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 06.08.2013. № 529н «Об утверждении номенклатуры медицинских организаций» // Российская газета. – 2013. – № 224. – 7 октября.
8. Приказ Минфина РФ от 21.07.2011 № 86н «Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, ее размещения на официальном сайте в сети Интернет и ведения указанного сайта» // Российская газета. – 2011. – № 234. – 19 октября.

9. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» // Российская газета. – 2010. – № 186. – 20 августа.
10. Приказ Минздравсоцразвития России № 346н, Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 09.06.2003 № 230 «Об утверждении штатных нормативов служащих и рабочих государственных и муниципальных учреждений здравоохранения и служащих централизованных бухгалтерий при государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения» // Здравоохранение. – 2003. – № 10.
11. Бабаджанов И.Х. Сальников В.П. Клонирование человека: теория правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 173-182.
12. Болсуновский В.А., Заславский Г.И., Сальников В.П., Сальников М.В., Чёрный Я.А. Совершенствование законодательной и нормативной базы отечественной гомоимплантации // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 94-103.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Биомедицинские эксперименты над человеком и право // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 2(18). – С. 40-49.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
15. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
16. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
17. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 38-40.
18. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Серия: «Право и медицина».
19. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – Серия: «Право и медицина».
20. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.

МАКАРЕНКО Максим Анатольевич,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: lawonda@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ В СВЕТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. *Анализируется становление и развитие института государственного обвинения в России. Сконцентрировано внимание на предназначении отечественной прокуратуры, которое в ходе судебной реформы 1864 г. определило задачи прокурора, участвующего в рассмотрении уголовных дел судами. Показано его искажение в последующие годы и в советское время. Автор считает, что некоторые проблемы деятельности прокурора в современном уголовном судопроизводстве могут быть решены на основе опыта, полученного еще во второй половине XIX века.*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *государственный обвинитель; обвинительная власть; правосудие; прокурор; прокурорский надзор; судебная реформа; уголовное судопроизводство.*

MAKARENKO M.A.

THE PUBLIC PROSECUTOR IN THE LIGHT OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864: HISTORY AND THE PRESENT

The summary. *The article is devoted to the questions of formation and development of the public prosecutor institution in Russia. It is concentrated on the predestination of Russian public prosecutor's office which defined during the judicial reform in 1864 the tasks of the public prosecutor participating in investigating of criminal cases in courts. Its misrepresent in subsequent and soviet periods is showed. The author considers that some problems of public prosecutor's activity in the modern criminal proceedings could be resolved on basis of experience obtained in the second part of XX century.*

The article is being printed in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words*: public prosecutor; procurator; prosecutor authority; procurator's supervision; judicial reform.*

Крупные судебные реформы, проведение которых в России осуществлялось во имя законности и справедливости, незыблемости прав и свобод личности, имели место дважды. Доктринальной основой первой из них явились утвержденные 29 сентября 1862 г. Императором Александром II «Основные положения преобразования судебной части в России» [17]. Фундаментом второй из них явилось Постановление Верховного Совета РСФСР от 24

октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [1]. Как данные документы, так и принятые на их основе кодифицированные законодательные акты, изначально были нацелены на позитивные преобразования государственной деятельности по отправлению правосудия, производству расследования и реализации контрольно-надзорных механизмов, в частности, в сфере функционирования уголовно-процессуальных правоотношений.

Идеи, изложенные в первом из названных источников, получили нормативное закрепление и были последовательно реализованы, прежде всего, в утвержденных в Царском Селе 20 ноября 1864 г. Указом Императора Правительствующему Сенату таких актах, как Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. Второй из них, хоть и был утвержден Постановлением Верховного Совета РСФСР, в качестве нормативного акта рассматриваться вряд ли может. Он содержит в себе комплекс общих и частных положений, которые планировалось внедрить в новое законодательство и практическую деятельность. Знаменательно, что в обоснование будущих нововведений в нем немало говорится о тех достижениях, которых удалось достигнуть в ходе судебной реформы 1864 г. И это не случайно, ведь наряду с зарубежными моделями уголовного судопроизводства имелась и модель отечественная, которая, несмотря ни на что, с успехом была реализована в самодержавной России второй половины XIX века.

Обе судебные реформы проводились в условиях кардинальных перемен в обществе и в стране в целом, формирования новых экономических отношений, гуманизации государственной политики. Генеральной задачей явилась смена самого типа уголовного судопроизводства, предполагающая его подчинение состязательным началам. Оно должно было перестать быть «орудием» в борьбе с преступностью и стать средством восстановления справедливости, нарушенной в результате совершения преступных деяний. По нашему мнению, определенных успехов в этом деле достичь удалось, и, причем, как во второй половине XIX, так и в конце 90-х годов XX и начале XXI века. Однако, как инициаторы преобразований, так и проводившие их в жизнь государственные деятели, столкнулись с рядом серьезных проблем, как нормативного характера, так и организационно-управленческого и кадрового.

Среди них могут быть выделены проблемы обеспечения независимости и процессуальной самостоятельности органов юстиции, равенства возможностей обвинения и защиты – состязающихся сторон в уголовном процессе. Определяющее значение при этом приобретают назначение и характер деятельности суда, прокуратуры и следствия, от которых в значительной степени зависит функционирование всей системы уголовного судопроизводства. Все эти вопросы остаются актуальными и в настоящее время, являются предметом оживленных дискуссий в науке уголовного процесса.

Обратимся к самим истокам уголовно-судебной деятельности прокуратуры. В самые первые месяцы ее существования в России в ней образуется следственная канцелярия, которую вскоре преобразуют в Розыскную контору Вышнего суда [24, стр. 54]. Известны лишь единичные случаи производства прокурорами расследований, как, собственно, и должностными лицами других ведомств. Екатерина II даже поручила генерал-прокурору руководство Тайной экспедицией – следственным органом, расследовавшим политические дела [7, стр. 29]. Судя по именным указам «О должности Сената» (7 марта 1726 г.) и «О разсматривании и конфирмации в Военных Коллегиях приговоров по делам уголовным о нижних воинских чинах, не представляя в Сенат» (7 июня 1728 г.) чины прокурорского надзора принимали участие в рассмотрении уголовных дел по существу совместно с сенаторами[26].

Вместе с тем, в одной из получивших известность работ Н.В. Муравьева отмечается, что до судебных реформ Александра II прокуратура являлась преимущественно органом общего (административного) надзора, а «собственно судебная, обвинительная или исковая деятельность составляла лишь одно из частных дополнений к функции надзора, едва намеченное в законе, слабое и незначительное на практике» [16, стр. 266]. Однако все же именно в данный период развития института отечественной прокуратуры наметилась тенденция к наделению прокуроров специальными полномочиями в сфере производства по уголовным делам, все больше становившихся предметом их «особой заботы». Так, в 1775 г. при губернских прокурорах вводятся должности стряпчих, призванных

наблюдать за законностью при производстве следствия, непосредственно предусматривается «надзор по суду и расправе». Стряпчие в 1834 г. приобретают право производства допросов и предъявления предписаний об устранении нарушений в сфере расследования преступлений.

В циркулярном ордере Губернским прокурорам от 26 сентября 1802 г., утвержденным первым Министром юстиции, генерал-прокурором и поэтом Г.Р. Державиным [19, стр. 95-96], прямо предусматривается прокурорский надзор за деятельностью органов расследования, что позволяет прийти к выводу о юридическом закреплении нового отраслевого его направления [27, стр. 157]. Обращает на себя внимание тот факт, что в его рамках прокуратуре ставилась задача приведения следствия «…в надлежащую ясность, точность…», обеспечения того, чтобы оно было «…окончено с совершенным беспристрастием, дабы высшнему месту не оставалось не сомнения не повода требовать по делу дополнительных доследований». При этом ее чины должны были защищать обвиняемого, в том числе от истязаний и иных противозаконных мер. В части участия лиц прокурорского надзора в рассмотрении уголовных дел судами говорится: «когда следствия кончены и преступления открыты, то принадлежит тщательному бдению вашему смотреть за правосудием». Таким образом, состоя традиционно при судебных присутственных местах, прокуроры осуществляли надзор за соблюдением ими законов.

«Основными положениями преобразования судебной части в России» (далее – Основные положения) вводится целый ряд принципиально новых для России институтов, нашедших к тому времени апробацию в странах Западной Европы. Однако институт государственного обвинения в том виде, в котором он там существовал, был отвергнут составителями Судебных уставов 1864 г., поскольку требовал существенного преломления в условиях российской действительности. Как было показано, изначально назначение отечественной прокуратуры заключалось в осуществлении надзора, обеспечивающего охрану закона, в том числе от нарушений со стороны органов уголовного преследования. А.Ф. Кони достаточно обстоятельно описывает причины того, что в России не был воспринят ни один из типов обвинителя, сформировавшихся во Франции, Германии и Англии. Называя прекрасной должность губернского прокурора, наследием петровских времен, одним из лучших екатерининских учреждений, «Блюстителем закона», «Царским оком»…, ученый отмечает, что она не имела никаких элементов для выработки обвинительных приемов. Им названы такие черты русского обвинителя как спокойствие, отсутствие личного озлобления против подсудимого, опрятность приемов обвинения, полное отсутствие лицедейства в голосе, в жесте и в способе держать себя на суде [13, стр. 84-120].

Согласно нормам части первой Основных положений, определяющих построение новой судебной системы, судебная власть отделяется как от власти административной, так и от власти законодательной. Правительствующий Сенат представлен в них как высший орган судебной власти – верховный кассационный суд, который сам не разрешает дела по существу, но наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными местами. Как видим, функция надзора за законностью решений судебных палат и окружных судов по уголовным делам не принадлежала генерал-прокуратуре.

В числе членов окружных судов состояли судебные следователи, должности которых были предусмотрены в специально созданных следственных участках. Они могли быть призваны для пополнения состава суда с целью участия в рассмотрении уголовных дел, но только тех, по которым следствие ими не проводилось. Соответственно, их должностная принадлежность тяготела к власти судебной, однако в отправлении правосудия они могли принимать участие только в случаях наличия на то необходимости. По всей видимости, таковая могла иметь место в основном в начале судебной реформы, а также в отдаленных губерниях, где учреждение новых порядков затянулось на долгие годы [9, стр. 68-118; 20; 21; 22; 23].

Что касается прокуратуры, то она к судебной власти не относилась. Прокуроры и их товарищи (помощники) традиционно заняли свое место при судебных палатах и окружных судах. Обер-прокурор находился как при кассационных департаментах Правительствующего Сената, так и при их общем собрании. В п. 51 Основных положений раскрыта сущность прокурорских обязанностей, которая состояла в наблюдении (по сути

– надзоре) за единообразным и точным применением законов. При этом перед прокурорами была поставлена задача выявлять нарушения законного порядка судопроизводства, принимать меры по его восстановлению, «преследованию судом» нарушителей закона. Также предусматривалась правотворческая функция, которая могла быть реализована прокурором в случаях выявления им неполноты закона, требующим возбуждения законодательного вопроса. Но, несмотря на то, что надзор прокуратуры за судами сохранялся, прокуроры не должны были вмешиваться в их деятельность, каким либо образом ограничивать их независимость, процессуальную самостоятельность.

Прокуроры осуществляли так называемый «общий надзор» [6, стр. 13] за судами, который ограничивался внепроцессуальной сферой их деятельности. Генерал прокурор, он же и министр юстиции, подчиненные ему прокуроры организовывали работу судов, распространяя действие Уставов в масштабах Российской империи. В процессуальном же аспекте они являлись лишь участниками судебных процессов, обладая процессуальными возможностями, равными тем, что были предоставлены стороне защиты. Как уже отмечалось, именно Сенат являлся органом высшей судебной власти и даже генерал-прокурор не мог быть выше него в деле отправления правосудия, хотя именно он и представлял лично его решения на утверждение Императора, когда такое утверждение предусматривал закон.

В ходе проведения судебной реформы происходили существенные изменения и в деятельности органов прокуратуры. В 60-90-е гг. XIX века существовали две ее подсистемы – губернская и судебная. В целом же ее деятельность регламентировалась как дореформенным законодательством, так и нормами Судебных уставов. Права и обязанности губернских прокуроров и стряпчих становились аналогичными тем, которыми наделялись прокуроры при судах [11, стр. 2504-2505].

Во второй части Основных положений, посвященной уголовному судопроизводству, провозглашается отделение обвинительной власти от судебной, прямо указывается на то, что ее носителями могут быть исключительно прокуроры. В содержание обвинительной власти вкладывается обнаружение преступлений и преследование виновных. Судам в обязанность вменяется рассмотрение всех дел «по точному разуму существующих законов», предусматривается их ответственность за отказ в правосудии, под которым тогда понималась остановка производства по делу под предлогами неполноты, неясности, недостатков, противоречий законов. Как представляется, данное правило относилось и к судебным следователям, являющихся членами окружных судов.

Наделение прокуроров обвинительной властью предопределяло наличие у них широких полномочий по надзору за законностью процессуальной деятельности судебных следователей, а также полицейских чинов, которые при производстве дознания по преступлениям и проступках находились от них в непосредственной «зависимости». Судебный следователь «все необходимые по предварительному следствию действия и меры… предпринимает собственной властью», но при этом о каждом начатом расследовании обязан сообщать прокурору. Последний же обладал правом по своему усмотрению участвовать в следственных действиях, изучать их материалы, предъявлять требования по вопросам исследования преступления и собирания доказательств, требования и предложения в части применения мер процессуального принуждения, наделялся и рядом других полномочий.

Следует обратить особое внимание на то, что соблюдение установленного порядка производства следствия могло стать предметом судебного контроля в случаях поступления в суд не только жалоб частных лиц, но и представлений следователей или предложений прокуроров. Так, в случае, если следователь был не согласен с предложением прокурора о задержании обвиняемого, он имел право обратиться с соответствующим представлением в суд. В современных условиях подавляющее большинство ученых категорически против того, чтобы спорные вопросы между следствием и прокуратурой разрешались судами. Однако, как представляется, такой подход не вполне оправдан. По другим направлениям прокурорского надзора обращение прокурора в суды вполне успешно применяется на практике.

Если по результатам изучения материалов оконченного следствия прокурор приходил к выводу, что подозреваемый должен быть предан суду, он сам составлял акт обвинения. Данный обвинительный документ, таким образом, выступал в качестве акта предания обвиняемого

суду [8, стр. 2493]. В нем излагалось существо обвинения, его основания, род и вид преступления или проступка. Вместе с делом и перечнем подлежащих вызову лиц он передавался в суд, который впоследствии и знакомил с ним обвиняемого, принимал его предложения о назначении защитника, вызове свидетелей. Если же прокурор устанавливал необходимость прекращения уголовного дела, он обращался за этим в окружной суд, который при несогласии с его позицией передавал дело в вышестоящий орган судебной власти – судебную палату.

В настоящее время по подавляющему большинству обстоятельств уголовное дело или уголовное преследование могут быть прекращены следователем или дознавателем, которые лишь обязаны уведомить о принятии такого решения прокурора посредством направления ему копий соответствующих постановлений. Лишь в некоторых случаях данный, весьма важный вопрос, непосредственно касающийся права потерпевшего на доступ к правосудию, выносится на рассмотрение суда. Это прекращение уголовного преследования с применением судебного штрафа, принудительных мер воспитательного воздействия.

Основные положения устанавливали порядок рассмотрения уголовных дел судом, начинавшегося с чтения обвинительного акта. В состязательном процессе прокурору, как обвинителю, противопоставлялся защитник подсудимого. Кроме них в допросах и прениях был вправе принимать участие потерпевший. В прениях прокурор выступал с обвинительной речью, после него слово предоставлялось отыскивающему вознаграждение за вред и убытки (в одном лице, и потерпевший, и гражданский истец) или его поверенному, а затем – подсудимому или его защитнику. Судьи, а при наличии таковых, и присяжные заседатели, имели право требовать разъяснений. Прокурор мог представить свои дополнительные объяснения. Председательствующий в судебном заседании кратко излагал суть дела и представленные в пользу и против подсудимого доказательства. Перед разрешением вопросов о наказании суд выслушивал заключение государственного обвинителя, а также объяснение подсудимого или его защитника.

Прокуроры наделялись правом подавать протесты, но не на все приговоры, а только те из них, что были постановлены вразрез с их заключениями, и только по тем делам, по которым преследование велось независимо от жалоб частных лиц. Сенат, выступая в качестве кассационной инстанции, принимал решение по протесту после его изложения одним из сенаторов и заслушивания заключения обер-прокурора. Перед исполнением окончательные приговоры в случаях, предусмотренных п. 112 «Основных положений…», генерал-прокурор представлял на утверждение Императору. Особой сферой надзора являлось как приведение приговоров суда в исполнение, так и соблюдение при этом прав осужденных.

Как отмечал А.Ф. Кони, ввиду статей 9-13 и ст. 58 Положения о прокурорском надзоре прокуроры приобретают особое значение, соединяя обязанности обвинителя и во многих отношениях функции дореформенного губернского прокурора [14, стр. 121]. В их среде, по крайне мере в первое десятилетие действия судебных уставов, защита прав личности играла первостепенную роль. В отличие от западных коллег они имели право отказаться от обвинения, если оно не подтверждалось исследованными в суде доказательствами, а также право поддерживать гражданский иск потерпевшего. «Судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя, начертали и нравственные требования, которые облегчают и повышают его задачу, отнимая у исполнителя ее формальную черствость и бездушную исполнительность. Так они устранили, указывая задачу прокурора, требовать обвинение во что бы то ни стало и старались удержать его от близорукой или ослепленной односторонности» [14, стр. 125]. Далее А.Ф. Кони ссылается на объяснительную записку 1863 г., в которой составители Уставов обязывают государственного обвинителя не возбуждать к подсудимому неприязненных чувств. Русский прокурор, государственный обвинитель, не опирался на западные «вредные» и «чуждые» образцы. В отличие от них он не должен был представлять в суде уголовное дело в одностороннем порядке, ссылаясь лишь на обвинительные доказательства. При этом стеснен он обвинением не был и какой-либо другой цели, кроме правосудия, не преследовал.

Неизменно актуальными остаются высказывания А.Ф. Кони, которые весьма точно отражают саму сущность государственного обвинения. «На государстве лежит задача охранения

общества, между прочим, преследованием нарушителей закона, и практическое служение этой важной задаче выпадает в судебном состязании на долю прокурора-обвинителя. Исполняя свой тяжелый долг, он служит обществу. Но это служение только тогда будет полезно, когда в него будет внесена строгая нравственная дисциплина и когда интерес общества и человеческое достоинство личности будут ограждаться с одинаковою чуткостью и усердием… Прокурору не приличествует забывать, что у защиты, теоретически говоря, одна общая с ним цель содействовать, с разных точек зрения, суду в выяснении истины…» [14, стр. 126, 129].

К сожалению, довольно скоро в уголовном судопроизводстве наметились обратные тенденции, направленные на сворачивание величайших достижений составителей Уставов, столь успешно внедренных в практическую деятельность по отправлению правосудия. Необходимость противостоять нарастающим революционным движениям требовала активизации репрессивных механизмов, позволяющих обеспечить эффективное им противодействие [3; 4; 5; 12; 18].

Изменения нашли свое отражение и в деятельности государственных обвинителей. Уже в середине 70-х годов XIX столетия появился циркуляр, коим им было предписано в каждом случае отказа от обвинения представлять в центральный аппарат Министерства юстиции отчеты, в которых должны были излагаться причины принятия решений об отказе от обвинения. Кроме того, как при осуществлении прокурорского надзора, так и в ходе участия в суде, в среде прокуроров начинает прослеживаться обвинительный уклон. В своих трудах А.Ф. Кони, в частности, описывает практику составления обвинительных актов при недостаточности улик, случаи затягивания момента привлечения лица в качестве обвиняемого, использования прокурорами и следователями иных, немыслимых в первое десятилетие действия Уставов приемов и способов. По его мнению, в уголовном процессе происходило извращение задач обвинителя на суде, имели место недопустимые для его должности проявления цинизма [14]. Как отмечает Р.З. Симонян, на смену «говорящему судье» пришел новый тип обвинителя [25, стр. 54].

Особенно серьезные перемены стали происходить с приходом 24 апреля 1906 г. на пост министра юстиции и генерал-прокурора И.Г. Щегловитова. Долгие годы, вплоть до июля 1915 г., он сохранял его за собой. В данный период органы прокуратуры проводили в жизнь репрессивную политику, что не могло не сказаться на уголовном судопроизводстве. По словам С.Ю. Витте, именно Щегловитов окончательно уничтожил суд. В период февральской революции он был задержан по обвинению в целом ряде серьезных должностных преступлений, и впоследствии – расстрелян.

Советской властью прокуратура, олицетворявшая в глазах революционеров символ самодержавия, была упразднена. В 1922 г. создается первая советская прокуратура, которая была призвана осуществлять как общий, так и судебный надзор. Уже в конце 20-х гг. в ее системе появляется следственный аппарат. Именно в этот период начинаются жесточайшие репрессии, в проведении которых институту прокуратуры вновь предстояло играть роль, противоречащую его природе, сущностному предназначению. В качестве одного из главных инквизиторов тогда выступил А.Я. Вышинский, генеральный прокурор РСФСР, несколько позже – СССР.

Разработка и принятие в 1960 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР во многом была нацелена на искоренение репрессивных механизмов из уголовного судопроизводства, его гуманизацию. Однако в условиях советского времени не ставилась задача изменения самого его типа, а значит и внедрение в производство по уголовным делам базисных принципов состязательного процесса. Суд рассматривался в качестве субъекта уголовного преследования, а прокурор обладал всей полнотой обвинительной и надзорной власти. Прокуратура имела собственный следственный аппарат, ее высший надзор распространялся как на органы расследования, так и на суды. За прокурорами сохранялось право возбуждать уголовные дела, проводить по ним следствие, осуществлять руководство и координацию деятельности всех правоохранительных органов по борьбе с преступностью. В суде они выступали в качестве государственных обвинителей, но при этом оставались субъектами прокурорского надзора за принимаемыми им решениями.

Как уже отмечалось, составители Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. обращаются

к наследию Судебной реформы 1864 г. В ее тексте содержится ряд цитат, в том числе принадлежащих высказываниям генерал-прокурора Н.В. Муравьёва. В целом это во многом отражает их стремление использовать в реформировании уголовного судопроизводства свой родной, отечественный опыт, а не следовать лишь западным образцам.

Доминирующей функцией прокуратуры в Концепции названо уголовное преследование, но при этом ее составители критически оценивают соединение в лице прокурора функций надзора и расследования преступлений. В связи с этим было намечено перераспределение груза его надзорных полномочий в пользу судебного контроля и процессуальной самостоятельности следователя. При всем этом достаточно определенно отмечается, что «Прокурора хотелось бы видеть объективным органом обвинительной власти на стадии предварительного расследования». Он рассматривается в качестве процессуального руководителя по отношению ко всем органам предварительного расследования. Выделяются его полномочия, некоторые из которых аналогичны тем, что установлены Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Так, именно ему вменяется в обязанность составление обвинительного акта с заслушиванием обвиняемого перед его составлением. Предполагалось, что на передачу им уголовного дела другому следователю или другому органу расследования должно быть испрошено согласие суда.

В Концепции также отмечается необходимость исключения прокурорского надзора за судами, поскольку это входит в противоречие с принципом независимости судей. Указывается и на проблему обвинительного уклона в деятельности государственного обвинителя, неравное по отношению к стороне защиты его положение в состязательном судебном процессе.

Многие, но далеко не все начинания, отраженные в Концепции, нашли свою нормативную реализацию в ходе внесения изменений в УПК РСФСР, а затем с принятием УПК РФ 2001 г. К сожалению, значительная часть отмеченных в ней проблем сохраняется по сей день. Вместе с тем, в судебных стадиях уголовного процесса учреждена состязательность, а суд приобрел реальную независимость. Законом установлено назначение уголовного судопроизводства, которое состоит в обязанности государства защищать как потерпевшего, так и обвиняемого. В ст. 6 УПК РФ прямо указывается на то, что уголовное преследование и назначение справедливого наказания в той же мере ему отвечают, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся преследованию. Таким образом, уголовное судопроизводство вновь было призвано стать средством восстановления справедливости, а суд вестись не над человеком, а для человека.

Значительными с точки зрения роли прокурора в уголовном процессе, явились преобразования 2007 г., в рамках которых прокуратура утратила следственный аппарат, прокурора лишили права возбуждать и расследовать уголовные дела, добрая доля его надзорных полномочий была передана руководителю следственного органа. С одной стороны, такой подход создал условия для повышения объективности в деятельности, как надзирающего прокурора, так и поддерживающего обвинение в суде. С другой стороны, существенно сократились его возможности в обеспечении законности в досудебном производстве и он утратил способность оказывать активное и определяющие воздействие на ход следствия, на формирование обвинения при его производстве.

Вместе с тем, обязанность поддержания государственного обвинения в суде во многом предопределяет полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам. В частях 3 и 4 ст. 37 УПК РФ содержатся важные положения, согласно которым данная обязанность заключается в обеспечении законности и обоснованности обвинения, возможности отказа от него. Государственный обвинитель должен способствовать всестороннему исследованию обстоятельств дела, поддерживать обвинение лишь в меру его доказанности. При этом его окончательная позиция не зависит от выводов обвинительного заключения и должна быть основана на результатах исследования обстоятельств дела в суде [10, стр. 55]. В приказе Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» отмечается, что прокуроры должны активно участвовать в исследовании представляемых доказательств, всемерно способствовать принятию судом законных, обоснованных и справедливых решений, соблюдению требований

закона о разумном сроке уголовного судопроизводства[2].

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве конкретные задачи прокурора, как в досудебном, так и в судебном производстве, не определены. В ч. 1 ст. 37 УПК РФ установлено, что в ходе уголовного судопроизводства он осуществляет уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и следствия. Поскольку надзор прокурора не распространяется на суды, постольку в судебных производствах на него возлагается лишь функция уголовного преследования, которое, согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ, осуществляется именно в целях изобличения обвиняемого в совершении преступления. Как было показано, по Судебным уставам 1864 г. сущность и содержание деятельности обвинителя русского типа достижением данной цели далеко не исчерпывается.

В УПК РФ не нашли нормативного закрепления положения, которые бы обеспечивали объективность участвующего в суде государственного обвинителя, исключали бы односторонний, обвинительный характер его деятельности. Ни в законе, ни в организационно-распорядительных актах Генеральной прокуратуры РФ, не отражена нравственная сторона такого участия, как это было сделано отцами Судебной реформы 1864 г., хотя, как было показано, именно ей отводится определяющая роль в практике уголовного судопроизводства.

Следует признать, что на современном этапе судебная реформа в России не завершена. Настоятельно требуется решение множества проблем правового, организационного и кадрового характера. До сих пор продолжаются дискуссии по поводу роли и места прокурора в уголовном судопроизводстве, и они далеко не беспочвенны, поскольку основаны на анализе практики прокурорского надзора и поддержания государственного обвинения. Не изжиты все негативные факторы советского наследия, значительно влияющие на уголовно-процессуальную деятельность, в частности, продолжает действовать система показателей. На данный момент не внедрен ряд идей, позволивших создать реальную состязательность в уголовном судопроизводстве, действенную систему органов суда и юстиции в ходе Судебной реформы 1864 г., успешно выполняющую в целом задачи, аналогичные тем, что установлены ст. 6 УПК РФ.

Для современной науки уголовного процесса огромный интерес представляют нормативные источники данного исторически знаменательного периода, научные взгляды ученых того времени, а также дошедшие до наших дней сведения о практике применения Судебных уставов, содержащиеся, в частности, в трудах известного ученого и государственного деятеля А.Ф. Кони, весьма точно определившего те фундаментальные начала, которые характеризуют деятельность прокурора как представителя государства в суде [15, стр. 91]. Современная модель участия прокурора в уголовно-процессуальных правоотношениях требует существенной модернизации, которая должна во многом воспринять опыт, полученный во второй половине XIX века.

Список литературы

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1435.
2. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // ИПП «ГАРАНТ»: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221540.
3. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
4. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
5. Горячева Е.А. Роль судебной реформы 1864 года в становлении заключения прокурора в гражданских делах // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 3. – С. 78-80.
6. Жидких А.А. Судебная реформы 1864 г. – мощный импульс гуманизации деятельности российской

прокуратуры // Современная наука. – 2014. – № 4. – С. 12-14.
7. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. От первого прокурора России до последнего прокурора Союза. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 382, [1] с., [16] л. портр. : факс.
8. Ибрагимова Л.Д. Генезис института предания суду в русском уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11. – С. 2491-2496.
9. История следствия в России: Монография. / Под общ. ред. Д.О. Серова, А.В. Федорова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 280 с.
10. Капинус О.С. К вопросу о процессуальном положении прокурора в уголовном судопроизводстве // Прокурор. – 2013. – № 2. – С. 50-58.
11. Кожевников О.А. Реформирование прокуратуры России (по актам судебной реформы 1864 г. и Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 г. // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11 (48). – С. 2504-2511.
12. Кондрат И.Н. Судебная реформа 1864 года и уголовная политика России // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 88-92.
13. Кони А. Ф. Избранные труды и речи. – Тула: Автограф, 2000. – 640 с.
14. Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля) // А.Ф. Кони. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – С. 121-200. – в кн. 544 с.
15. Кулик Н.В. Правовое и научное наследие А.Ф. Кони и формирование профессиональных компетенций современного прокурора – государственного обвинителя // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 91-94.
16. Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. – М.: Университетская тип., 1889. – 554 с.
17. Основные положения преобразования судебной части в России. – М.: Книга по требованию, 2012. – 115 с.
18. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
19. Прокуратура Российской империи в документах, 1722-1917: Хрестоматия / Автор-сост. В.В. Лавров, А.В. Ёремин, Н.М. Иванова; под ред. Г.В. Штадлера. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 292 с.
20. Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. – М.: Юрист, 2015. – 318 с.
21. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие от Александра II до Николая II: участковые судебные следователи (1866-1917 гг.) // Российский следователь. – 2015. – № 16. – С. 50-55.
22. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следователи и судебная реформа 1864 г. // Российский следователь. – 2015. – № 13. – С. 51-55.
23. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. // Российский следователь. – 2015. – № 12. – С. 52-56.
24. Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Петре I: образование «майорских» канцелярий и зарождение стадии предварительного расследования // Российский следователь. – 2015. – № 4. – С. 53-56.
25. Симонян Р.З. Роль, значение и влияние обвинительного акта со стороны прокурорского надзора на заключение суда в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Клио: Журнал для учёных. – 2014. – № 2 (86). – С. 54-57.
26. Сычев Д.А. Прокурор: от Петра Великого до наших дней. Эволюция функциональной деятельности в уголовном процессе // Юридические исследования. – 2015. – № 3. – С.71-101.
27. Шобухин В.Ю. Тенденции и закономерности развития российской прокуратуры в XIX веке // Российский юридический журнал. – 2011. – № 5. – С. 156-160.

ПИКИН Иван Викторович,
доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (г. Владимир, Россия)
E-mail: vipikin@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. *Рассматриваются проблемные вопросы, связанные с уголовно-правовой регламентацией условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания регулируется как уголовным, так и уголовно-исполнительным, уголовно-процессуальным законодательством РФ. Предпринимается попытка устранения проблемных вопросов, встречающихся в процессе применения данного института. Предлагается теоретический анализ различных положений концепции условно досрочного освобождения от отбывания наказания. Действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство не лишено определенных пробелов, с которыми сталкиваются правоприменители при реализации на практике требований условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. В результате исследования сделаны выводы согласно котором, во первых: условно-досрочное освобождение представляет собой освобождение осужденного от дальнейшего реального отбывания наказания с условием обязательного выполнения обязанностей, предъявляемых к нему в течение оставшейся не отбытой части наказания; во вторых, данный институт исходит из принципа гуманизма, только в отношении лица которое доказало, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.*

Ключевые слова: *наказание; осужденный; условно-досрочное освобождение от отбывания наказания; изоляция от общества; лишение свободы.*

PIKIN I.V.

CRIMINAL-LEGAL REGULATION OF PAROLE FROM SERVING A SENTENCE

The summary. *The problematic issues related to the criminal law regulation of parole from serving a sentence are considered. The institute of parole from serving a sentence is governed by both criminal and criminal executive, criminal procedure legislation of the Russian Federation. An attempt is being made to eliminate the problematic issues encountered in the application of this institution. A theoretical analysis of various provisions of the concept of conditionally early release from serving a sentence is proposed. The current criminal, criminal procedural and penal legislation is not without certain gaps that law enforcement officials face when putting into practice the requirements for parole from serving a sentence. As a result of the study, conclusions were drawn according to which, firstly: conditional release is the release of a convicted person from further real serving a sentence with the condition of compulsory fulfillment of the obligations presented to him during the remaining part of the sentence that has not been served; secondly, this institution proceeds from the principle of humanism, only with respect to a person who has proved that for his correction he does not need to fully serve the sentence imposed by the court.*

Key words*: punishment; convict; parole from serving a sentence; isolation from society; imprisonment.*

Основанием условно-досрочного освобождения от наказания являются положения, изложенные в ст. 50 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый осужденный за преступление имеет право просить о смягчении наказания, вашем случае на основании ст. 79 УК РФ лицо подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. В качестве нормативного обеспечения реализации данного права, осужденного в действующем законодательстве помимо вышеуказанных также необходимо учитывать нормы международного законодательства, регламентирующие условно досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания в частности, Рекомендации Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» 2003 г. [7] и Европейские пенитенциарные правила 2006 г. [8], в которых сформулированы основные принципы данного правового института.

Действующее уголовное законодательство регламентирует разнообразные меры освобождения от дальнейшего отбывания наказания осужденных, когда их исправление достигается до истечения, установленного приговором суда срока уголовного наказания.

Суть условно-досрочного освобождения состоит в том, что после отбытия лицом определенной части наказания дальнейшее его отбывание реально прекращается под условием соблюдения освобожденным указанных в законе требований в течение испытательного срока [9]. «Условно-досрочное освобождение, – отмечается в Комментарии к УК РФ под редакцией профессора Н.Г. Кадникова, – заключается в избавлении осужденного от отбывания основного вида уголовного наказания до истечения срока, назначенного приговором суда. При этом, как предписывает закон, лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания [10, стр. 193].

Если правоприменителю очевидно, что цель исправления, осужденного достигнута без полного отбывания, назначенного ему наказания, то дальнейшее исполнение наказания становится нецелесообразным. Установленная законом возможность подвергнуться досрочному освобождению от реального отбывания наказания является, с одной стороны, средством поощрения осужденных, вставших на путь исправления, а с другой – стимулом для примерного поведения осужденных во время отбывания ими наказания и последующего освобождения от него.

Именно в этом виде освобождения от отбывания наказания наиболее ярко нашли отражение принципы гуманизма и справедливости [16, стр. 193; 12; 13; 14]. Следует отметить в этой связи, что «действующее законодательство не содержит ограничений для применения условно-досрочного освобождения к ранее судимым лицам».

Практика применения исходит из того, что «исполнение закона об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания имеет важное значение в деле исправления осужденных, уменьшения рецидивов и усиления борьбы с преступностью» [6, стр. 26].

Существуют различные точки зрения на правовую природу условно-досрочного освобождения. В основном данный институт рассматривается как поощрительная мера уголовно-правового характера, как часть наказания и как вид освобождения от наказания.

Некоторые авторы рассматривают условно-досрочное освобождение как «субъективное право осужденного» [15, стр. 5]. Представляется, что приведенное словосочетание не является определением условно-досрочного освобождения. Оно лишь отмечает, что осужденный, как полагают сторонники этой точки зрения, имеет право на условно-досрочное освобождение от наказания.

В юридической литературе встречается также определение условно-досрочного освобождения как поощрения» [11, стр. 218].

Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания регулируется как уголовным, так и уголовно-исполнительным, уголовно-процессуальным законодательством РФ.

Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8) [4], решая вопрос об условно-досрочном освобождении

от отбывания наказания, суд не вправе заменять неотбытый срок наказания в виде лишения свободы условным осуждением в порядке статьи 73 УК РФ, сокращать неотбытый срок наказания, а может лишь условно-досрочно освободить осужденного от неотбытой части наказания или отказать в этом.

При условно-досрочном освобождении суд не устанавливает испытательного срока (как это имеет место при условном осуждении), поскольку таким сроком является не отбытая часть наказания.

Следует отметить, что рассматриваемый вид освобождения от отбывания наказания относится к обязательным, т.к. суд, установив, что лицо отбыло необходимую часть наказания и для своего исправления не нуждается в дальнейшем его отбывании, выносит решение об его условно-досрочном освобождении от наказания.

Таким образом, при наличии всех условий применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания осужденный, согласно закону, подлежит освобождению из исправительного учреждения.

Учитывая, что никаких других, кроме предусмотренных в ч. 1, 3 и 5 ст. 79 УК РФ, ограничений в применении условно-досрочного освобождения от отбывания наказания не имеется, отказ в таком освобождении по любым мотивам, не связанным с оценкой исправления осужденного и отбытия им части установленного законом срока наказания, является необоснованным, т.е. при наличии этих двух оснований суд, согласно действующей редакции ч. 1 ст. 79 УК РФ, обязан условно-досрочно освободить осужденного от дальнейшего отбывания наказания.

Ходатайство об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания осужденный может как подать через администрацию учреждения, исполняющего наказание, так и направить непосредственно в суд. Во втором случае в рамках подготовки к судебному заседанию судья самостоятельно запрашивает у администрации учреждения характеризующий материал в отношении осужденного, необходимый для разрешения его ходатайства.

В соответствии с частью 3 статьи 396 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) ходатайства об условно-досрочном освобождении разрешаются судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со статьей 81 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (В редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 104-ФЗ [3]), т.е. районным (городским) судом, а также гарнизонным военным судом.

Под местом нахождения учреждения, исполняющего наказание, следует понимать место расположения указанного в части 9 статьи 16 УИК РФ исправительного учреждения, в котором фактически отбывает наказание осужденный.

Следовательно, в настоящее время недопустимо рассмотрение таких ходатайств по месту нахождения следственного изолятора, в который осужденный переведен на основании статьи 771 УИК РФ.

В статье 399 УПК РФ, при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении в судебном заседании вправе участвовать осужденный, потерпевший, его законный представитель и (или) представитель*, прокурор. В судебное заседание вызывается представитель исправительного учреждения, при этом присутствие в судебном заседании прокурора, а также потерпевшего, его законного представителя, представителя, своевременно извещенных о дате, времени и месте судебного заседания, не является обязательным.

Наряду с этими обстоятельствами отсутствие осужденного, ходатайствовавшего об участии в судебном заседании, влечет отмену постановления судом апелляционной инстанции. Необеспечение судом указанного права потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену судебного решения.

Нарушение требований части 2 статьи 399 УПК РФ, обязывающей суды извещать осужденного о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания, также влечет отмену постановления об условно-досрочном освобождении в апелляционном порядке.

При этом следует отметить, что должностное лицо учреждения или органа, исполняющего наказание, может быть представителем в суде при наличии доверенности от начальника этого учреждения или органа, исполняющего наказание. Однако такое должностное лицо не вправе обжаловать постановление суда в апелляционном,

кассационном или надзорном порядке, так как в соответствии с законом (главами 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ) право обжалования судебного решения принадлежит осужденному, его законному представителю, адвокату, прокурору, а также потерпевшему, его законному представителю, представителю [4, п. 18].

При рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении суды по просьбе осужденного обеспечивают им личное участие в судебном заседании непосредственно в зале суда либо посредством видеоконференц-связи для изложения своей позиции и представления в ее подтверждение необходимых сведений. Согласно части 4 статьи 399 УПК РФ осужденному обеспечивается осуществление своих прав с помощью адвоката.

Следует отметить, что само по себе фактическое отбытие осужденным предусмотренной законом части срока наказания не является достаточным основанием для принятия решения о его условно-досрочном освобождении от отбывания наказания. Помимо указанных в статье сроков, осужденный должен доказать своим поведением, отношением к труду и намерением загладить вину перед потерпевшей стороной в течении отбытого срока, что он достоин предоставленного права. Таковым для суда может являться ходатайство учреждения, в котором отбывал наказание осужденный.

Неоднократные изменениями ч. 3 ст. 79 УК РФ ставят вопрос для практики применения конкретной редакции указанной уголовно-правовой нормы в случае законодательного изменения сроков, осужденный вправе претендовать на условно-досрочное освобождение.

В этом случае, как отмечает Верховный Суд РФ, следует руководствоваться общими правилами о действии уголовного закона во времени, предусмотренными статьей 10 УК РФ, согласно которым уголовный закон, ухудшающий положение лица, совершившего преступление, в том числе лица, отбывающего наказание, обратной силы не имеет; в таком случае подлежит применению закон, действовавший на момент совершения преступления [5].

Часть 1 ст. 10 УК РФ прямо устанавливает правило, которое комментируют и ученые – представители уголовно-правовой науки: «уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, смягчающий наказание либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу». Указанное правило касается в том числе и лиц, отбывающих уголовное наказание [10, стр. 32].

Фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев (ч. 4 ст. 79 УК РФ).

Если осужденный не отбыл предусмотренную законом часть срока наказания, то у него самого, а также у его адвоката, законного представителя не возникает и права на заявление ходатайства об условно-досрочном освобождении, поэтому в случае поступления такого ходатайства в суд оно не подлежит рассмотрению по существу. Соответственно, не подлежит исследованию и вопрос о том, нуждается ли осужденный для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания. Повторно ходатайство об условно-досрочном освобождении в таком случае может быть заявлено в любое время, как только осужденным будет отбыта установленная законом часть срока наказания, в том числе ранее 6 месяцев – при осуждении лица к лишению свободы на определенный срок, 3 лет – при осуждении лица к пожизненному лишению свободы со дня вынесения постановления суда об отказе в принятии ходатайства или о прекращении производства.

В связи с этим суды вышестоящих инстанций обоснованно отменяли постановления судей об отказе в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденных, не отбывших требующуюся для условно-досрочного освобождения часть наказания, и прекращали производство по ходатайству, если при расчете неотбытой части срока наказания судом первой инстанции не были нарушены положения статьи 10 УК РФ.

В ч. 4 ст. 86 УК РФ указано, что сроки погашения судимости при условно-досрочном освобождении от наказания исчисляются из фактически отбытого срока наказания.

В том случае, когда рассматривается ходатайство о применении статьи 79 УК РФ, вопрос о возможности освобождения осужденного полностью или частично от дополнительного наказания разрешается исходя из тех же оснований, которые предусмотрены для освобождения от основного наказания. Суды не вправе отказать в освобождении осужденного от дополнительного наказания по основаниям, не указанным в законе

применительно к освобождению от наказания в виде лишения свободы, таким как тяжкие последствия совершенного преступления, конкретные обстоятельства совершенного преступления и т.д.

Отметим, что в настоящее время в Российской Федерации указанным в ч. 6 ст. 79 УК РФ специализированным государственным органом, выполняющим функции контроля за освобожденными условно-досрочно, следует считать полицию. Такой вывод следует из содержания п. 26 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», согласно которому на полицию возлагаются обязанности осуществлять контроль (надзор) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом в соответствии с федеральным законом запретов и ограничений [1].

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что вопросы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания по своей юридической природе представляют собой освобождение осужденного от дальнейшего реального отбывания наказания с условием его исправления в период отбывания наказания и обязательного выполнения обязанностей, предъявляемых к нему в течение оставшейся не отбытой части наказания. Данное обстоятельство дает суду право по истечении определенных сроков досрочно освободить от дальнейшего реального отбывания наказания лицо, указав при этом, что лицо не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания.

Примечания

* Потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю право участвовать в судебном заседании при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания предоставлено Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 221-ФЗ, согласно которому статья 399 УПК РФ дополнена частью 21.

Список литературы

1. Федеральный закон от 07 февраля.2011 года № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
2. Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 221-ФЗ «О внесении изменений в статью 83 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 30 (часть I). – Ст. 4054.
3. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2309.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 7; 2016. – № 1.
5. Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 апреля 2014 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 8.
6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 10.
7. Рекомендация № Rec (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» (принята 24 сентября 2003 г. на 853-м заседании представителей министров) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30444630
8. Рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы «Европейские пенитенциарные правила» (принята 11 января 2006 г. на 952-м заседании представителей министров) // http://docs.cntd.ru/document/420361984
9. Ашин А.А., Войтович А.П., Волженкин Б.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.И. Чучаева. 2-е изд., испр., перераб. и доп. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. – VIII, 1031 с.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд.,

перераб. и доп. / Под ред. профессора Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2019. – 1096 с.
11. Курс уголовного права. Общая часть. Том 2: Учение о наказании / Голоднюк М.Н., Зубкова В.И., Крылова Н.Е., Кузнецова Н.Ф., и др.; под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. – 400 с.
12. Мусаев М.А. Правовой гуманизм и современная социальная регуляция российского общества: актуальность проблемы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 127-140.
13. Мусаев М.А., Сальников С.П. Правовой гуманизм и его структура (общие подходы) // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 60-78.
14. Прокофьева С.М., Зайцев О.А. Концепция гуманизации уголовного судопроизводства / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 144 с.
15. Рашидов Ш.М. Уголовно-правовые проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (по материалам Республики Дагестан): Дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2005. – 188 с.
16. Уголовное право. Общая и Особенная части: Краткий курс / Под ред. С.М. Кочои. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 416 с.

ВАСИЛЬЕВ Федор Юрьевич,
доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского Университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: fj.vasilev@yandex.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПОТЕРПЕВШЕГО ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Рассматривается процессуальный статус потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.; дается характеристика потерпевшего в качестве частного обвинителя, гражданского истца, жалобщика и др.; приводится анализ правового статуса. Делается вывод о влиянии Устава уголовного судопроизводства 1864 г. на современное правовое положение потерпевшего. Дается анализ процессуальных проблем статуса потерпевшего в современном российском законодательстве*

Печатается в порядке подготовки к Международной научно-практической конференции «Судебная реформа 1864 года в России: история и современность», г. Санкт-Петербург, 24 декабря 2019 г., Президентская библиотека.

Ключевые слова: *Устав уголовного судопроизводства 1864 г.; понятие потерпевшего; частный обвинитель; гражданский истец; жалобщик; потерпевший в современном российском законодательстве.*

VASILYEV F.Yu.

PROCEDURAL STATUS OF THE VICTIM UNDER THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF 1864 AND ITS CURRENT STATE IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. *We consider the procedural status of victim under the Charter of criminal proceedings of 1864; the characteristic of a victim as a private Prosecutor, civil plaintiff, Complainant, etc.; the analysis of legal status. The conclusion is made about the influence of the Statute of criminal proceedings of 1864 on the modern legal status of the victim. The analysis of procedural problems of the status of the victim in the modern Russian legislation is given.*

The article is being printed in preparation for the International Scientific and Practical Conference "Judicial Reform of 1864 in Russia: History and Present", St. Petersburg, December 24, 2019, Presidential Library.

Key words: *Statute of criminal proceedings of 1864, the concept of the victim, private Prosecutor, civil plaintiff, Complainant, victim in modern Russian legislation.*

Царствование императора Александра II ознаменовалось фундаментальными изменениями в социальной и государственной сферах Российской Империи.

Одним из знаковых изменений в государственном устройстве была реформа уголовного судопроизводства, в ходе которой сложились новые виды и формы уголовного

судопроизводства. В 1864 году был введен в действие Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), в котором устанавливалась единственная форма рассмотрения уголовного дела – суд присяжных, появились мировые суды, и как следствие – новый вид головного преследования – частное обвинение.

Новеллой нового порядка уголовного судопроизводства было введение «потерпевшего» как нового участника уголовного процесса. Потерпевший, по словам А.Ф. Кони заслуживает не меньше внимания, чем обвиняемый, как лицо, оскорбленное в своих лучших чувствах и своих законных правах [18, стр. 35] .

Как мы указали ранее, новое уголовно-процессуальное законодательство добавило к публичному обвинению новый вид – частное обвинение.

Дела частного обвинения были подсудны мировым судьям, которые выбирались органами местного самоуправления Российской Империи: Уездными земскими собраниями, а в городах Москва и Санкт-Петербург – городскими думами. В подсудность по уголовным делам мировых судей входило рассмотрение незначительных преступлений, за которое могло быть назначено наказание в виде выговора, замечания, внушения, наложения штрафа до 300 рублей, кратковременного ареста до трех месяцев или помещение в крепость на срок до одного года [25, стр. 3].

Особенностью конструирования данного закона было то, что нормы, регулирующие правовое положение потерпевшего, в Уставе уголовного судопроизводства были разбросаны по разным статьям. При этом большинство норм, регулирующих правовое положение потерпевшего, были отражены в той части Уголовного уложения, которое регулировало производство по делам частного обвинения у мировых судей.

Мировые судьи рассматривали уголовные дела на основании обращений пострадавших от преступлений, полицейских властей и в случае, когда сами судьи усматривали необходимость уголовного преследования вне зависимости от желания других лиц (ст. 42 Устава уголовного судопроизводства) [24, стр. 3-4]. Жалобы пострадавшими могли подаваться как в устном, так и в письменном виде. Законодателем предусматривалось, что на органы полиции возлагались обязанности по персональной проверке обращения пострадавшего и последующей передаче собранных материалов мировому судье. (ст.ст. 45-49 УУС). Мировой судья при рассмотрении уголовного дела по частному обвинению мог установить в отношении обвиняемого меру пресечения в виде залога или поручительства. На размер залога влияли тяжесть преступления и финансовое состояние обвиняемого, при этом сумма залога или поручительства не могла быть меньше финансовых требований пострадавшего от преступления (ст. 80 УУС).

При рассмотрении уголовных дел в окружных судах в порядке публичного обвинения процессуальный статус потерпевшего проявлялся в следующих трех нормах Устава уголовного судопроизводства.

Во-первых, судебный следователь должен принимать достаточно мер для наложения ареста на имущество обвиняемого или возмещения вреда от преступления потерпевшему (ст. 268 УУС).

Во-вторых судебный следователь должен принимать достаточно мер при поступлении от пострадавшего жалобы о совершенном преступлении (ст.301-305 УУС).

В-третьих судебный следователь должен был предоставлять возможность потерпевшему присутствовать при производстве по уголовному делу (ст.316 УУС).

С течением времени процессуальный статус потерпевшего постоянно уточнялся законодателем с целью более полного обеспечения его прав в уголовном судопроизводстве по Уставам уголовного судопроизводства.

После 1917 года в связи с изменением государственного устройства Устав уголовного судопроизводства прекратил свое действие. Первоначально деятельность вновь созданных правоохранительных органов осуществлялась на основе «революционной совести и правосознания народа» [6].

Но постепенно организационные формы и процессуальный порядок уголовного расследования и судебного производства по уголовным делам в судах начали регламентироваться законами новой власти. Одним из первых стал акт «Декрет о суде № 3», опубликованный 20 июля 1918 года. В статье 5 Декрета имелось положение, в соответствии с которым местные суды наделялись правом решать дела от имени Российской республики и руководствоваться в

своих решениях законами свергнутых правительств постольку, поскольку данные законы не были отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию.

Из сказанного следует, что, в этот временной период не было четкой системы уголовно-процессуального законодательства. По этой причине до создания первого кодифицированного акта, каковым стал Уголовно-процессуальный кодекс 1923 года, уголовное судопроизводство регламентировалось декретами, инструкциями, циркулярами, положениями, письмами [23, стр. 43-89].

Вступивший в силу в 1923 году Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР отказался от мировых судов, теперь производство по уголовным делам осуществлялось только в народных, губернских судах. И как следствие этого уголовные дела возбуждались в публичном порядке, то есть учитывались только интересы государства и общества, интересы же пострадавшего могли учитываться при возбуждении уголовных дел в частно-публичном порядке, по незначительному числу преступлений (ст. 10 УПК РСФСР 1923 года) [5, стр. 4-5]. В остальном права потерпевшего по УПК РСФСР 1923 года в целом похожи на права потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года.

Законодатели Союза ССР посчитали возможным заимствовать из Устава Уголовного судопроизводства правовую конструкцию и отразить нормы закона, регулирующие процессуальный статус потерпевшего в различных статьях уголовно-процессуального кодекса.

В 1961 году вступил в законную силу новый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Разработчики законопроекта сохранили преемственность многих положений с УПК РСФСР 1923 года. Одной из новелл принятого кодекса уголовного судопроизводства была четкое определение прав участников уголовного судопроизводства и аккумулирование их в отдельных статьях закона. Основным процессуальным правам потерпевшего была посвящена ст.53, но, как и раньше, некоторые права потерпевшего были включены в отдельные статьи уголовно-процессуального кодекса [4, стр.34].

Действующая сегодня Конституция РФ провозглашает преимущество прав человека над интересами государства (ст.2) [1]. Применительно к уголовному судопроизводству это означает защиту в первую очередь прав граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а затем уж защиту интересов государства, т.е. публичных интересов. Судопроизводство в РФ осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч.3 ст. 123). Данные нормы Конституции РФ были отражены, в принципах уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), в принятом в 2002 году УПК РФ.

Важным элементом принципа состязательности при судебном рассмотрении уголовного дела является баланс уголовно-процессуальных интересов участников судебного разбирательства. Однако данный баланс не до конца соблюден законодателем в настоящее время при конструировании норм уголовно-процессуального закона, как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства.

Одним из участников уголовного судопроизводства является потерпевший. Конституция РФ провозглашает, что его права охраняются законом, то есть государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52).

Уголовно-процессуальное законодательство одной из задач уголовного судопроизводства определяет защиту прав лиц, потерпевших от преступления (ст. 6 УПК РФ).

Может сложиться ошибочное представление, что интересы пострадавшего являются высшей ценностью в уголовном судопроизводстве.

Так законодатель определил, что орган предварительного следствия, прокурор обязан осуществлять уголовное преследование по уголовным делам публичного обвинения, без учета мнения потерпевшего, которые в особенной части УК РФ составляют большую часть (ст. 21 УПК РФ). Но при этом потерпевшему, как участнику уголовного судопроизводства со стороны обвинения, представляется только право участвовать, а не осуществлять преследование в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ).

Несмотря на отдельные постановления Конституционного суда РФ [2; 3], данный дисбаланс просматривается в ряде норм уголовного процессуального законодательства. Так, в порядке прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) от потерпевшего требуется только дача согласия на прекращение уголовного преследования. А

вопрос целесообразности прекращения уголовного дела лежит не в плоскости желания потерпевшего, реализующего свое право на прощение лица, по его субъективному мнению, загладившему перед ним причиненный вред от преступления. Он находится в плоскости мнения чиновника органа предварительного расследования, прокурора или судьи, который в данном случае может защищать не только интересы потерпевшего, но и узко ведомственные интересы, не имеющие никакого отношения к задачам уголовного судопроизводства (улучшение статистических данных, имитация увеличения раскрываемости преступлений и т.д.).

Одной из таких проблем является вопрос, насколько целесообразно расследовать уголовное дело, по которому будет принято решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Статистические данные Верховного Суда РФ показывают, что рассмотрение в судах дел средней тяжести в 24,3% случаях и рассмотрение дел небольшой тяжести в 31,5% случаев заканчивается вынесением решения о прекращении уголовного дела. Исследования нами уголовных дел, по которым судами принимались решения о прекращении уголовного преследования в связи с примирением сторон, показывают, что данные решения могли быть приняты на стадии предварительного расследования сразу после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

Так, органами предварительного следствия было возбуждено уголовное дело в отношении А., который, находясь по месту своего жительства, совершил кражу у своего деда банковской карты, затем, воспользовавшись тем, что на карте потерпевшим был написан пароль карты, снял с карты 18000 рублей, похищенные деньги потратил на личные нужды. В ходе проведения проверочных мероприятий от пострадавшего поступило заявление о прекращении уголовного преследования в отношении своего внука в связи с тем, что последний извинился за свои действия, возместил вред, там самым дед и внук примирились.

Однако, несмотря на это, органы предварительного следствия обоснованно возбудили уголовное дело по п. «в» ч.2 ст.158 УК РФ, так как, несмотря на примирение между виновным и пострадавшим, это преступление относится к публичному обвинению, и следователь не мог в данной ситуации принять иное решение, кроме вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. По истечении 4 месяцев суд принял решение, которое было очевидно в момент принятия решения на стадии возбуждения уголовного дела – прекратил уголовное дело в связи с примирением сторон по основаниям, предусмотренным ст. 25 УПК РФ [7].

Следует согласиться с мнением ученых процессуалистов о том, что потерпевший как участник уголовно-процессуальной деятельности фактически лишен каких-либо существенных правомочий по оказанию влияния на судьбу уголовного дела, и что пострадавший от преступления в реализации своих прав фактически может лишь следовать общей позиции государства, которое в лице уполномоченных им органов и должностных лиц единолично решает исход уголовного дела [10, стр. 75-78].

Об этом свидетельствуют многие публикации специалистов, исследующих понятия, место и роль потерпевшего и пострадавшего от преступления в уголовном судопроизводстве [9; 12; 13; 14; 15; 17; 19; 20].

Интересен в данной связи опыт соблюдения баланса интересов противоборствующих сторон в уголовном судопроизводстве Французской республики. Во Франции, как и во многих других странах Западной Европы, рассмотрение вопроса о целесообразности направления уголовного дела для судебного разбирательства или отказ от уголовного преследования лица, совершившего преступление, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Помимо этого прокурор может вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое называется в уголовном процессе Франции – classement sans suite.(перевод с французского языка – отказ от уголовного преследования). С учетом свободы оценки доказательств событие преступления изучается в ходе предварительного расследования прокурором, который вправе, исходя из целесообразности, принять решение об отказе в уголовном преследовании при наступлении определенных условий – classement sans suite sous condition (перевод с французского языка – отказ от уголовного преследования при определенных условиях). Данная норма регулируется статьей 41-1 УПК Франции, в соответствии с которой в случае, если прокурор Республики считает, что без возбуждения

уголовного преследования, возможно, обеспечить возмещение вреда, причиненного потерпевшему, положить конец конфликту, ставшему следствием совершенного преступления, либо содействовать исправлению лица, совершившего преступление, то он до вынесения решения о возбуждении уголовного иска вправе:

1. напомнить лицу, совершившему преступление, о его обязанностях, закрепленных в конституции и других законах Французской Республики;
2. предложить ему добровольно возместить вред от преступления;
3. с согласия сторон провести согласительные (медиационные) процедуры между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим.

На практике прокуратура Франции при помощи общественных, посреднических организаций принимает решение о примирении между сторонами. Если же медиационные процедуры не дают положительного результата, то прокуратура может принять меры о начале уголовного преследования и вынести решение о возбуждении уголовного иска.

Поэтому, мы полагаем, законодатель должен заимствовать положительный зарубежный опыт и избирательно подходить к видам уголовного преследования, относя те или иные преступления к делам публичного или частно-публичного обвинения.

Несмотря на право потерпевшего лично или через своих представителей участвовать в уголовном деле (ст. 22 УПК РФ), законодатель не упомянул о процессуальных инструментах, используя которые потерпевший мог бы влиять на ход расследования.

Так, например, мера пресечения как залог (ст. 106 УПК РФ) предусматривает, что подозреваемый или обвиняемый обязуется выполнять возложенные на него законом ограничения и в подтверждение данного им обязательства передает государству денежные средства или их эквивалент (движимое, недвижимое имущество, ценные бумаги) – по уголовным делам небольшой и средней тяжести не менее 10000 рублей, а по делам о тяжком или особо тяжком преступлении не менее 500000 рублей. Если же подозреваемый, обвиняемый нарушает избранную меру пресечения, то залог переходит в доход государства. Вместе с тем законодатель забывает об нарушенных преступлением интересах потерпевшего. Так как в случае, если предполагаемый виновный скрылся, то возмещение имущественного вреда от преступления потерпевшему откладывается на неопределенное время. В связи с чем, по нашему мнению, потерпевший имеет право на влияние на сумму залога, и в случае наступления обстоятельств, когда указанная сумма переходит в доход государства, он имеет право на возмещение имущественного вреда, не дожидаясь, когда правоохранительные органы задержат виновного, и суд постановит судебный приговор.

Введенный в уголовно-процессуальное законодательство институт судебного штрафа расширяет возможности суда при назначении наказания за не тяжкие преступления. Однако и здесь при назначении наказания мнение потерпевшего в полном объеме не учитывается.

Так, положения ст. 76^1 УК РФ и ст.ст.446^1-443^3 УПК РФ императивно не связывают возможность их применения с позицией потерпевшего. В данном случае, например, отрицательная позиция потерпевшего не имеет значения для возможности принятия решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа.

Вместе с тем, принятие решения по уголовному делу без учета мнения потерпевшего имеет существенное значение, поскольку наличие таких обстоятельств свидетельствует о нарушении прав потерпевшего на защиту от преступления, что недопустимо. В случае прекращения уголовного дела и уголовного преследования, решение становится фактически необратимым в случае несогласия с размером ущерба, требования о компенсации морального вреда, несогласия с квалификацией при наличии объективных данных о занижении наказания судом.

Поэтому мы полагаем, что законодатель должен внести изменения в ст.20, 25, 25^1 и в главу 51^1 УПК РФ, предусмотрев в порядке применения указанных норм необходимость, опираться на мнение потерпевшего.

С нашей точки зрения, данный подход к учету мнения потерпевшего в ходе уголовного судопроизводства в большей степени будет соответствовать общему подходу к обеспечению прав и свобод всех лиц, участвующих в уголовном процессе [8; 16], да и общей концепции защиты и обеспечения прав и свобод граждан в Российской Федерации [11; 21; 22; 26; 27].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2019.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 02 марта 2017 г. № 4-п по делу о проверке конституционности положений п.3 ч.1 ст.24, п.1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 4.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 6.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года. – М., 1998. – 253 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года. – М.: НКЮ СССР, 1938. – 221 с.
6. Собрание Узаконений РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50.
7. Уголовное дело № 1-1195/14 // Архив Приморского районного суда Санкт-Петербурга.
8. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
9. Артамонова Е.А. О проблеме обеспечения квалифицированной юридической помощью потерпевших, лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 95-98.
10. Белоусов В., Анастасов С. Реализация потерпевшим права на отказ от уголовного преследования // Уголовный процесс. – 2007. – № 4. – С. 75-78. - 592 с.
11. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
12. Клещина Е.Н., Кондрат И.Н. Потерпевший в суде апелляционной, кассационной и надзорной инстанций: проблемы охраны его прав // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 81-88.
13. Клещина Е.Н., Кондрат И.Н. Суд первой инстанции: актуальные проблемы охраны прав потерпевшего // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 123-142.
14. Клещина Е.Н., Кондрат И.Н., Шаров Д.В. Вред, причиненный потерпевшему преступлением: понятие и виды // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 141-147.
15. Клещина Е.Н., Кондрат И.Н., Шаров Д.В. Потерпевший в уголовном судопроизводстве: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 111-117.
16. Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: Монография. – М.: Юстицинформ, 2013. – 504 с.
17. Кондрат И.Н. Права потерпевшего в контексте международно-правовых требований // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 112-118.
18. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // А.Ф. Кони. Избранные произведения. – М.: Юридическая литература, 1956. – 886 с.
19. Мусаев М.А. Жертва преступления в криминологическом, уголовном и гражданско-правовом аспектах // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 119-124.
20. Мусаев М.А. Уголовно-правовая политика России и признание жертвы преступления потерпевшим // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 118-126.
21. Права человека и правовое социальное государство в России: Монография / Отв. Ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 400 с.
22. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66. – в кн. 399 с.
23. Систематический сборник важнейших декретов 1917-1920 годы. – М., 1920. – 282 с.
24. Судебные уставы. Часть третья. Устав уголовного судопроизводства Российской Империи. – С-Пб., 1867. – 523 с.
25. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Извлечено из Судебного Устава 20-го ноября 1864 года. – С-Пб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1867. – 45 с.
26. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
27. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: Монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

ГВАЙ Анна Максимовна,
следователь Следственного отдела Отдела МВД России по району Южное Тушино (г. Москва, Россия)
E-mail: Gvayanna88@gmail.com

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
заведующий кафедрой адвокатуры и правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ УБИЙСТВА И ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. *Рассматривается правовое регулирование убийств и причинения тяжкого вреда здоровью в зарубежном законодательстве. Проанализированы различия англо-саксонской и романо-германской правовой системы.*

Ключевые слова: *наказание; убийство; тяжкий вред здоровью; санкция.*

GVAY A.M.
ZAKHARTZEV S.I.

CRIMINAL LIABILITY FOR MURDER AND GRIEVOUS BODILY HARM ACCORDING TO THE LEGISLATION OF FOREIGN STATES

The summary. *The legal regulation of homicide and grievous bodily harm is considered in foreign legislation. The differences of the Anglo-Saxon and Romano-German legal systems are analyzed.*

Key words: *punishment; murder; grievous bodily harm; sanction.*

В соответствии с нормами международного права жизнь и здоровье человека являются высшей ценностью. Они считаются неприкосновенными и находятся под охраной государства. Это является важнейшей гарантией реального обеспечения безопасности человека и гражданина. Согласно ст. 3 Всеобщей декларации прав человека каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. В соответствии со ст. 6 Международного пакта

о гражданских и политических правах право на жизнь признано неотъемлемым правом каждого человека. Указывается, что названное право находится под защитой закона, запрещено произвольно лишать человека жизни. Аналогичные нормы приведены в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [1].

На основании приведенных выше норм международного права практически все современные государства предусмотрели в своих национальных законодательствах права человека на жизнь и декларировали физическую неприкосновенность личности. Более 130 государств признали право на жизнь неотделимым правом человека, на законодательном уровне отменили смертную казнь, тем самым исключив возможность ее фактического применения, несмотря на продолжающуюся научную дискуссию среди политиков и юристов по этому вопросу во всем мире [2; 3; 9; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 26]. Например, в Швейцарии конституционно гарантировано право каждого человека на жизнь, применение наказания в виде смертной казни запрещается. В 2006 году, согласно Конституции Кыргызстана, отменена смертная казнь. Также, согласно ч. 2 ст. 2 Конституции ФРГ каждый имеет право на жизнь и личную неприкосновенность [29]. Свобода личности является ненарушимой. Вмешательство в данные права разрешается только на основании закона.

В законодательстве зарубежных государств ответственность за убийство обычно предусматривается в уголовных кодексах, а также в специальных законах. Например, в Англии отсутствует кодифицированный нормативно-правовой акт в сфере уголовного права. В этой стране наряду с судебными прецедентами действуют Закон об убийстве от 1957 года, Закон о самоубийстве от 1961 года и ряд других законов, в которых формулируются нормы об ответственности за совершение преступлений против жизни. В романо-германской системе права составы преступлений против жизни сформулированы преимущественно в уголовных кодексах, хотя в этой правовой семье имеется большой массив других законодательных источников уголовного права, действующих наряду с уголовными кодексами.

В соответствии с уголовным законодательством большинства зарубежных стран к преступлениям против жизни относятся следующие деяния:

- убийство;
- детоубийство;
- деяния, связанные с самоубийством;
- причинение смерти по неосторожности;
- оставление в опасности;
- аборт.

В зарубежных странах закреплено правило, что преступление против жизни может быть совершено только в отношении живого человека. Например, согласно ст. 5.1.4. Уголовного кодекса Австралии объектом убийства может быть только живой человек [31]. В этом же документе определены моменты рождения и смерти человека. В Австралии человек считается рожденным с момента отделения новорожденного ребенка от тела матери и его самостоятельное существование, признаками которого являются самостоятельное дыхание, нормальная работа внутренних органов, автономное кровообращение. Это в отличие, например, от Канады, в которой рождение человека считается с момента отделения ребенка от пуповины. Таким образом, даже подход к определению начального момента жизни в различных странах неоднозначен [4; 5; 10].

При юридической оценке посягательств на еще не рожденную жизнь в различных правовых системах используются различные способы криминализации. В некоторых странах такие деяния считаются убийством. Так, в некоторых штатах США посягательство на жизнь не рожденного ребенка относится к убийству. Разница в регулировании заключается только в различном определении пределов посягательства: в одних случаях для признания наличия убийства достаточно посягнуть на жизнь плода на всех стадиях его развития, в других случаях – не ранее определенного срока беременности. Например, в § 125.00 УК штата Нью-Йорк причинение смерти еще не родившемуся ребенку, которым женщина была беременна в течение более 24 недель, прямо называется убийством [30]. Согласно ст. 187 УК штата Калифорния тяжким убийством является «незаконное лишение жизни человека или утробного плода с заранее обдуманным злым умыслом». Однако чаще всего за рубежом преступления против не рожденной жизни именуются либо прерыванием беременности (ФРГ, Польша), либо незаконным производством аборта (Испания,

Колумбия, Швейцария), что, по существу, одно и то же. Немецкое уголовное право в данном вопросе характеризуется спецификой, которая выражается в криминализации агитации производства абортов и сбыте средств для прерывания беременности. В соответствии со ст. § 219а УК Германии преступлением считается предложение или реклама собственных или чужих служб для проведения абортов или содействия прерыванию беременности, а также средств, предметом и приспособлений, используемых для этих целей [35].

Самым опасным преступлением против жизни, несомненно, является убийство. Уголовное законодательство большинства зарубежных стран не содержит легального определения убийства, предполагается, что сущность этого преступления для всех очевидна. В тех же странах, где подобная дефиниция есть в законодательстве, убийством считается противоправное лишение одним человеком жизни другого человека. Стоит отметить, что в некоторых странах убийство предполагает только совершение умышленных действий. К этим странам относятся, например, Китай, Польша, Болгария. В других государствах убийством считается, как умышленное, так и неосторожное причинение смерти другому лицу. К таким странам относятся, например, Италия, Дания. По Модельному Уголовному кодексу США лицо виновно в убийстве, если оно намеренно (с целью), заведомо (осознанно), по неосторожности или небрежности причиняет смерть другому человеческому существу [18].

Зарубежная уголовно-правовая литература не оперирует такими понятиями, как «привилегированный состав убийства», «убийство при смягчающих обстоятельствах». Это, как считается, связано с желанием специалистов не противоречить логике законодателя и тексту нормативно-правовых актов. Для характеристики названной разновидности убийства предпочитают использовать такие пары, как тяжкое и простое убийство, убийство первой и второй степени. В некоторых государствах законодатель использует наряду с понятием «простое убийство» термин «умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах».

Самостоятельные составы преступлений или отягчающие вину обстоятельства образуют такие необычные для российского уголовного права признаки, как посягательство на жизнь короля, королевы или их старшего сына – наследника престола (Англия, Законы об измене 1351 г., 1795 г.), убийство путем отравления (Бразилия, Италия, Португалия, Франция), убийство родственника по прямой линии (Корея), убийство, совершенное коварно, с вероломством (Германия, Италия, Испания, Бразилия), убийство из засады (США, Бразилия, Доминиканская республика, Гаити), с умышленным использованием ночи или безлюдного места (Эквадор), в ритуальных целях или в связи с каннибализмом (Тоголезская республика). К привилегированному составу убийства относятся, например, убийство матерью новорожденного с целью спасения своей чести (Турция), убийство родителем новорожденного уродливого ребенка (Болгария) [28, стр. 104-109].

Существует два основных подхода к формированию системы составов преступлений, посягающих на жизнь человека. Это англо-американский и романо-германский подходы.

В англо-американской системе уголовного права основным преступлением против жизни является тяжкое убийство. Остальные разновидности убийства производны от тяжкого убийства. Тяжкое убийство характеризуется обязательным наличием злонамеренного умысла. Этот вид умысла имеет следующие признаки:

1. лицо имеет намерение умертвить другого человека;
2. у преступника есть намерение причинить тяжкий вред;
3. неосторожное отношение к человеческой жизни;
4. умысел на совершение другого тяжкого преступления, в ходе которого наступает смерть другого человека.

В англо-американской доктрине и законодательстве все остальные случаи, связанные с лишением жизни, считаются простым убийством.

Необходимо отметить, что в Англии и США тяжким убийством признаются некоторые формы умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. Тяжесть вреда определяется длительностью нахождения потерпевшего в бессознательном состоянии, характером физической боли, особой жестокостью при нанесении телесных повреждений, а также использованием тех или иных видов оружия. Кроме того, если даже убийство

совершено по неосторожности, но при обстоятельствах, обнаруживающих крайнее безразличие преступника к ценности человеческой жизни, оно может быть также признано тяжким.

Напротив, в уголовном законодательстве государств, относящихся к романо-германской правовой семье, основным преступлением против жизни считается простое убийство. Например, в соответствии с Уголовным кодексом Франции под простым убийством понимается умышленное причинение смерти другому человеку [34]. Состав тяжкого убийства построен на конструкции простого убийства. Тяжкое убийство во Франции является простым убийством, которое было совершено при отягчающих обстоятельствах. В качестве самостоятельной разновидности убийства предусмотрено отравление.

Простое убийство положено в основу системы преступлений против жизни человека также в Уголовный кодекс Германии. Норма о простом убийстве содержится в абз. 1 § 212: «Тот, кто убивает другого человека при обстоятельствах, когда отсутствуют признаки тяжкого убийства, наказывается лишением свободы на срок не менее трех лет». Тяжкое убийство имеет место в случае совершения простого убийства при отягчающих обстоятельствах. При этом немецкое уголовное законодательство выделяет особо тяжкий и менее тяжкий составы убийства.

В уголовном законодательстве большинства зарубежных государств в основу выделения квалифицированных составов убийства положены следующие признаки.

Во-первых, признаки, относящиеся к мотиву и цели:

- убийство по заказу или найму;
- убийство из корыстных или других низменных побуждений;
- убийство с целью получения себе или другим лицам прибыли или материальных ценностей;
- убийство из хулиганских побуждений;
- убийство из низменных или неуважительных мотивов;
- убийство, совершенное по мотивам, которые заслуживают осуждения (Польша);
- убийство с особой бессовестностью, то есть при наличии особой жестокости в части мотивов, целей или способов совершения убийства (Швейцария);
- убийство в целях удовлетворения половой страсти;
- убийство, совершенное на почве кровной мести, а равно социальной, национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;
- убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего.

Во-вторых, признаки, связанные с совершением другого преступления:

- убийство при совершении кражи;
- убийство с целью скрыть совершение другого преступления или облегчить его совершение;
- убийство в целях недопущения ареста, а равно с целью добывания средств к существованию во время уклонения от явки в суд (Италия);
- убийство в целях избежания ответственности за другое преступление;
- убийство, совершенное членом преступной организации;
- убийство с целью уничтожения доказательств и признаков совершенного преступления, а равно с целью уклонения от уголовного наказания (Турция);
- убийство лица или его родственников за его отказ участвовать в совершении преступления (Беларусь);
- убийство, сопряженное с нападением;
- убийство, которое стало следствием жестокого обращения с детьми (США);
- убийство, сопряженное с терроризмом;
- убийство, сопряженное с бандитизмом.

В-третьих, признаки, относящиеся к личности потерпевшего:

- убийство вследствие определенных качеств потерпевшего (Албания);
- убийство полицейского при исполнении им своих служебных обязанностей;
- убийство свидетеля или потерпевшего в целях воспрепятствования сообщения ими определенных фактов, подачи жалобы или не дачи показаний в суде (Франция);
- убийство лица, которое сообщило о совершенном преступлении;
- убийство беременной женщины, престарелого или малолетнего лица;
- убийство лица, которое находится в уязвимом состоянии в силу перечисленных в законодательстве обстоятельств (Франция).

В-четвертых, признаки, относящиеся к другим обстоятельствам:

- убийство, совершенное по причине сопротивления при аресте или во время побега из мест заключения;
- убийство группой лиц по предварительному сговору;
- убийство лицом, которое ранее совершало умышленное убийство (Беларусь);
- повторное совершение умышленного убийства (Англия);
- убийство при особо опасном рецидиве;
- убийство, совершенное сотрудником правоохранительного органа или военным (Таджикистан).

Состав убийства признается менее тяжким по законодательству зарубежных стран в следующих случаях:

- убийство по требованию потерпевшего (Австрия);
- убийство с согласия потерпевшего;
- убийство из чувства сострадания к потерпевшему;
- убийство в состоянии сильного душевного волнения;
- убийство в состоянии аффекта;
- убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника;
- убийство, совершенное в результате провокации (Канада);
- убийство на дуэли (Уругвай).

Одним из видов «привилегированного» состава убийства в зарубежном уголовном праве является детоубийство, под которым чаще всего понимается умышленное убийство матерью новорожденного ребенка. Выделение данного состава в качестве «привилегированного», как правило, связано с негативным психофизическим состоянием матери, что обусловлено беременностью и родами. В частности, обстоятельствами, смягчающими ответственность, являются: непосредственно сам процесс родов, сильные эмоциональные переживания, связанные с родами, заболеваниями ребенка, особо трудная ситуация в личной жизни, страх раскрытия ребенка, тяжелое материальное положение. Однако, в некоторых странах для смягчения наказания особого психофизического состояния матери не требуется [25, стр. 43-45]. В соответствии со ст. 149 Уголовного кодекса Республики Польши наказанием за убийство матерью новорожденного ребенка во время родов под влиянием непосредственного процесса является лишение свободы на срок от трех месяцев до пяти лет [33]. На основании Уголовного кодекса Республики Сан-Марино мать, совершившая убийство своего новорожденного ребенка непосредственно после родов по мотивам «чести», подлежит наказанию в виде тюремного заключения третьей степени. Аналогичное наказание применяется к матери, которая совершила убийство своего новорожденного ребенка с уродствами, предварительно удостоверившись, что данное уродство является неизлечимым. Однако же, любое лицо, которое принимало участие в совершении вышеуказанного умышленного преступления с целью получения прибыли, наказывается тюремным заключением четвертой степени. Также в случае, если соучастник является медицинским работником, то к нему также применяется тюремное заключение четвертой степени [32]. В Англии существует специальный Закон о детоубийстве, согласно которому простым убийством признается причинение матерью смерти своему новорожденному ребенку в возрасте до 12 месяцев при условии, что во время совершения преступления она находилась в особом психическом состоянии. В уголовном законодательстве Италии предусматривается отдельная ответственность за оставление матерью своего ребенка без помощи. Однако, в законодательстве Японии отсутствует отдельная норма, регулирующая детоубийство. Ответственность за убийство новорожденного ребенка наступает по общей норме, сформулированной в ст. 199 УК Японии «Убийство».

Уголовное законодательство зарубежных стран проводит разграничение между убийством и самоубийством. Актуальным вопросом и в зарубежной практике является допустимость эвтаназии, когда лишается жизни тяжелобольной человек, который испытывает страдания и сам просит близких родственников или медицинских работников умертвить его [6; 7; 8; 19; 20; 22; 23; 24; 27]. В 1984 году в Нидерландах Верховный Суд страны признал эвтаназию приемлемой, и это был первый факт легализации эвтаназии государством. В 2017 году в Австралии штат Виктория легализовал эвтаназию, разрешив ее применение с 2019 года только в отношении смертельно больных пациентов [11, стр. 14-19].

Правомерность лишения жизни врачом по просьбе потерпевшего в случае, если он неизлечимо болен, не в силах перенести физические страдания, предусмотрена ст. 35 УК Японии [36]. Но по законодательству большинства государств эвтаназия запрещена и при ее совершении виновное лицо подлежит уголовной ответственности.

Таким образом, изучение зарубежного уголовного законодательства показывает, что формулировки составов убийства, а равно иных преступлений против жизни, являются достаточно похожими. Это связано с тем, что жизнь является высшим благом, охраняемым нормами международного права. Данная ценность не может иметь национальных границ, так как является общечеловеческой ценностью [21]. Но существуют национальные особенности регулирования уголовной ответственности за посягательство на жизнь, которые обусловлены национальными традициями, особенностями правовой культуры и наличием специфических правовых институтов. Применительно к убийству было установлено единство понимания законодателями разных государств сущности этого преступления, а также его деление на три вида – простое, квалифицированное и привилегированное, хотя в большинстве случаев законодательство не выделяет данных категорий.

Список литературы

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
2. Агаев Д.О. Современная тенденция развития института смертной казни // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С 156-158.
3. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь и право на смертную казнь в юридической теории и практике: Монография. – Душанбе: ЭР-граф, 2011 – 196 с.
4. Бабаджанов И.Х. Правовое регулирование статуса эмбриона человека: светский и религиозный аспекты // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 14-26.
5. Бабаджанов И.Х. Правовой статус человеческого эмбриона: несколько подходов к анализу // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 10-28.
6. Бабаджанов И.Х., Сальников В.П. Современная эвтаназия: законодательное признание или запрет // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 8. – С. 134-151.
7. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Жизнь и смерть в аксиологическом восприятии // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 189-198.
8. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Жизнь и смерть как базовые категории философско-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 17-27.
9. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Смертная казнь: юридические и духовно-нравственные аспекты // Мир политики и социологии. – 2017. – № 2. – С. 168-176.
10. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Статус эмбриона человека: проблемы правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 120-130.
11. Вахрамеева Л.Н. Конституционно-правовое признание права человека на жизнь в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. – 2017 . – № 2. – С.14-19
12. Зоиров Д.М., Щендригин Е.Н. Смертная казнь и право на жизнь: юридическая теория и правоохранительная практика // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 158-162.
13. Иванов А.В. Проблемы отмены смертной казни в России в контексте международных обязательств // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 153-161.
14. Квашис В.Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы. – М.: Юрайт, 2008. – 800 с.
15. Коновалова Т.Ф. Нужна ли России смертная казнь? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 2. – С. 23-25.
16. Лепешкина О.И. Смертная казнь: опыт комплексного исследования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 194 с.
17. Малько А.В., Терехин В.А., Афанасьев С.Ф. Смертная казнь в современной России: не пора ли наконец определиться? // Криминологический журнал БГУЭП. – 2014. – № 2. – С. 79-89.
18. Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект Института американского права. – М.: Прогресс, 1969. – 303 с.

19. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Право на смерть в системе соматических прав человека // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр., Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; ИГП. Центр эколого-правовых исслед.; Центр адм.-правовых исслед.; Отв.ред.: О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. – М.: ИГП РАН, 2003. – С. 339-360.
20. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Право и медицина»).
21. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
22. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Эвтаназия: за и против // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С 42-48.
23. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
24. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
25. Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 43-45.
26. Смертная казнь: за и против / Сост.: Парфенова Т.С., Шишов О.Ф.; Под ред. С.Г. Келиной. – М.: Юрид. лит., 1989. – 528 с.
27. Стеценко С.Г. Жизнь и смерть человека как объект правовой науки // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 180-188.
28. Стешич Е.С. Ответственность за убийство в государствах общей и континентальной правовых семей (очерк сравнительного правоведения) // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 104-109.
29. Судебные системы Европы и Евразии: Научно-энциклопедическое издание: в 3 т. / Под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. – М.: Проспект, 2019. – Т. 1. – 488 с.; Т. 2. – 528 с.; Т. 3 – 528 с. – (Серия «Судебные системы государств мира»).
30. Уголовное право Соединенных Штатов Америки: Сборник нормативных актов / Сост. и авт. вступ. ст. И.Д. Козочкин. – М.: УДН, 1986. – 160 с.
31. Уголовный кодекс Австралии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 388 с.
32. Уголовный кодекс Республики Польша. – СПб.: Издательство С.В. Максимова, 2001. – 33 с.
33. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. – СПб.: Издательство С.В. Максимова, 2002. – 42 с.
34. Уголовный кодекс Франции. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 650 с.
35. Уголовный кодекс ФРГ. – М.: Юрид. колледж МГУ, 1996. – 202 с.
36. Уголовный кодекс Японии. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 226 с.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич,
и.о. ректора Курганского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Курган, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

МОРОЗОВ Алексей Игоревич,
заместитель генерального директора «Лидер и К» (г. Санкт-Петербург, Россия)

ЧУДИН-КУРГАН Федор Олегович,
генеральный директор «Компания Русское дело» (г. Москва, Россия)
E-mail: 7551242@gmail.com

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ И МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА: КЕЛЬЗЕН – ХАРТ – ДВОРКИН

Аннотация*.Обосновывается, что Г. Кельзен решает вопрос о взаимном значении правовых и моральных норм в контексте проблематики ценностей, являющейся системообразующей для теоретических построений неокантианства, аналитической юриспруденции и феноменологической философии права. Показывается, как вступая в заочную полемику с Г. Кельзеном, основоположник аналитической юриспруденции Г. Харт стремится обосновать эмпирическую природу нормативных фактов и ценностей морали, которые он выводит из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности. Резюмируется, что результатом дискуссии между Г. Хартом и Р. Дворкиным об императивной природе правовых норм стала актуализация проблемы всеобщего ценностного начала права и морали. Высказывается мнение, что подход к решению этой проблемы, созвучный итогу развития западной правовой мысли в XX – XXI вв., находится также в компрехендной теории права.*

Ключевые слова: *Кельзен; Харт; Дворкин; ценность; норма; мораль; право; доктрина компрехендного понимания права.*

PROKOFIEV K.G.
MOROZOV A.I.
CHUDIN-KURGAN F.O.

THE PROBLEM OF CORRELATION OF LEGAL NORMS AND MORAL VALUES IN WESTERN PHILOSOPHY OF LAW: KELSEN – HART – DVORKIN

The summary. *It is proved that G. Kelsen solves the question of the mutual importance of legal and moral norms in the context of the problem of values, which is the backbone for the theoretical constructions of neo-Kantianism, analytical jurisprudence and the phenomenological philosophy of law. It is shown how, entering into a correspondence debate with G. Kelsen, the founder of analytical jurisprudence, G. Hart, seeks to substantiate the empirical nature of normative facts and moral values,*

which he takes from the realm of pure legal reason to the realm of empirically given reality. It is summarized that the discussion between G. Hart and R. Dvorkin on the imperative nature of legal norms resulted in the actualization of the problem of the universal value principle of law and morality. The opinion is expressed that the approach to solving this problem, consonant with the outcome of the development of Western legal thought in the twentieth and twenty-first centuries, is also in the comprehending theory of law.

Key words: *Kelsen; Hart; Dvorkin; value; norm; morality; law; the doctrine of a comprehending understanding of law.*

Проблема соотношения моральных ценностей и правовых норм в западной философии права является одной из наиболее обсуждаемых как в аналитическом, так и в феноменологическом варианте современной западной философии права, которые при всех расхождениях имеют общие генетические корни, связанные с отношением к неокантианскому наследию [2; 13; 15; 25]. Принципиально значимой фигурой здесь является Г. Кельзен (1881 – 1973), авторитет которого в равной мере признается как феноменологами, так и аналитиками. С этой точки зрения, Кельзен может быть назван одним из самых влиятельных правоведов XX столетия, идеи которого сохраняют свое значение и в наше время. Как нам представляется, своим успехом творчество Г. Кельзена было обязано именно стремлением органически сочетать сохранявший свое влияние юридический позитивизм с неокантианскими новациями.

Вопрос о значении друг для друга правовых и моральных норм Кельзен решает в контексте проблематики ценностей, являющейся системообразующей для теоретических построений неокантианства. Реальное поведение человека, указывает Кельзен, может соответствовать или отклоняться от нормы, устанавливающей условия желательного поведения [38, стр. 16]. Суждение, устанавливающее связь между поведением и нормой, является, по Кельзену, ценностным суждением: «позитивным» в том случае, если оно заключает, что поведение соответствует действительной норме, то есть является таким, как предписывает норма, и «негативным», если оно заключает, что «поведение не такое, каким оно должно быть согласно действующей норме» [38, стр. 17]. Г. Кельзен различает между «субъективной ценностью», которая заключается «в отношении объекта» к «направленному на него желанию или воле» человека и «ценностью в объективном смысле, то есть ценностью, которая выражается в отношении поведения и объективно действительной нормы» [38, стр. 20] и устанавливается вне зависимости от «желаний и воли» тех, кто оценивает [38, стр. 17].

Суждение называют ценностным, потому что оно утверждает, что факт действительности является «позитивным», «безнравственным» или «негативным». Обозначающая «определенное поведение как желательное» норма устанавливает ценность [38, стр. 16]. Более того, «ценность» является «синонимом понятия желаемого, а норма – лишь выражением желаемого, ценности» [38, стр. 19]. Норма является ценностным мерилом реального поведения. Каждая действующая норма устанавливает ценность и делает это именно благодаря тому, «что является нормой» [38, стр. 67]. Право «устанавливает правовую ценность, которая в то же время является относительной моральной ценностью» [38, стр. 67].

Основоположник аналитической юриспруденции Г. Харт (1907 – 1992) в целом солидаризируется с концепцией основной нормы Г. Кельзена. В учении Г. Харта известный швейцарский историк политико-правовых учений Марсель Зенн видит своего рода творческий синтез идей Иеремии Бентама, Джона Остина и Ганса Кельзена на методологической основе, тематизированной преимущественно работами Г. Фреге и Б. Рассела [39, стр. 98]. При этом М. Зенн отмечает, что Г. Харт в соответствии с духом неокантианства проводит ясное различие между правом и моралью, отвергая при этом волюнтаристский подход раннего позитивизма, как в своем главном произведении 1961 г. «Понятие права» («The Concept of Law»), так и вболее поздних работах [26; 27]. В работе 1963 года «Право, свобода и мораль» Г. Харт уже

напрямую обращается к вопросам соотношения норм морали и норм права.

Анализируя отношение основателя аналитической юриспруденции к концептуальным основам этико-правовой теории Г. Кельзена, современные исследователи обычно противопоставляют учение Г. Харта о природе нормативных фактах исходным методологическим посылкам учения Г. Кельзена. Для подтверждения своих слов сошлемся на выводы профессора Федерального университета Парагвая М. Барауна, сделанные им в докладе на XXVI Всемирном конгрессе философии права и социальной философии (Бразилия, 21 – 26 июля 2013 г.). Он справедливо указывает на то, что, согласно Г. Кельзену, сами по себе социальные факты не могут содержать в себе оснований для установления действительных правовых норм и такие основания могут содержать только другие нормы, комплекс которых составляет базис теоретического описания системы права. По мнению латиноамериканского автора, причиной этого является исходная для Кельзена позитивистская парадигма, не позволяющая выводить общие принципы, законы и нормы из самих по себе единичных фактов [29, стр. 448].

Комментируя эту теоретическую посылку, отметим, что классический позитивизм, тяготеющий к ранним формам докантовского эмпиризма, решал эту проблему, указывая на возможность индуктивного обобщения данных чувственного опыта в старых традициях бэконовско-гоббсовской гносеологии. Для Г. Кельзена подробного рода упрощенный подход уже не заключал в себе эвристического потенциала, что, собственно, и заставило его (вслед за другими современными ему представителями позитивизма) обратиться к кантовским принципам априоризма в познании. Следствием этого и стала, как мы уже отмечали, отсылка к идее основной нормы, а соответственно, и вся возводимая Г. Хартом теоретическая конструкция обоснования права и морали.

Напротив, Г. Харт в противовес устойчивому стремлению австрийского юриста опираться на идеи основоположника немецкой классической философии, пытается каким-то образом модернизировать и сохранить исходные посылки традиционного англо-саксонского эмпиризма. Анализируя аргументацию Г. Кельзена и контраргументацию Г. Харта, М. Барауна указывает на содержательное несовпадение понятия социального факта в дискурсе учения Г. Кельзена и понятия нормативного социального факта Г. Харта [29, 448].

Хотя М. Барауна и отстаивает превосходство концепции Г. Харта в сравнении с тезисами Г. Кельзена, которые отрицают возможность существования такого рода «нормативных фактов», все же он надеется на своего рода синтез их учений, если попытаться каким-то образом совместить идею нормативных фактов Г. Харта и идею основной нормы Г. Кельзена. Нам, однако, такая перспектива представляется крайне сомнительной, поскольку «основная норма», будучи в последовательно кантианских традициях «фактом сознания», не может быть одновременно также фактом действительности, как и наоборот. И напротив, весь пафос позитивизма Г. Харта направлен на то, чтобы указать на эмпирическую природу нормативных фактов, принципиально выведя их из сферы чистого правового разума в сферу эмпирически данной действительности.

Обосновывая возможность данности научному познанию такой «сферы нормативных фактов», Г. Харт устанавливает различие между первичными и вторичными моральными и правовыми правилами, что является прямой отсылкой к гносеологии Дж. Локка, уточнившего концепцию Т. Гоббса за счет различия первичных и вторичных качеств вещей. Г. Харт явно рассчитывает реанимировать и усилить возможный потенциал модернизирующей коррекции гносеологии классического эмпиризма, которая в XVII в. была осуществлена Дж. Локком в пределах самого этого эмпиризма, с ее одновременной экспликацией на сферу этико-правовой проблематики. Здесь основоположник аналитической юриспруденции видит возможность удержания «этоса» классического эмпиризма на уровне дискуссий XX столетия о перспективах методологии в праве.

Первичными правилами, по Г. Харт, являются все юридические правила, функция которых заключается в том, чтобы навязывать гражданам обязанности поведения, то есть предписывать гражданам делать что-либо или воздерживаться от определенных вещей, независимо от того, согласны они на это или нет. Вторичные правила, напротив, относятся не к регулированию поведения человека, а только к обращению с правилами первого типа. Поэтому,

в отличие от основных, чисто поведенческих правил, вторичные правила можно также назвать правилами, относящимися к правилам. В частности, это правила, которые определяют, как правила поведения первого типа распознаются в сомнении, как они обоснованы, отменены или изменены, или как они в конечном итоге становятся доступными в каждом конкретном случае. Таким образом, способом формирования «вторичных правил» оказывается рефлексия, что полностью соответствует способу образования «вторичных качеств» Дж. Локка, в то время как «первичные правила» (подобно «первичным качествам» Дж. Локка) всецело определяются эмпирическими посылками [14; 19; 20].

Параллельно этому различию первичных и вторичных этико-правовых правил Г. Харт вводит также различия между внешними и внутренними правилами. Внешние правила относятся к точке зрения наблюдателя, который не признает сами правила и для которого, следовательно, вполне достаточно того, чтобы иметь возможность предсказать, что отклонение от нормального поведения с определенной вероятностью вызовет санкцию из-за наблюдаемых им внешних закономерностей. Внутренний аспект правил определяет точка зрения, которую кто-либо принимает в качестве члена той группы, признающей соответствующее правило, и которой он соглашается руководствоваться в своем поведении.

Все эти категориальные дифференциации должны в конечном итоге создать понятийное поле для теоретического воспроизведения области нормативных фактов посредством специального юридического языка [18, стр. 46-55]. Понятийный дискурс права, в рамках которого может быть адекватно описана как сама область нормативных фактов, так и ее «нормативизирующее» воздействие на первичные этико-правовые правила, согласно Г. Харту, очерчивается тремя основными проблемами, характеризующимися дихотомической оппозицией выделенных им базовых категорий правового мышления:

Первая проблема определяется противоречием правового принуждения и неправового (незаконного) принуждения. По мысли Г. Харта, задача юриспруденции состоит в том, чтобы максимально точно определить специфические признаки правового принуждения, организованного на правовых основах. Постановка такой задачи связана с тем очевидным фактом, что свобода выбора между многими альтернативами действия может быть ограничена не только одними лишь средствами юридически обеспеченного принуждения. В подтверждение этого Г. Харт приводит пример вооруженного грабителя, который также ограничивает свободу выборы для своей жертвы. В таком случае принуждение вовсе не может быть принято в качестве достаточного признака права. Постоянная акцентировка именно этого примера позволяет оценивать этико-правовую концепцию Г. Харта, как развернутый ответ на вопрос Августина Блаженного: «Что суть государства без справедливости, как не разросшиеся разбойничьи шайки?»

Вторая проблема связана с преимущественно интересующей нас дихотомией права и морали, которую Г. Харт исходно характеризует как проблему различия между юридическими и моральными обязательствами. Суть проблемы Г. Харт видит в том, что право, в отличие от морали, является единственным порядком социальных отношений, который устанавливает четкие границы свободы выбора. Особая сложность, согласно его выводу, возникает здесь вследствие того, что право и мораль отчасти используют один и тот же язык, одни и те же термины (так, например, в равной мере говорят как о правовых, так и о моральных правах и обязанностях), а также вследствие того, что право, установленное государством, в своем содержательном аспекте в значительной мере предписывает личности то же самое, что требуют также и мораль.

Здесь Г. Харт в первую очередь обращает внимание на то, что в идее справедливости, которая представляет собой как юридическую, так и моральную ценность, сферы морали и права до известной степени «объединяются друг с другом». Тем не менее, подчеркивает он, нормы права существенно отличаются от норм морали. Это видно уже из того, что даже несправедливый закон все же является законом. По мнению Харта, законы, какими морально несправедливыми они ни были, так или иначе останутся законами. Поэтому, несмотря на все возможные параллели, Г. Харт предлагает последовательно различать право и мораль по их сущности, а также предлагает содержательно проанализировать характерные черты этих различий, исходя из новых методологических установок.

Третья проблема связана с указанным выше соотношением нормативных и обычных правил, фиксируемых в форме социальных фактов. А именно: требуется точно определить, что представляют собой нормативные правила и в чем состоит их отличие от обычных правил. Дело в том, что правовая система, как утверждает ученый, состоит полностью, или во всяком случае в основном состоит, из социальных правил. Понятие последних, согласно Г. Харту, лишено даже минимальной ясности, без чего становятся бессмысленными всякие рассуждения о различии нормативных и обычных правил. Но именно по этому вопросу сложилось самое большое число разнообразных точек зрения, так что некоторые исследователи даже приписывают его содержанию некое мистическое значение.

В целом теоретические трудности, проявленные в этих трех проблемах, вызваны прежде всего тем, что в действительности существуют определенные закономерности социального поведения личности, в основе которых не лежит какое-либо одно правило поведения, имеющее явные признаки нормативности. Анализируя понятие права в представленном таким образом проблемном поле и определяя пути выхода из указанных затруднений, Г. Харт прежде всего обращается к теории императива, как она была представлена в XIX веке Дж. Остином. В этом вопросе теория Дж. Остина сводится к объяснению правовых правил в соответствии с моделью команд, поддерживаемых угрозами. Однако уже простой пример с вооруженным грабителем, который в своей полемике приводит Г. Харт, явно показывает, что теория императива при переходе от уровня непосредственных межличностных отношений к уровню социального действия и, соответственно, социальных правил, требует, как минимум, целого ряда существенных модификаций.

Модифицированные в соответствии с указанными требованиями императивные нормы Г. Харт разделяет на два типа: нормы, которые наделяют полномочиями, и нормы, налагающие какие-либо обязанности, нарушение которых чревато применением наказующих санкций. При этом он настаивает на том, что эти нормы не следует смешивать друг с другом: уполномочивающие нормы, отнюдь, не являются нормами обязывающими. Теперь остается рассмотреть, как в эту систему норм, которую Г. Харт определяет как строго эмпирическую по форме своей дедукции, могут вписываться нормы морали.

Тем понятием, которое позволяет Г. Харту включить этический дискурс в правовой контекст, является понятие естественного права, в отношении которого он, как и Кельзен, не испытывает обычных позитивистских предубеждений. Именно, естественное право представляется ему той сферой правовой мысли, традиционным доменом которой были рассуждения о справедливости, нравственности и праве. Но в отличие от Кельзена, он не считает естественное право чисто априорной данностью. Согласно Г. Харту, естественное право должно согласоваться с нормами позитивного права и, в конечном итоге, должно опираться на них как на свою действительную предпосылку.

Прежде всего Г. Харт противопоставляет свою точку зрения утвердившемуся в правовой науке мнению, согласно которому право может диктовать лишь правила «внешнего» поведения и является индифферентным к мотивам и намерениям субъектов правовых отношений, действующих равнодушно, в то время как мораль непосредственно опирается на волю, намерение или мотив таких субъектов. Г. Харт считает это различие не очень убедительным. Тем не менее, он интерпретирует его как сжатое резюме всех четырех проблем, которые все вместе служат для того, чтобы отличить мораль не только от правовых норм, но и от других социальных правил.

Во-первых, моральные правила занимают на ступенях иерархии социальных норм самое высокое место, в то время как правовые правила могут относиться и к совершенно незначительным предметам.

Во-вторых, моральные правила не могут быть изменены целенаправленно. Они существенно связаны с нравственными традициями и поэтому, хотя и не являются неизменными, они, как и все традиции, сопротивляются произвольному влиянию. Правовые же правила проявляют себя иначе даже в тех областях, где по-прежнему нет государственной законодательной власти. Ярким примером этого служит международное право.

В-третьих, в моральной сфере ответственность за нарушение правил требует, чтобы человек действовал добровольно. Если он может доказать, что он был принуждаем к том или иному действию, ошибался, не имел достаточной информации или испытывал какое-либо

давление на себя, то общественное мнение может освободить его от моральной ответственности. Например, может избежать моральной ответственности за совершенный аборт, если ему не была в достаточной степени понятна аморальность такого поступка. В области права это, отнюдь, не так.

В-четвертых, форма социального давления, оказываемого на лицо с целью побудить его следовать моральным правилам, отличается от того, что имеет место в законодательстве. Неисполнение правовых правил часто грозит самыми неприятными последствиями, в то время как моральное давление обычно состоит из призывов соблюдать правила как то, что само по себе важно, предполагая, что адресаты обращений в принципе также согласны с этим мнением.

Несмотря на установленные различия, Г. Харт подчеркивает существование жесткой корреляции в отношениях между юридическом законом и нормами морали. Важное звено этих отношений он усматривает в принципе справедливости, требующим равного обращения в социальном общении. А именно: относиться к равному и к неравному в социальных отношениях соответствующим образом, в зависимости от степени неравенства (или в другой формулировке: трактовать одинаковые случаи одинаково, а разные – различно), – это Г. Харт считает наиболее фундаментальным правовым принципом.

Однако здесь заключена и известная трудность, состоящая в том, что не существует фактов, которые бы совпадали друг с другом, не отличаясь друг от друга, как и нет людей, которые не отличались бы друг от друга в некоторых взглядах. Пока не установлены критерии того, какие сходства и различия в социальных отношениях должны считаться релевантными, принцип равенства остается пустой формулой. Однако здесь не существует и не может существовать единых критериев на все времена. В зависимости от их становления в тот или иной исторический период, принцип справедливого равенства наполняется конкретным содержанием. Отрицание же этого принципа имеет несколько иные характеристики: когда мы критикуем правила права как несправедливые, это подразумевает наличие некоторой шкалы равенства, которая не может заключаться в сфере права, а скорее находит свою основу в наших представлениях морального характера.

Таким образом, право, согласно Г. Харту, должно, в принципе, соответствовать морали, но это соответствие не является простым и прямолинейным, подобно тому, как это представлялось в классической теории естественного права (разумеется, в той интерпретации, которую дает естественному праву сам Г. Харт).

Говоря о всеобщности правовой нормы, Г. Харт выделяет два ее смысла, которые он определяет, соответственно, как смысл абстрагирующий и генерализирующий. Норма не является передачей приказа от одного лица к другому: она сначала адресуется к всеобщему классу личностей, а затем маркирует собой всеобщий тип отношений. Таким образом, «модель налетчика на банк» должна быть модифицирована этой двойной всеобщностью, чтобы стать ближе к форме модели, объясняющей природу нормы. Второй модификацией императива, согласно Г. Харту, является долговечность и устойчивость нормы и ее действия. В отличие от приказа налетчика, действие которого завершается вместе с ситуацией самого преступления, закон, понимаемый как предписание отношения, поддерживаемое угрозой санкции, действует до тех пор, пока не будет отменен. Его Г. Харт сравнивает с дамокловым мечом, постоянно висящим над головой своего адресата. Третьей модификацией императива Г. Харт называет повиновение, соразмерное привычке. Чтобы обосновать выделенные качества стабильности и континуальности правовой системы, следует также принять, что большинство нормативных императивов действуют в пространстве взаимного влияния личностей друг на друга. Г. Харт вслед за Дж. Остином обозначает этот феномен как чувствительность к «всеобщей привычке». Четвертую модификацию императива, делающего его правовой нормой, Г. Харт связывает с идеей суверенитета. Компетенция утверждения правовой нормы требует, во-первых, территориального суверенитета, и, во-вторых, независимости от других правовых систем.

Только в случае модификации императива как некоторого социального факта по всем четырем указанным основаниям, этот императив может состояться в качестве правовой нормы. То есть может от простого социального факта возвыситься до нормативного социального факта. В свою очередь, «модифицированные» таким

образом нормы Г. Харт предлагает разделять на уполномочивающие и обязывающие нормы. Нормы морали в общем и целом соответствуют правовым нормам, но это соответствие также не является прямолинейным и очевидным, а нуждается в своих, дополнительных, «модификациях».

В итоге оказывается, что нормы мы можем трактовать как абстрактные и генерализированные, устойчивые во времени, психологически, социально и политически обусловленные императивы. При этом их «субстанцией» все равно остается эмпирически фиксируемый «социальный факт», лишь подвергающийся нами определенной интерпретации. Однако апелляция к такого рода интерпретации, которую мы находим в аналитической юриспруденции, может вызвать ответные претензии прежде всего в связи с возможной неубедительностью интерпретации, возможными подозрениями в ее произвольности и ангажированности.

Но, ведь, даже сама по себе возможность таких подозрений лишает императивную трактовку правовых норм качеств всеобщности. Правовые нормы должны быть без всяких оговорок признаны личностью и социальным сообществом как нечто значимое для них, диктуемое их внутренним содержанием или санкционированное со стороны того, что обладает для них высшей ценностью. В противном случае право окажется не выражением свободы, а скрытой формой произвола. Ссылки же на возможные «модификации» социального факта такого насилия, вряд ли, смогут что-либо здесь изменить. В итоге правовая мысль неизбежно должна снова вернуться к вечному для себя вопросу об абсолютной природе права, о его всеобщем начале.

Замаскированная нерешенность данного вопроса в аналитической юриспруденции в конечном итоге и стимулировала последующие дискуссии, среди которых наиболее заметной была дискуссия Г. Харта и Р. Дворкина.

Критика Г. Харта, а таким образом и всей аналитической традиции, велась Р. Дворкиным (1931 – 2013) с позиций теории естественного права, реформированной на основании феноменологической методологии в ее преимущественно (у позднего Р. Дворкина) герменевтическом варианте с устойчивым акцентом на вопросах отношения права и этики [1; 30, стр. 449; 32; 33; 34; 35].

Общий недостаток юридического позитивизма (и аналитической юриспруденции как его варианта) состоит в том, что позитивисты теряют ценностные и моральные предпосылки правовых принципов. При этом совершенно недопустимо отделение права от морали, поскольку правовые принципы по их сути Р. Дворкин считает прежде всего некими моральными стандартами, которым невозможно дать какую-либо дефиницию, лишь основываясь на комплексе концептуальных положений господствующей правовой теории. Каждая правовая дискуссия, утверждает Р. Дворкин, неизбежно приведет к необходимости определения таких базовых принципов [37, стр. 72].

Именно такое видение права актуализируется в «Hart-Dworkin-Debatte» [30, стр. 448]. Сам Р. Дворкин указывает на то, что эти дебаты всего лишь сыграли роль одной из возможных площадок для более значительной по своим основаниям и задачам борьбы с позитивизмом в праве: «Я хотел бы предпринять всеобщее наступление на позитивизм и я буду использовать версию Г.Л.А. Харта как мишень, раз для этого требуется определенная мишень» [31, стр. 181].

Для этого, следуя своей установке на выявление соответствия теории практике, Р. Дворкин прежде всего указывает на то, что общетеоретические посылки позитивизма в трактовке Г. Харта (при их изложении Г. Дворкин редуцирует их до базовых положений Дж. Остина) противоречат реальному опыту англо-американской юридической практики. Ссылаясь на опыт судейской практики, Р. Дворкин выдвигает в качестве главного пункта своего расхождения с императивной концепцией правовых норм Г. Харта (и, шире, позитивизма в целом) невозможность обойтись при разрешении сложных дел в суде лишь позитивными нормами права (Р. Дворкин называет их «правилами»), без учета всеобщих принципов права [31, стр. 28].

Правила и всеобщие принципы в праве, согласно Р. Дворкину, объединяет их общая телеологическая природа: и те, и другие базируются на отношении к цели. Эту цель Р. Дворкин в духе Г. Кельзена определяет как нечто «должное». Но в отношении к этой цели правила и принципы действуют по-разному. Применение правовых правил в случае их противоречия друг другу требует исключения одного из них из практики правоприменения в целом или же в данном конкретном случае. Напротив, всеобщие

принципы в случае конкуренции друг с другом сохраняются сообществом, просто одни из них в процессе социально-правовой коммуникации выходят на передний план, а другие, наоборот, временно отступают, полностью сохраняя при этом свою ценность и возможность быть востребованными обществом в обозримом будущем.

Р. Дворкин исходит из того, что юридический позитивизм либо полностью отрицает всеобщие принципы права, как не имеющие прямых эмпирических аналогов, либо оставляет их исключительно в ведении юридической метафизики. Таким образом, речь идет прежде всего об уточнении содержания правовых принципов и о введении этого содержания в теоретический дискурс, возникающий в интертекстуальном пространстве аналитической и феноменологической правовой литературы. Само понятие «принципа» было вполне устоявшимся в англосаксонской юридической литературе понятием задолго до Р. Дворкина и понималось оно в качестве комплекса определяющих идей, стоящих «за спиной» правовых высказываний и текстов законодательных актов.

В числе важнейших и высших принципов Р. Дворкин называет право на свободу, на жизнь и на стремление к счастью. Эти принципы, по мнению швейцарского историка правовых учений М. Зенна, Р. Дворкин воспринял из общепринятого толкования американской конституции [39, стр. 157]. Однако, еще более основополагающим принципом Р. Дворкин считает принцип равенства, из которого непосредственно следуют принципы, указанные выше [12, стр. 8-11]. Идею принципа равенства Р. Дворкин, утверждает М. Зенн, заимствовал у Дж. Ролза [39, см. 157]. Все эти принципы могут конкурировать между собой, противоречить друг другу, «поскольку право является постоянно развивающейся системой. Право живет не логикой, а опытом» [37, стр. 31]. В этом случае, разумеется, невозможно говорить о значимости общих принципов права для реальной юридической практики.

При этом Р. Дворкин подчеркивал, что сама по себе правовая коммуникация, ранжирующая правовые правила, не может обеспечить реализацию правовых принципов. Наряду с динамикой коммуникации в праве необходима и статика Основного закона, фиксирующего связь изменчивого и всеобщего в праве. В противном случае правовая жизнь обречена на деградацию: «Дворкин утверждает, что за последние десять лет жизнь людей в Великобритании становилась все менее и менее свободной как следствие усиленных мер по борьбе расширяющих полномочия охранительных органов, а также повсеместной политической цензуры. По мнению Дворкина, это приводит к повсеместному попранию самых базовых прав человека и свидетельствует о необходимости принятия писаной конституции Европейским союзом» [28, стр. 25].

Поэтому вступая в полемику с позитивистами и апеллируя к идее правового принципа, Р. Дворкин должен был объяснить, как «право может изменяться, оставаясь при этом неизменным. И как возможно дать два противоположных ответа на один и тот же вопрос, будучи правым в каждом из случаев» [28, стр. 21]. Таким образом, вопрос о соотношении, с одной стороны, изменчивости в праве (в том числе и в исторической перспективе), и его абсолютных, вечных принципов, с другой стороны, является одним из постоянных вопросов в теории права. Именно в актуализации в современном теоретико-правовом дискурсе проблемы всеобщего в праве состоит, как нам представляется, основное значение феномена «Hart-Dworkin-Debatte» в истории современной правовой мысли.

Положение Р. Дворкина о многообразии правовых правил и, главное, о равной ценность для общества, государства и личности общих правовых принципов, которые не отрицают и не уничтожают друг друга в случае взаимного противоречия, предполагает также допустимость и равную значимость различных теоретических платформ в понимании природы права. Такой подход в изложении Р. Дворкина неизменно приобретает и практическую значимость, поскольку право для него – это процесс дискурсивной коммуникации относительно правовых правил и принципов, которая становится возможной именно благодаря приданию представлениям о принципах дискурсивной формы. Поэтому не будет натяжкой сказать, что многообразие и определенная равнозначность различных правовых теорий является необходимым условием осуществления коммуникации, генерирующей право.

Как нам представляется, в какой-то мере созвучной этим итогам эволюции западной философско-правовой мысли XX – XXI вв.

оказалась так называемая компрехендная теория права, которую предложили научной общественности ведущие петербургские ученые в области юриспруденции и философии права профессор В.П. Сальников и профессор С.И. Захарцев [3; 9; 7; 4; 6; 5; 10; 8; 11]. Хотя теоретические источники, на которые они опирались (это прежде всего – классическая философия права, труды советских и российских правоведов), не совпадают с концептуальными предпосылками ни аналитической юриспруденции, ни феноменологической модели права на Западе, их работы вызвали значительный интерес за рубежом среди сторонников именно этих направлений правовой мысли [40].

В целом можно согласиться с тем, что многосторонности феномена права должна соответствовать многоаспектность подхода к созданию научной модели права. Это многоаспектность выражается в том, что в процессе взаимодействия и противоборства различные правовые теории не «уничтожают», а диалектически дополняют друг друга, формируя интегративную модель права [5, стр. 39-47]. Каждая из таких теорий объективно раскрывает определенную существенную грань феномена права.

Список литературы

1. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
2. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 512 с.
3. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальников. – М.: Норма, 2014.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Проблема монизма-плюрализма в философии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 196-209.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 424 с.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
10. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии.- 2018. – № 2. – С. 178-187.
11. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 376 с.
12. Игнаткин О.Б. «Равенство в свободе»: принципы политической философии Рональда Дворкина. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2008. – 201, [2] с.
13. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П.
14. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
15. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
16. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 43-71.

17. Касаткин С.Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Г. Харта и Р. Дворкина: очерк основных позиций // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 4(35). – С. 21-27.
18. Касаткин С.Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 37. – С. 46-56.
19. Лежнева О.Ю. Д. Локк об институтах перехода от естественного состояния в гражданское состояние // Государственно-правовые институты современного общества: Сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 229-235.
20. Лежнева О.Ю., Поливко Е.А. Дж. Локк о судебной власти как проявлении верховенства права и прав личности в гражданском состоянии общества // Верховенство права и национальные интересы России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 30 ноября 2018 г.) // Отв. ред. Г.М. Азнагулова. В 2-х ч. Ч. 1. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. – С. 92-96.
21. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42-47.
22. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 4 (8). – С. 81-88.
23. Оглезнев В.В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. – 2014. – № 3(64). – С. 7-10.
24. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 5 (322). – С. 178-193.
25. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.:ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
26. Харт Г.Л.А. Понятие права. – СПб: Санкт-Петербургский университет, 2007. – 302 с.
27. Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль. – М.: Институт Гайдара, 2020. – 136 с.
28. Чурносов И.М. Правовая концепция Рональда Дворкина: Дис… канд.юрид.наук. – М., 2014. – 254 с.
29. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013. P. 448.
30. Barbosa L.F. Influence of Ethics in the Concept of Law: Actual Stage of the «Hart-Dworkin Debate» // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013. P. 448 – 449.
31. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkert der Gerechtigkeit. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
32. Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton: Oxford, 2006.
33. Dworkin R. Justice for hedgehogs. – London: Belknap Press, 2011.
34. Dworkin R. Law's Empire. – London: Fontana, 1986.
35. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. -Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.
36. Hart H. Recht und Moral. Göttingen, 1971.
37. Heinold A. Die Prinzipientheorie bei Ronald Dworkin und Robert Alexy. – Berlin: Duncker&Humbolt, 2011.
38. Kelsen H. Reine Rechtslehre. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit. 2 vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Wien: Franz Deuticke, 1960.
39. Senn M. Rechts- und Gesellschaftsphilosopie. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesisch Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.
40. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4.

Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.

5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ"*
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2019, № 6

Выход в свет 04.07.2019. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 322.

Фонд содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!